



У А В А Н О У Е
Б А - Б А Н К

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ



М И С Т И Ф И К А Ц И Я

Annotation

Современная английская писательница Джозефина Тэй (наст имя Элизабет Макинтош, 1897–1952) — классик детективного жанра.

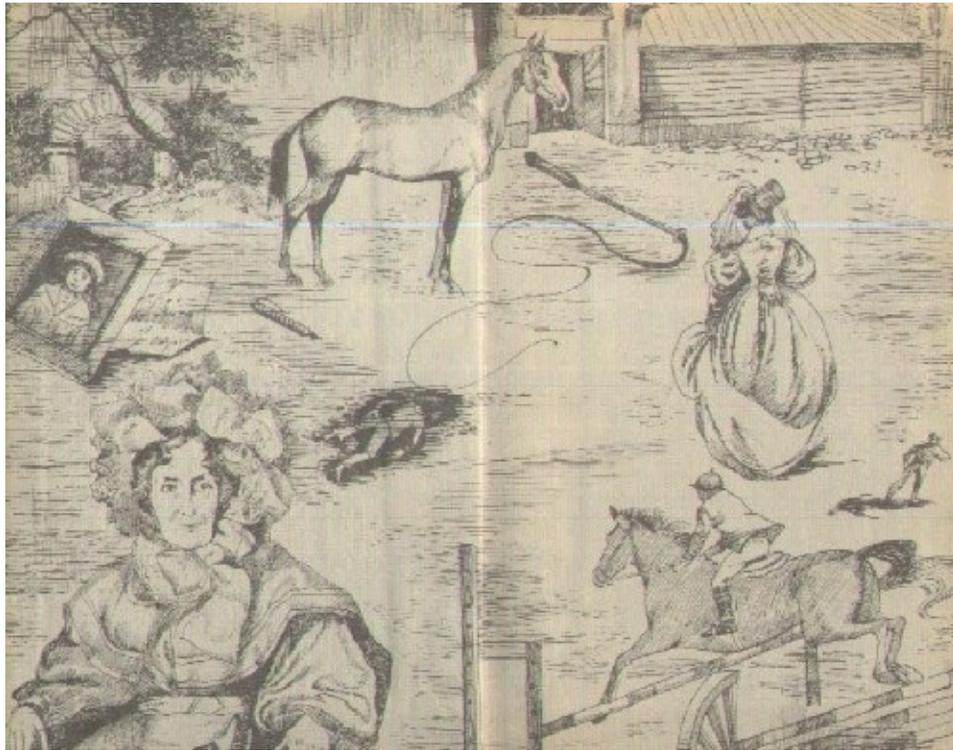
В романе «Мистификация» главный герой, согласившись на участие в мошенничестве, невольно раскрывает другое, куда более опасное преступление. Во втором произведении его герой Роберт Блэр, глава небольшой адвокатской фирмы, неожиданно для себя становится участником необычного дела, связанного с похищением девушки.

На русском языке романы публикуются впервые.

- [Джозефина Тэй](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)

- [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Джозефина Тэй МИСТИФИКАЦИЯ





VA BANQUE
ВЛ-БАНК

АЖОЗЕФИНА ТЭИ



МИСТИФИКАЦИЯ
ЗАГАДОЧНЫЕ СОБЫТИЯ
ВО ФРАНЧЕСЕ



КВЕСТ
1993

МИСТИФИКАЦИЯ



ГЛАВА 1

— Тетя Беа, а кто был хитроумнее — Одиссей или Ной? — спросила Джейн, дуя на ложку с супом.

— Не ешь с кончика ложки, Джейн!

— А с боку у меня фасоль проскальзывает мимо рта.

— Почему же у Сандры не проскакивает?

— У нее рот, как насос, а я так не умею.

— У тети Беа лицо как у очень дорогой кошки, — сказала Сандра, покосившись на тетку.

«Довольно точно подмечено, — подумала Беатриса, — но лучше бы в голову Сандры не, приходили столь странные образы».

— Нет, но кто же из них все-таки был хитроумнее? — упорствовала Джейн. — Одиссей или Ной? Как ты считаешь, Саймон?

— Одиссей, — отозвался ее брат, не поднимая глаз от газеты.

«Как это у него получается? — подумала Беатриса. — Изучает результаты скачек в Ньюмаркете, сыплет перец себе в суп и еще следит за разговором, который ведется за столом».

— Почему ты так думаешь, Саймон? Почему Одиссей?

— Ему не сообщали прогноз погоды. Беа, не помнишь, какое место в прошлый раз занял Фарфлайт?

— Где-то в конце.

— Совершеннолетие — это ведь похоже на свадьбу, правда, Саймон? — спросила Сандра.

— Даже лучше.

— Почему?

— На праздновании своего совершеннолетия мне можно будет танцевать всю ночь. А на свадьбе так не получится.

— А я буду танцевать всю ночь на собственной свадьбе.

— С тебя станется.

«Господи! — подумала Беатриса. — В других домах дети за обедом, наверно, не несут такой вздор. Может быть, я с ними недостаточно строга?».

Она окинула взглядом три склоненные над тарелками головы и пустой стул Элеоноры. Все ли она для них сделала? Были бы Норма и Билл довольны тем, как Беатриса воспитала их детей? Если бы вдруг каким-то чудом они сейчас вошли в столовую — молодые, веселые, красивые, такие,

какими их застала смерть — сказали бы они: «Вот-вот, такими мы их себе и представляли: мы так и знали, что Джейн будет ходить замарашкой»?

Беатриса улыбнулась, задержавшись взглядом на Джейн. Близнецам — Сандре и Джейн — шел десятый год. Они были похожи друг на друга как две капли воды. Но отличить Сандру от Джейн не составляло ни малейшего труда. У обеих были прямые льняные волосы, тонкие черты лица и бледная кожа, обе имели обыкновение с вызовом смотреть собеседнику в глаза. Но на этом сходство заканчивалось. На Джейн были заношенные бриджи и бесформенная фуфайка, из которой торчали концы ниток. Волосы она, не глядя в зеркало, зачесывала назад и прихватывала большой заколкой, которая светилась тусклым стальным блеском, как это бывает со старыми шпильками. Она немного косила и на уроки надевала очки в роговой оправе. Все остальное время она держала их в заднем кармане бриджей, и они без конца ломались, потому что она часто садилась, забывая про очки. В результате почти все ее карманные деньги уходили на их починку. На уроки к викарию она ездила верхом на старом белом пони Форпостере, у которого было такое широченное брюхо, что короткие ноги Джейн торчали по обе его стороны почти горизонтально. Форпостер давно уже не считался лошадью, а чем-то вроде коляски, и дети сидели у него на спине, как на перине.

Сандра — совсем другое дело. На ней красивое розовое платьице, которое даже не помялось от поездки на велосипеде на уроки к викарию. Ее руки были чисто вымыты, ногти подстрижены и на голове красовался розовый бантик.

«Восемь лет, — думала Беатриса, — да, уже восемь лет, как я веду хозяйство, рассчитывая каждую копейку, придумывая, на чем еще можно заработать, чтобы свести концы с концами». И вот через полтора месяца Саймону исполнится двадцать один год, он вступит во владение поместьем Лачет и сможет распоряжаться деньгами, завещанными ему матерью. Можно будет забыть о преследовавшем их восемь лет безденежья. Эшби никогда не были богаты, но пока был жив брат Беатрисы Билл, денег вполне хватало на содержание дома и ведение хозяйства. После его внезапной смерти Беатрисе пришлось очень туго, но она раз и навсегда решила не прикасаться к деньгам, которые Нора завещала Саймону. Она наотрез отказалась занять деньги под будущее наследство, даже когда это предложил ее поверенный мистер Сэндел из фирмы «Коссет, Тринг и Ноубл». «Нет, — сказала Беатриса, — поместье должно себя оправдывать». И вот, по прошествии восьми лет Лачет прочно стоит на ногах и не обременен долгами, а Саймон получит наследство матери нетронутым.

Беатриса сидела, устремив взор в окно. Там виднелась белая изгородь южного выгона и время от времени мелькал на солнце какой-то отблеск — это помахивала хвостом старая кобылица Регина. Лошади спасли нас. Для Билла они были просто забавой, а Беатрисе они помогли сохранить дом. Из года в год, несмотря на болезни, сломанные ноги и разные прочие неприятные сюрпризы, которые преподносят своим хозяевам лошадки, конюшня неизменно приносила доход. Правда, приходилось выкручиваться. Когда оказалось, что небольшой конный завод, который Билл держал для развлечения, съедает больше денег, чем приносит, Беатриса завела лохматых пони, которых можно было содержать в холодных выгонах на склонах холмов. А Элеонора умела тренировать сомнительных кляч, которых они выгодно продавали «для дамских прогулок». А теперь, когда в Клер-парке открыли частную школу, Элеонора дает ее ученикам уроки верховой езды — за весьма приличную плату.

— Что-то Элеонора задерживается, — сказала Беатриса.

— Она, кажется, дает урок молодой Парслоу? — спросил Саймон.

— Да, ей самой.

— Бедная лошадь, наверно, околела под ней.

Саймон встал, собрал суповые тарелки и пошел к буфету, на котором стояло блюдо с жарким. Беатриса смотрела, как он раскладывает жаркое, и радовалась, что она, по крайней мере не избаловала Саймона, а это было немалым достижением, учитывая то, как он умел всех очаровывать. У него был такой доверчиво-беспомощный вид, и, хотя это впечатление было совершенно обманчивым, все попадались на этот крючок. Глядя, как он морочит людям голову. Беатриса внутренне улыбалась и даже до некоторой степени восхищалась его талантом. Если бы ей самой досталось такое обаяние, она, вероятно, тоже использовала бы его ради своей выгоды. Но на удочку Саймона она не попадалась.

— Жалко, что на празднике не будет, как на свадьбах, подружек невесты, — сказала Сандра, с сомнением ковыряя вилкой доставшийся ей кусочек жаркого.

Вопрос о подружках невесты никого не заинтересовал.

— Мистер Пек говорит, что Одиссей был, наверно, страшным занудой и действовал на нервы Пенелопе, — неуклонно продолжала развивать свою тему Джейн.

— Да? — спросила Беатриса, заинтересовавшись этой новой интерпретацией классики. — Почему?

— Он говорит, что Одиссей, несомненно, придумывал разные глупые приспособления по дому, и она, вероятно, не прочь была от него немного

отдохнуть. Отчего печенка такая скользкая?

Вошла Элеонора и, как всегда молча, положила себе на тарелку жаркого с блюда.

— Фи! — сморщила нос Сандра. — Воняет конюшной.

— Что ты так задержалась, Нелл? — спросила Беатриса.

— Она никогда не научится ездить верхом, — устало сказала Элеонора. — До сих пор не умеет привставать на стременах.

— Может, полоумные вообще не могут ездить верхом? — предположила Сандра.

— Сандра! — строго одернула ее Беатриса. — Эти дети вовсе не полоумные. Даже не «с отклонениями». Просто «трудные».

— Не знаю — ведут они себя, как полоумные. А если кто-то ведет себя, как полоумный, как догадаешься, что он нормальный?

На этот вопрос ни у кого не было ответа, и за столом воцарилось молчание. Элеонора набросилась на еду с аппетитом голодного школьника и не поднимала глаз от тарелки. Саймон вынул из кармана карандаш и стал прикидывать на полях газеты ставки на различных лошадей. Сандра, которая стащила в доме викария из стоящей на комодке коробки три печенья и съела их в уборной, строила на своей тарелке замок из гарнира, окруженный рвом, заполненным соусом. Джейн с удовольствием поглощала свою порцию. А Беатриса сидела и глядела в окно.

Там, за грядой холмов, начинался спуск к берегу моря и к Вестоверу. Но здесь, в долине, открытой солнцу и загороженной холмами от штормов, царило безмятежное спокойствие и деревья четко вырисовывались в прозрачном воздухе. Своей безупречной красотой и неподвижностью картина чем-то напоминала мираж.

«Отличное поместье достанется Саймону», — думала Беатриса. Сумеет ли он хорошо им распорядиться? Иногда ей становилось — нет, не страшно — а как-то не по себе. В душу закрадывалось сомнение: Саймон так переменчив, в нем есть какая-то нервная неустойчивость, которая плохо вяжется с ролью хозяина поместья. Изю всех окрестных усадеб только в Лачете еще живет семья, которой поместье принадлежит издавна. Беатрисе хотелось надеяться, что здесь будет жить еще не одно поколение Эшби. Светлоголовые, изящно сложенные, интеллигентные Эшби — вроде тех, что сейчас сидят за обеденным столом.

— Джейн, ну зачем же разбрызгивать кисель?

— Я не люблю, чтобы кисель стоял на тарелке отдельной лужей. Я люблю перемешивать его с пудингом.

— Ну перемешивай осторожнее.

Когда ей было столько лет, сколько сейчас Джейн, Беатриса тоже перемешивала кисель с пудингом — и делала это вот здесь же, за этим столом. За ним сидели Эшби, которые умерли от малярии в Индии, от ран в Крыму, от голода в Австралии, от тифа в Кейптауне и от цирроза печени в Сингапуре. Так или иначе, в Лачете всегда, жили Эшби, и они прилежно занимались сельским хозяйством. Иногда рождались никчемные бездельники, вроде ее двоюродного брата Уолтера, но Бог хранил семью, а легкомыслие всегда проявлялось в младших сыновьях, которые имели возможность заниматься поисками приключений вдали от Лачета.

В Лачете никогда не принимали королев и не прятали роялистов во времена Кромвеля. Вот уже триста лет дом стоит среди лугов, оставаясь по сути дела тем же — жилищем сельских помещиков. И вот уже двести лет в нем живут Эшби.

Может быть, Лачет уцелел только благодаря своей непритязательности. Он ни на что не претендовал, ни к чему не стремился. Его корни прочно уходили в землю, и его соки возвращались к корням. На другой стороне долины посреди парка стояла царственно-великолепная усадьба Клер-парк, но в этом большом белом доме не осталось Ледингемов. Ледингемы растранижирили свои таланты и свои богатства: для них Клер-парк был пейзажем, источником денег, украшением, последним пристанищем, — но не домом. Сколько их гарцевало по свету: проконсулов, путешественников, придворных шутов, повес и революционеров, — и поместье давало им средства, которые они, не задумываясь, проматывали. Теперь там остались только их портреты, а большой дом в парке превратился в школу для трудных детей, родители которых имели солидные счета в банке и придерживались прогрессивных взглядов на воспитание.

А в Лачете по-прежнему жили Эшби.

ГЛАВА 2

Беатриса принялась разливать кофе, а близнецы встали из-за стола и отправились по своим делам: сегодня у них больше не было уроков. Элеонора торопливо выпила кофе и снова ушла на конюшню.

— Тебе сегодня понадобится машина? — спросил Беатрису Саймон. — Я обещал старику Гейтсу привезти ему теленка из Вестовера. У него сломался фургон.

— Нет, я никуда не собираюсь, — ответила Беатриса. С чего это Саймону вздумалось сделать старому Гейтсу одолжение? Обычно он не любит скучных дел. Уж не из-за дочки ли Гейтса, хорошенькой глупенькой Пегги? Гейтс, который арендовал у них Вигселл, самую маленькую из трех ферм, частенько приставал с разными просьбами, но Саймон, как правило, не склонен был потакать старому хитрецу.

— Вообще-то мне просто хочется посмотреть новый фильм с Джуной Кей. Он идет в «Эмпайр».

Любой другой принял бы на веру это сделанное с обезоруживающей откровенностью признание, но Беатриса хорошо знала, как искусно ее племянник умеет подбросить в воздух два шарика, чтобы отвлечь твое внимание от третьего.

— Тебе ничего не надо в городе?

— Если будет время, зайди на автобусную станцию и купи новое расписание. Элеонора говорит, что появился новый маршрут до Клера, который идет через Гессгейт.

— Беа, ты дома? — раздался голос в прихожей.

— Миссис Пек, — сказал Саймон и вышел навстречу гостье.

— Заходи, Нэнси, — позвала Беатриса. — Выпьем вместе кофе. Все уже разошлись.

Жена vicария вошла в комнату, поставила на буфет пустую корзинку и со вздохом облегчения села на стул.

— От кофе не откажусь.

Когда в округе упоминали миссис Пек, всегда добавляли — «та самая Нэнси Ледингем», хотя прошло уже десять лет с тех пор, как Нэнси повергла в смятение высший свет, выйдя замуж за Джорджа Пека и «похоронив себя» в доме приходского священника. Когда Нэнси Ледингем впервые вывезли в свет, она стала не просто «открытием сезона», но и национальным достоянием. Дешевые газеты наперебой трубили об ее

красоте. Может быть, прохожие и не влезали на скамейки, чтобы лучше ее рассмотреть, но ее появление не раз вызывало заторы на улицах. Если становилось известно, что она будет подружкой на свадебной церемонии, представителей власти за неделю начинала бить дрожь. Безмятежная прелесть Нэнси была настолько очевидна, что ее не отрицали даже недруги. Спор мог идти только о том, выйдет ли она замуж за герцога или только за виконта. Пресса даже предсказывала ей брак с членом королевской фамилии, но в это, пожалуй, никто не верил. Ее поклонники вполне удовлетворились бы титулом герцогини.

И вдруг в разгар обсуждения в «Татлере» ее блистательных брачных перспектив она вышла замуж за Джорджа Пека. Ошеломленная пресса, пытаясь как-нибудь объяснить этот пассаж потрясенной публике, лепетала что-то о всепобеждающей силе любви. Но Джордж совсем не подходил на роль героя фатального романа. Это был высокий худой человек с лицом сообразительного и симпатичного шимпанзе. Кроме того, как выразился редактор отдела светской хроники «Кларитона»: «Извольте радоваться — священник. Да я скорее сочиню романтическую историю о бетономешалке!»

И широкая публика предала Нэнси забвению — раз она сама так захотела. Тетка, которая вывозила Нэнси в свет, вычеркнула ее из своего завещания. Ее отец умер, потеряв надежду расплатиться с долгами. А ее родной дом — большой белый особняк в парке — превратился в школу. После тринадцати лет замужества Нэнси Пек все еще была обворожительно красива и, говоря о ней, соседи все еще напоминали слушателям: «Та самая Нэнси Ледингем».

— Я пришла за яйцами, — сказала Нэнси, — но я не спешу. Так хорошо посидеть, ничего не делая.

Беатриса посмотрела на нее с улыбкой.

— Какое у тебя милое лицо, Беа.

— Спасибо. Сандра говорит, что у меня лицо похоже на мордочку дорогой кошки.

— Какой вздор! Во всяком случае, не персидской. А, понятно, что она имеет в виду. Есть такие длинношерстные короткошерстные кошки с маленькими подбородками. Геральдические кошки. Ты действительно похожа на такую кошку, Беа, особенно, когда скашиваешь глаза, не поворачивая головы.

Нэнси поставила пустую чашку на стол и удовлетворенно вздохнула.

— Странно, что нонконформисты^[1] не додумались до кофе.

— Не додумались?

— Ну да, не включили его в список запретных соблазнов. Кофе действует куда сильнее, чем алкоголь. Однако никто не проклинает его с амвона и не требует обетов воздержания от него. Пять глотков — и мир опять обрел краски.

— А что — был совсем серым?

— Да, какого-то грязного цвета. Я так радовалась, что наконец-то стало тепло и не надо разжигать камин в гостиной и выгребать из него золу. Джордж — ну хоть убей его! — по-прежнему бросает в камин обгорелые спички. А на то, чтобы разжечь трубку, у него уходит по крайней мере пятнадцать спичек. В комнате на каждом шагу пепельницы и корзинки для мусора — но нет, Джордж все равно бросает спички в камин. Да к тому же таким небрежным движением, не глядя. И спичка летит куда угодно — может упасть перед решеткой или завалиться к задней стенке. А мне приходится их доставать.

— И наверняка еще говорит: пусть лежат там.

— Конечно. Я совсем уже собралась взять стул и раскроить ему череп, но сейчас, выпив кофе, решила, что еще подожду.

— Бедняжка Нэнси. Ох уж эти священники!

— Ну как, готовитесь справлять совершеннолетие?

— Завтра отошлю пригласительные билеты в типографию. По крайней мере, одно дело сделано. Сначала будет обед в доме для близких друзей, потом для всех окрестных жителей в большом сарае. Да, кстати, дай мне адрес Алекса.

— Я не помню — у него каждый раз новый. Посмотрю дома и позвоню. По-моему, его отовсюду выгоняют за неуплату. Да и вообще он пишет мне очень редко. Мой брат так и не простил мне, что я не вышла замуж за богатого человека, который обеспечил бы ему безбедное существование.

— Он что-нибудь играет в театре?

— Не знаю. В последний раз он играл в какой-то глупой комедии, которая продержалась в «Савое» всего несколько недель. У него очень ограниченное амплуа.

— Это верно.

— Алекс может изображать на сцене только самого себя. Тебе ужасно повезло, Беа, что ты воспитываешь молодых Эшби. У вас в семье рождается удивительно мало лоботрясов.

— У нас был Уолтер.

— Ну, один-единственный Уолтер. А что с ним в конце концов стало?

— Он умер.

— В ореоле святости?

— Нет, в ореоле карболки. Кажется, в больнице для бедных.

— Уолтер был не такой уж плохой человек. Просто он любил выпить, а пить не умел. А уж если у Ледингемов рождается лоботряс, то о нем вообще нельзя сказать ничего хорошего.

Они посидели молча, вспоминая своих родственников. Беатриса была на несколько лет старше Нэнси. Собственно говоря, они принадлежали к разным поколениям. Но обе всю жизнь прожили бок о бок: для юных Ледингемов Лачет был вторым домом, так же как для юных Эшби — Клерпарк.

— Последнее время мне все вспоминаются Билл и Нора, — сказала Нэнси. — Какой бы это был для них радостный день!

— Да, — задумчиво отозвалась Беатриса, глядя в окно. Вот так же она смотрела в окно, когда пришло это страшное известие. Был такой же солнечный весенний день. Она стояла у окна и думала, что Англия очень красива и вряд ли Билл с Норой видели в Европе страну красивее. Еще думала о Норе: сумела ли она оправиться после рождения девочек-близнецов? Думала, что, кажется, неплохо справилась со своими обязанностями в Лачете, но ей пора уже возвращаться домой в Лондон.

Близнецов уложили после обеда спать, а старшие дети мылись и наряжались к приезду родителей: им разрешили присутствовать на праздничном ужине. Еще полчаса — и из липовой аллеи вынырнет автомобиль, остановится перед входом, и из него выйдут Билл и Нора. Какой будет шум, смех, как они будут обнимать детей, раздавать подарки и радоваться возвращению домой.

Беатриса машинально включила радио — настолько машинально, что даже не заметила этого. «Самолет, вылетевший из Парижа в Лондон в два часа дня, — сказал безликий голос, — разбился на побережье Англии. Девять пассажиров и три человека команды погибли».

Да, все погибли.

— Они так обожали своих детей, — продолжала Нэнси. — Последнее время я их часто вспоминаю, очевидно, потому, что приближается совершеннолетие Саймона.

— А я все вспоминаю Патрика.

— Патрика? — изумленно переспросила Нэнси. — Ах да, бедный Патрик!

Беатриса бросила на нее странный взгляд.

— Ты совсем о нем забыла, да?

— Но ведь прошло столько времени, Беа. И потом... события, о

которых нет сил думать, стираются в памяти. То, что случилось с Биллом и Норой, было ужасно, но авиакатастрофы происходят довольно часто. Садясь в самолет, мы все рискуем жизнью. Но то, что случилось с Патриком, было так ужасно, что разум отказывался верить. — Нэнси помолчала. — Я так старалась о нем не думать, что даже не помню теперь, как он выглядел. Они с Саймоном были так же похожи, как Сандра и Джейн?

— Нет-нет. Они были похожи, но не больше, чем обычные братья похожи друг на друга. Но при этом странным образом они были гораздо ближе друг к другу, чем Сандра и Джейн.

— Саймон, по-моему, успокоился. Как ты думаешь, он часто вспоминает Патрика?

— Думаю, что последнее время он его вспоминает очень часто.

— Это понятно. Но восемь лет — большой срок. Наверно, даже брат-близнец, которого потерял в тринадцать лет, становится смутной тенью.

Беатриса задумалась. Стал ли Патрик смутной тенью и для нее? Мальчик со всегда серьезным лицом и добрым сердцем. Через месяц он вступил бы во владение поместьем. Она попыталась представить себе его лицо, но увидела только нечто расплывчатое. Он был мал ростом, казался моложе своих лет, а в остальном у него была типичная фамильная внешность. Если и было сходство, то не столько с Саймоном, сколько со всеми Эшби. Собственно говоря, она помнит о нем только то, что у него было серьезное лицо и доброе сердце.

Доброе сердце — это вовсе не мальчишеская черта.

Саймон может проявить этакую небрежную щедрость природы, но только в том случае, если ему это ничего не стоит. Патрик же был из тех добрых людей, которые снимут с себя последнюю рубашку.

— Зря мы, наверно, разрешили захоронить тело там, где его выбросило море, — грустно сказала Беатриса. — Его похоронили, как нищего.

— Но Беа, это тело пробыло в воде несколько месяцев. Нельзя было даже определить, мальчик это или девочка! И это так далеко отсюда. Туда выбрасывает всех утопленников с атлантического побережья. Зачем терзать себе душу, думая, что...

Нэнси растерянно умолкла.

— Да-да, ты совершенно права, — взяв себя в руки, твердо сказала Беатриса. — Не надо давать волю мрачным мыслям. Налить еще кофе?

Наливая кофе, Беатриса решила про себя, что как только Нэнси уйдет, она отопрет ящик в своем письменном столе и сожжет эту несчастную

бумажку — последнюю записку Патрика. Хотя она не доставала и не перечитывала ее уже несколько лет, у Беатрисы не поднималась рука уничтожить эту последнюю память о Патрике. Какая чушь! С тем же успехом можно сказать, что это память об отчаянии, которое водило его рукой, когда он писал: «Простите меня, но я больше не могу. Не сердитесь. Патрик». Да, надо достать записку и сжечь ее. Конечно, от этого его последние слова не сотрутся из памяти, но тут уж ничего не поделаешь. Они навсегда запечатлены у нее в сердце. Округлые буквы, тщательно выведенные его любимым вечным пером. Весь Патрик тут — просит прощения за то, что решил расстаться с жизнью.

Нэнси, которая видела по лицу Беатрисы, что ту одолели горькие мысли, сказала как бы в утешение:

— Говорят, если человек бросается в воду с большой высоты, он тут же теряет сознание.

— Я не думаю, что он бросился в воду с утеса.

— Да? — ошеломленно отозвалась Нэнси. — Но ведь записку нашли наверху. То есть куртку с запиской в кармане. На вершине утеса.

— Ну и что же? Рядом тропинка, которая ведет вниз.

— Так что же, по-твоему, произошло?

— Я думаю, что он уплыл в море.

— То есть плыл, пока не выбился из сил и не утонул?

— Да. Когда Билл с Норой доверили мне детей, а сами уехали отдыхать, мы несколько раз спускались по этой тропинке и устраивали пикник на берегу моря: купались, фотографировались. И как-то раз Патрик сказал: «Самый лучший способ умереть (по-моему, он даже сказал: «прекрасный способ умереть») — это заплывать далеко в море, так далеко, что не будет сил вернуться». Он сказал это так спокойно, как будто размышлял на отвлеченную тему. А когда я заметила, что все равно придется тонуть, и это совсем не легкая смерть, он ответил: «К тому времени так устанешь, что будет все равно. Просто уйдешь под воду». Он очень любил море и воду.

Беатриса помолчала, потом впервые высказала вслух мысль, которая мучила ее все эти годы:

— Я все время думала: а вдруг, когда у него уже не оставалось сил плыть, ему захотелось жить?

— О нет, Беа, не надо!

Беатриса искоса глянула на красивое лицо Нэнси.

— Да, нет смысла травить себе душу. Забудь, что я говорила.

— Теперь мне уже непонятно, как я могла столько лет о нем не

вспоминать, — с удивлением проговорила Нэнси. — Когда загоняешь страшные мысли в подсознание, самое ужасное, что они потом оттуда выскакивают свеженькие, словно из холодильника. Они не успевают покрыться налетом забвения.

— По-моему, многие уже забыли, что у Саймона был брат-близнец, — сказала Беатриса в оправдание Нэнси. — И что Саймон не всегда был наследником. Во всяком случае, с тех пор как зашел разговор о праздновании совершеннолетия Саймона, никто ни словом не обмолвился о Патрике.

— А как ты думаешь, почему Патрик не смог пережить гибель родителей?

— Понятия не имею. Я ничего такого не замечала. Конечно, поначалу все дети чуть с ума не сошли от горя. Ходили как убитые. Но все как будто горевали одинаково. Патрик ничем не выделялся. У него был какой-то оглушенный вид. Но отчаяния я в нем не видела. Как-то он меня спросил: «Я теперь правда хозяин Лачета?» Казалось, это просто не умещалось у него в сознании. Саймона, помню, это раздражало. Саймон уже тогда блистал талантами и умом. Мне кажется, что Патрика придавила эта тяжесть — остаться без родителей и еще оказаться хозяином Лачета. Видимо, у неге не хватало сил вынести угнетавшую его ответственность, и он решил... уйти.

— Бедный Патрик! Как я могла его забыть!

— Пошли, я дам тебе яйца. И не забудь сообщить мне адрес Алекса. Нельзя же, чтобы кто-то из Ледингемов остался без приглашения.

— Я его обязательно разыщу и позвоню по телефону. Как твоя новая горничная, хватит у нее мозгов правильно его записать, если тебя не будет дома?

— Кто ее знает.

— Я ей продиктую по буквам. И не забудь, что в театре он известен как Алекс Лодинг. — Нэнси взяла корзинку с буфета. — Интересно, приедет он или нет? Давно уж он здесь не показывался. Сельская жизнь ему не по вкусу. Но вряд ли он оставит без внимания такое событие, как совершеннолетие Саймона.

ГЛАВА 3

Алекс Лодинг действительно не оставил без внимания это событие, но внимание его приняло весьма своеобразную форму. Примерно в то время, когда Беатриса спрашивала у Нэнси его адрес, он прилагал энергичные усилия, чтобы это событие не состоялось вовсе. Правда, не очень успешно.

Дело происходило в ресторанчике «Грин мэн». Алекс сидел за столиком с неким молодым человеком. Собственно, его можно было бы назвать юношей, даже мальчиком, если бы не его немногословие и сдержанность, которые отнюдь не свойственны очень молодым людям. На столике стояли тарелки с остатками обеда.

Искоса поглядывая на юношу, Лодинг налил себе кофе и положил в него три ложки сахара. Молодой человек крутил перед собой почти пустую кружку из-под пива, причем не машинально, а, видимо, совершенно сознательно.

— Ну как? — наконец спросил Лодинг.

— Нет, я не согласен.

Лодинг отпил глоток кофе.

— Совесть не позволяет?

— Я же не актер.

Слова эти, хотя и произнесенные совершенно бесстрастно, задели Лодинга.

— Вам не потребуется изображать какие-то чувства — если вы говорите об этом. Симулировать родственную любовь. Разве что проявлять тепло в отношении тетки, которую вы не видели почти десять лет — да и то не столько тепло, сколько учтивость.

— Нет.

— Послушайте, юный кретин, я предлагаю вам состояние!

— Половину состояния. И вы ничего мне не предлагаете.

— Что же я, по-вашему, делаю?

— Втягиваете меня в аферу, — ответил юноша, не поднимая глаз от кружки из-под пива.

— Ну допустим, я вас втягиваю в аферу, если вам так угодно это называть. Но разве это не великолепная идея?

— Безумная затея.

— Что в ней безумного, раз уж вы так поразительно похожи на Саймона?

— Все равно из этого ничего не получится.

— Не так давно один актер сумел выдать себя — при свете дня и на глазах толпы — за знаменитого генерала, лицо которого известно каждому.

— Это совсем другое дело.

— Разумеется, другое. Вас же не просят выдавать себя за другого человека. Просто быть самим собой. Это же гораздо легче.

— Нет, — повторил юноша.

Лодинг с трудом сдержался, чтобы не выругаться. Его розовые обвисшие щеки напоминали по цвету нижнюю поверхность молодых шампиньонов. Аристократические черты рода Ледингемов расплылись под слоем дряблых мышц, и его несомненно пронизательный взгляд портили намечающиеся мешки под глазами. Раньше режиссеры брали его на роли веселых молодых шалопаев, теперь у него осталось лишь амплу потасканного кутилы.

— Ой, я и забыл! — ахнул Лодинг. — Зубы!

Даже его внезапное восклицание не вызвало какой-либо перемены на лице юноши. Он поднял глаза и обратил на Лодинга нелюбопытный взгляд.

— Что зубы? — спросил он.

— Сейчас личность устанавливают по зубам. Дантисты всегда ведут записи — какие они вставляют пломбы и тому подобное. Интересно, к кому Эшби возили своих детей? У вас все зубы свои?

— На передних — мост. Мне их выбила копытом лошадь.

— Я помню, что их возили лечить зубы в Лондон. Два раза в год — перед Рождеством и летом. Утром они шли к зубному врачу, а после обеда зимой смотрели рождественскую пантомиму, а летом — скачки в Олимпии. Такие вещи, между прочим, вам надо будет знать.

— Да?

Тут Лодинг окончательно вышел из себя.

— Послушайте, Фаррар, чего вы боитесь? Что у вас не обнаружат какой-нибудь заметной родинки? Я сто раз купался с Патриком в море и знаю, что никаких родинок у него не было. Это был самый обыкновенный мальчишка — таких найдется десяток в любой школе. Он меньше был похож на своего брата, чем вы, хотя они и близнецы. Говорю вам, что я сам принял вас за Саймона. Неужели этого недостаточно? Поживете со мной пару неделек и под конец будете знать про нашу деревушку и ее обитателей столько же, сколько знал Патрик. И про Лачет тоже. Я там облазил каждый чулан. И про семейство Эшби. А плавать вы умеете?

Юноша кивнул. Он опять принялся крутить кружку с остатками пива.

— Хорошо плаваете?

— Да.

— Вы что, кроме «да» и «нет» других слов не употребляете?

— Иногда, если нужно.

— Патрик плавал, как утка. Да, еще смотрят на уши. Вроде бы они у вас самой обычной формы. Наверно, и у Патрика не было ничего особенного, а то бы я запомнил. В художественной школе нас учили обращать внимание на уши. Надо поискать его фотографии. Хорошо бы посмотреть, как выглядели его уши вблизи. На этом можно попасться. Съездить, что ли, в Клер и порыться в ящиках у Нэнси.

— Если из-за меня, то можете не трудиться.

Лодинг помолчал, потом сказал спокойным увещательным тоном:

— Скажите, Фаррар, вы вообще-то мне верите?

— В каком смысле?

— Вы верите, что я тот, за кого себя выдаю, что я вырос в поместье под названием Клер-парк и что в соседнем поместье Лачет живет человек, на которого вы похожи как две капли воды? В это вы верите? Или вы считаете, что я просто пытаюсь заманить вас к себе домой?

— Нет, этого я не считаю. Я верю, что все обстоит так, как вы говорите.

— Ну, слава Богу! — воскликнул Лодинг. — Я знаю, что вид у меня довольно поношенный, но не хотелось бы думать, что меня можно принять за гомика. Ну ладно. Значит, вы верите, что вы — вылитый Патрик Эшби?

Кружка сделала полный оборот, прежде чем последовал ответ:

— Вот в этом я сомневаюсь.

— Почему?

— Вы же сами говорите, что с тех пор прошло много лет.

— Ну и что? Достаточно того, что вы похожи на Саймона. А что похожи — поверьте мне на слово. Сходство просто поразительное. Я сам бы не поверил, если бы не увидел вас собственными глазами. Раньше мне казалось, что такое бывает только в книжках. И это сходство может принести вам состояние. Надо только протянуть руку и взять его.

— Не только.

— Конечно, не в буквальном смысле слова. Поймите — вам придется соврать только в самом начале. Дальше вы будете говорить чистую правду. И как бы вас ни проверяли, там комар носу не подточит. — Лодинг вдруг поднял бровь. — Или это не так?

— Это так. Все можно проверить.

— Ну вот. Вы не отправились на экскурсию в Дьепп, а спрятались в трюме «Айры Джонса» в Вестовере — et voila!

— Откуда вы знаете, что в это время в Вестовере стояло судно под названием «Айра Джонс?»

— Откуда знаю? Вы плохо обо мне думаете, amigo. Я точно знаю, что в тот день, когда исчез Патрик, у причала Вестовера стояло судно под этим дурацким названием. И это знаю, потому что весь день рисовал его. И старое корыто отвалило прежде, чем я закончил этюд. Ушло на Нормандские острова. У меня вечно так получалось: только начну рисовать корабль — как он отплывает.

Оба помолчали.

— Ну, Фаррар, состояние само просится вам в руки. Очаровательное поместье... Прочное положение...

— Прочное?

— Конечно, поначалу будет некоторый риск, — небрежно бросил Лодинг.

В светлых глазах юноши мелькнула ироническая искорка.

— А вам не приходит в голову, мистер Лодинг, что вы тоже рискуете?

— Каким образом?

— Мне очень просто вас надуть. Допустим, я соглашаюсь, вы натаскиваете меня, я успешно сдаю экзамен, а потом забываю про ваше существование. И что вы будете делать? Как вы заставите меня делиться с вами?

— Я не думаю, что вас придется заставлять. Человек с внешностью Эшби на обман не способен. Это такое правильное семейство...

Юноша отодвинул пивную кружку.

— Видимо, поэтому-то мне и не хочется впутываться в аферу. Спасибо за обед, мистер Лодинг. Если бы я знал, что у вас на уме, я бы от него отказался...

— Ладно, ладно, не извиняйтесь. И не убегайте — выйдем вместе. Вам не нравится моя идея — ну что ж, ничего не поделаешь. Но мне все равно интересно, откуда вы такой взялись. Смотрю на вас и не верю своим глазам. А поскольку я убедил вас, что у меня нет на вас гнусных посягательств, может быть, дойдем вместе до метро?

Лодинг расплатился с официантом, и они вышли из ресторана.

— Я не спрашиваю, где вы живете — а то, не дай Бог, подумаете, что я буду вас преследовать. Но я хочу дать вам свой адрес — может, зайдете как-нибудь? Нет-нет, не по поводу моей идеи. Если у вас не лежит к этому душа, то все равно ничего не получится. Нет, я просто хочу показать вам одну вещь — мне кажется, что она вас заинтересует.

Они молча перешли улицу.

— Когда после смерти отца продали наш дом, Нэнси уложила в чемодан все мои пожитки и прислала их мне. Так он у меня и стоит — никак не соберусь от него избавиться. В основном там наши детские фотографии. Мне кажется, вам было бы интересно на них взглянуть.

Он искоса поглядел на неподвижный профиль молодого человека.

— Скажите, вы играете в карты? — спросил Лодинг, когда они остановились у входа в метро.

— Играю, но только с людьми, которых я хорошо знаю, — ответил тот нейтральным тоном.

— Я просто подумал, что у вас лицо создано для покера. Жалко было бы, если бы по каким-то там убеждениям вы не играли в карты. Вот вам мой адрес. Если сменю квартиру, справьтесь в кафе «Спорт-лайт» — они всегда знают, где меня найти. Жаль, что я не сумел вас убедить стать хозяином Лачета. Вы для этого очень подходите. Умеете обращаться с лошадьми, привыкли к жизни на открытом воздухе.

Юноша, который уже повернулся, чтобы идти, остановился.

— Лошадьми? — спросил он.

— Ну да, — с некоторым удивлением ответил Лодинг. — Разве я вам не сказал, что у них конный завод? И, по отзывам, неплохой.

— А.

Юноша постоял секунду в задумчивости, затем повернулся и пошел по улице. Лодинг смотрел ему вслед.

«Я что-то упустил, — думал он. — Какую-то приманку, на которую он клюнул бы. Чем его заинтересовали лошади? Неужели они ему не осточертели? Ну ладно, — решил Лодинг, — он еще зайдет взглянуть на своего двойника».

ГЛАВА 4

Не зажигая света, юноша прямо в одежде лежал на постели и глядел на потолок. На улице возле дома не было фонаря, который хоть немного освещал бы его чердачную комнатку. Однако на потолке лежал призрачный отсвет того бледного зарева, которое висит ночью над Лондоном — эманации миллионов дуговых и газовых фонарей и керосиновых ламп. В результате на потолке можно было различить трещины и пятна, придававшие ему сходство с географической картой. В уме юноша тоже как бы разглядывал карту, но не ту, что рисовалась на потолке. Он вспоминал свою одиссею, подводил итоги своей жизни. Встреча с Лодингом потрясла его больше, чем можно было догадаться по его бесстрастной физиономии. Подумать только, что где-то живет парень, до того на него похожий, что их можно спутать! Для человека, который всю жизнь был одинок, в этой мысли было что-то невероятное.

По правде говоря, ничего более поразительного с ним не случилось за всю его жизнь. У него даже возникло странное ощущение, что все эти насыщенные событиями годы были только преддверием минуты, когда этот актёр вдруг остановился перед ним на улице и сказал: «Привет, Саймон!». И тут же спохватился:

— Извините, я вас спутал с одним моим...

Но он продолжал стоять перед юношей и глядеть на него во все глаза.

— В чем дело? — наконец спросил тот, видя, что прохожий не двигается с места.

— Не хотите со мной пообедать?

— С какой стати?

— Время обеденное, и мы стоим рядом с моим любимым ресторанчиком.

— Но при чем тут я?

— Вы меня заинтриговали. Поразительно похожи на одного моего приятеля. Меня зовут Лодинг. Алекс Лодинг. Я актер. Сейчас играю паршивую роль в паршивом фарсе, который идет в паршивом театришке неподалеку отсюда. — Он кивнул на другую сторону улицы. — Однако профсоюз актеров, дай ему Бог здоровья, установил на наш труд минимальную зарплату, которая, к счастью, гораздо приличнее, чем моя роль. А как зовут вас?

— Фаррар.

— Фаррел?

— Нет, Фаррар.

— Вот как.

Актер смотрел на него с веселым любопытством и, казалось, с какой-то затаенной мыслью.

— И давно вы приехали в Англию?

— Откуда вы знаете, что я уезжал?

— По одежде, мой мальчик. В одежде-то я разбираюсь. Сколько пришлось надевать театральных костюмов. Так что уж я-то всегда узнаю костюм, сшитый в Америке, даже если он так великолепно сидит на вас.

— Тогда почему вы думаете, что я не американец?

На это актер широко улыбнулся.

— А это, — сказал он, — вечная загадка английской нации. Укрываясь от дождя под навесом где-нибудь в Висконсине в обществе пяти завернувшихся в рогожи бродяг, англичанин взглянет в одного из них и скажет себе: «Господи, мой соотечественник!» Поглядит на раздетых догола новобранцев, которых осматривает врач Иностранного легиона, и скажет... Впрочем, все это мы можем обсудить за обедом.

Они пообедали в ресторанчике, и актер оказался интересным собеседником. Но в его припухших живых глазах не исчезало выражение веселого изумления. И этот взгляд был более убедителен, чем все последующие доводы. Видимо, он, Брет Фаррар, действительно очень похож на того парня — иначе с чего бы Лоддинг стал на него так таращиться?

Брет лежал на постели и размышлял. У человека без роду без племени вдруг находится двойник. Все же интересно было бы на него посмотреть. Эшби. Хорошее английское имя. Хотелось бы поглядеть и на поместье Лачет, где его двойник спокойно рос, уверенный, что все это достанется ему, в то время как Брет мотался по свету, начав свой путь с сиротского приюта в Лондоне и вот сегодня очутившись наконец в этой комнатухе, — и нигде он не чувствовал себя дома.

Не вина воспитателей, что приют не стал ему домом. Это был очень хороший приют, и о детях там заботились лучше, чем во многих семьях, которые он с тех пор повидал. Дети любили своих воспитателей и плакали, когда с ними расставались. Многие потом приезжали повидаться с ними, многие, встав на ноги, посылали приюту деньги, приглашали воспитателей к себе на свадьбы и привозили своих детей показать заведующей. Почти не проходило дня, чтобы в приют не заявлялся кто-нибудь из бывших

воспитанников. Почему же тогда Брет не испытывал к нему такой же привязанности?

Потому что был подкидышем? Потому что к нему никто никогда не приезжал, потому что ему не приходило писем или посылок с подарками, потому что его никто не приглашал на праздники? Но воспитатели вели очень умную политику. Они изо всех сил старались укрепить в нем чувство собственного достоинства. Если на то пошло, он, подкидыш, был в привилегированном положении. Заведующая дарила ему на Рождество подарки, от которых у других детей, получивших подарок всего лишь от дяди или тети, глаза загорались от зависти. Заведующая сама нашла его на пороге приюта и сделала так, чтобы он узнал, какой он был здоровый ухоженный ребенок и какие хорошие на нем были вещи. (Об этом походя, вскользь упоминалось в его присутствии все пятнадцать лет пребывания в приюте. Но почему-то это его нисколько не утешало). Сама заведующая выбрала ему имя из телефонного справочника, открыв страницу наугад и ткнув, не глядя, булавкой. Булавка попала на фамилию Фаррел, и заведующая была очень довольна. Как-то раз, много лет назад, она попала булавкой в фамилию «Коффин».^[2] Тогда ей пришлось сделать вторую попытку, хотя она считала, что этим обманывает Провидение.

Насчет имени ей не пришлось ломать голову: его нашли на крыльце в день Святого Бартоломея и поэтому называли Барт. Но старшие дети стали звать его «Брет»,^[3] и вскоре их примеру последовали и воспитатели. В школу его записали уже под именем Брет Фаррел.

А чем ему было плохо в школе? Тем, что он все-таки был одет не так, как все? Да нет. Ребенком он не был чересчур обидчив, просто держался особняком. Тем, что его содержали на казенный счет? Да нет, половина детей у них в классе содержалась на казенный счет. Почему же тогда он решил — раз и навсегда, совсем не по-детски — что он не хочет учиться в этой школе? Никакие уговоры заведующей не помогли, и она была вынуждена согласиться, чтобы он шел работать.

Почему ему не понравилась работа, догадаться нетрудно. Его устроили в какую-то контору, которая находилась в пятидесяти милях от приюта, и, поскольку на свое небольшое жалованье он не мог снять хотя бы маленькую комнатку, ему пришлось жить в местном детском доме. Только попав в этот детский дом, он понял, как хорошо ему жилось в приюте. Может быть, у него и хватило бы духу терпеть скучную работу или жить в детском доме, но и то и другое — это уж было чересчур! И работа его тяготила гораздо больше детского дома. Собственно говоря, она не

требовала от него особых усилий, никто его не гонял, и у него даже были какие-то отдаленные перспективы роста, но контора казалась ему тюрьмой. Он прямо кожей чувствовал, как жизнь проходит мимо. Это его не устраивало.

Распрощался он со своей конторой почти случайно — во всяком случае, все получилось непреднамеренно. Он увидел на стекле газетного киоска рекламное объявление: «Однодневные поездки в Дьепп». Цена, обозначенная большими красными цифрами, точно соответствовала сумме его сбережений — оставалось что-то около полкроны. Но вряд ли он ухнул бы все свои деньги на эту поездку, если бы не похороны старика Хендрена. Хендрен был партнером фирмы, который уже отошел от дел, но «из уважения к его памяти» контору закрыли на день его похорон. И вот Брет, получив недельное жалованье и зная, что завтра не надо идти на работу, забрал свои сбережения и решил на один день «смотаться посмотреть за границу». В Дьеппе он замечательно провел время, хотя едва объяснялся по-французски (он учил французский язык только один год). Но на пристани, когда он уже собрался ехать домой, ему вдруг пришла в голову идея остаться во Франции. Эта мысль пронзила его, как молния.

Но Брет еще колебался и чуть не решил вернуться — главным образом потому, что дома остался неоплаченный счет из прачечной. «Откуда это? — думал он, глядя на потолок своей комнатухи в Пимлико. — Врожденная честность или добротное приютское воспитание? Стоило ли подростку, у которого нечем было заплатить за ужин и ночлег, терзаться угрызениями совести из-за того, что прачечная недополучит 2 шиллинга 3 пенса?»

Его сомнения разрешились, когда он увидел отъезжающий от пристани грузовик. Брет поднял большой палец, и сидевший за рулем загорелый потный шофер ослабил при виде этого международного жеста и затормозил. Брет вспрыгнул на высокую подножку, и водитель втащил его в кабину. Так началась его новая жизнь.

Брет собирался устроиться на работу во Франции. По пути в Гавр, когда выяснилось, что одними жестами объясняться трудно и они с шофером неспособны понять друг друга, Брет размышлял, какую бы ему поискать работу. Его иллюзии развеял человек, оказавшийся рядом с ним за столиком в бистро.

— Мой юный друг, — сказал он Брету, глядя на него меланхолическими глазами спаниеля, — для того, чтобы получить работу во Франции, недостаточно иметь силу и здоровье — нужны еще документы.

— А в какой стране не нужно документов? — спросил Брет. — Мне все равно, куда ехать.

У него вдруг возникло чувство, что весь мир лежит у его ног.

— Черт знает, — ответил его сосед. — Человечество все больше становится похоже на стадо овец. Иди в гавань и заберись на какое-нибудь судно.

— Какое?

— Неважно. У вас в Англии есть игра, в которой...? — и он объяснил свою мысль жестами.

— А, считалка навывлет! Эне, бене, мо?

— Вот-вот! Пойди в порт, сосчитай «эне, бене, мо» и залезай на борт посудины, на которую выпадет «мо». Только смотри, чтобы тебя никто не заметил. На кораблях цепляются за документы еще больше, чем на суше.

Брет выбрал «Барфлер», и ему даже не понадобились документы. Кок на «Барфлере» давно искал себе помощника, и Брет явился ему, как манна небесная.

Славная была житуха! Грязный кубрик, вонявший затхлым оливковым маслом, огромные серые волны, вздымавшиеся над палубой и необъяснимым образом проходившие под днищем судна, не причинив тому никакого вреда, еженедельные запои кока, когда Брету приходилось полностью брать приготовление пищи на себя, не получая за это ни копейки, уроки игры на губной гармонике и весьма оригинальный подбор книжек, валявшихся в кубрике. Хорошая старая посудина!

Брет многому научился за время плавания, но, самое главное, получил новую фамилию. Капитан вписал его в судовой журнал под именем «Брет Фаррар». Так он и остался Фарраром. Фамилию Фаррел выудили из телефонной книги, а фамилию Фаррар по ошибке сочинил капитан старой калоши. Не все ли равно?

А что было потом?

Мексика, порт Тампико и запах нефти. Портовый служащий спросил его:

— Ты англичанин? Хочешь работу на берегу?

Брет пошел узнать, что это за работа, подозревая, что ему предложат мыть посуду в каком-нибудь ресторанчике.

Странно даже подумать, что он мог бы и по сей день жить в этом огромном тихом доме с затененными полупустыми комнатами, обставленными изящной мебелью, с внутренним двориком, мощеным глазурованными плитками, и с яркими цветами без запаха. Жить в роскоши, а не валяться на разбитой койке в бедном квартале Лондона. Брет понравился старику-хозяину, и тот даже хотел его усыновить, но Брет и здесь не чувствовал себя дома. Он с удовольствием читал вслух английские

газеты: он читал, а старик водил желтым пальцем по строчкам в своем экземпляре. Но все же это было не то. («Если он не понимает по-английски, какой смысл читать ему вслух английские газеты?» — спросил он, когда ему предложили это место; ему объяснили, что старик понимает «по-писаному», выучив английский язык по словарю, хотя не знает, как произносятся слова. И хочет, чтобы их произносил настоящий англичанин).

Нет, такая работа была не по нем. Все равно, что жить среди декораций для фильма.

И он ушел от старика и нанялся поваром в ботаническую экспедицию. Когда он укладывал вещи, дворецкий сказал ему в утешение:

— Хорошо, что сам уходишь, а то бы тебя отравила его любовница.

Брет и не подозревал о существовании любовницы.

Так, поваром, он добрался до границы с американским штатом Нью-Мексико. Отсюда уже было несложно перебраться в Штаты — даже не надо было переплывать реку. Брету нравились странные угловатые пейзажи Мексики с яркими контрастами света и тени, но все же, как и у старого аристократа в Тампико, он не чувствовал себя здесь дома.

Дальше жизнь пошла в гору. Сначала он был помощником повара у строителей в Лас-Крузес. Ну и чудная была публика! Есть соглашались только то, к чему привыкли, а от его английского произношения приходили в восторг: «Ну-ка повтори, лайми^[4]». Общий хохот и восторженное: «Во дает!»

Затем он оказался на Снейк-ривер — готовил обед для ковбоев. Вот где он открыл для себя лошадей и впервые почувствовал, что нашел свое призвание.

Он стал ковбоем, и хозяин с удивлением обнаружил, что самые упрямые лошади слушались мальчишку-англичанина.

Какое-то время он помогал кузнецу на ранчо Вильсон. Там он впервые познал женщину. Но это не шло ни в какое сравнение с тем счастьем, которое он испытывал, когда ему удавалось найти подход к кусачей брыкливой лошади, которую хозяин уже определил на убой. Таких на ранчо было несколько. Когда он сказал хозяину, что хочет попробовать их объездить, тот отозвался:

— Валяй, только не жди, что я буду платить за твое лечение. Я тебя нанял помогать кузнецу, а не объезживать бешеных мустангов.

Одним из этих мустангов и был Дымок, его красавец Дымок. Хозяин подарил ему Дымка за объездку непокорных лошадей. И когда Брет перешел работать на Лейзи Уай, он взял Дымка с собой.

На Лейзи Уай он занимался только объездкой. Это было самое

счастливого время в его жизни. Оно продолжалось два года.

А потом. Минута невнимания, запоздалая реакция — очень уж его разморил жаркий день — и вдруг спина лошади вздыбилась и упала на него. И он услышал треск своей бедренной кости.

Больница в Эджмонте. Она была вовсе не похожа на больницы, которые он видел в кино. Ни хорошеньких сестер, ни красивых молодых хирургов. Стены в палатах были серо-зеленого цвета, кровати — старые и облезлые, а сестры шатались от усталости. Некоторые его баловали, другие — игнорировали.

А с ранчо вдруг перестали приходить письма от ребят. Как трудно было заново учиться ходить! И как ужасно было осознать, что сросшаяся нога стала короче, и он всю жизнь будет хромать.

А потом пришло письмо от хозяина, которое сокрушило все его надежды вернуться на Лейзи Уай.

На территории ранчо нашли нефть. Уже пробурили первую скважину, уже строили первую вышку — почти рядом с домом, где жили объездчики. В конверт был вложен чек — этих денег Брету хватит на первое время. Еще хозяин спрашивал: что делать с Дымком?

Зачем хромоту человеку лошадь на нефтяном прииске?

Брет плакал при мысли, что он больше никогда не сядет на Дымка. Плакал в темной палате, впервые в жизни.

Да, объезжать лошадей он больше не может — уже не та реакция. Но работать на прииске не станет. Можно найти другую работу с лошадьми.

Он нанялся на «экскурсионное ранчо». Это тоже была жизнь, как в кино.

Неловкие горожанки в неподходящей одежде трусили на унылых клячах, подпрыгивая в седле. Иногда ему казалось, что спина у лошади вот-вот разломится пополам.

Женщина, которая хотела выйти за него замуж.

Она вовсе не соответствовала его представлению о богатых старухах, желающих купить себе молодого мужа. Она не была толстой, глупой и чувствительной. Она была худенькой, с усталым лицом и вообще довольно милой женщиной. Ей принадлежал дом, стоявший на склоне холма неподалеку от их «ранчо». Она говорила, что ногу ему можно растянуть, и она заплатит за операцию. На этот крючок она и пыталась его поймать.

Одного у «экскурсионного ранчо» отнять было нельзя — там платили хорошие деньги. Никогда в жизни Брет столько не зарабатывал. Рассчитавшись на «ранчо», он решил съездить на атлантическое побережье и там истратить свои сбережения. И вдруг с ним что-то случилось. Приехав

в восточные штаты, увидев этот зеленый край, где не было западных просторов, почувствовав запах весенних садов, Брет вдруг вспомнил об Англии и его неудержимо туда потянуло. С чего бы это, удивился он. Он не собирался возвращаться в Англию еще много лет.

Несколько недель он провел в борьбе с самим собой. Что за ребячество? Зачем ему туда? И вдруг сдался. В конце концов он никогда не видел Лондона. Почему бы не съездить в Англию и не посмотреть Лондон? Повод не хуже других.

Так Брет оказался в этой комнатухе в Пимлико и так он встретился с Лодингом.

ГЛАВА 5

Брет встал и вынул из кармана пальто пачку сигарет.

Почему его не так уж сильно возмутило предложение Лодинга?

Может быть, он догадывался, что тот предложит что-нибудь сомнительное? Или уже по лицу Лодинга было ясно, что это за человек? Или он просто не принял это всерьез — настолько невероятно было, чтобы он, Брет Фаррар, ввязался во что-нибудь подобное.

Предложение Лодинга не вызвало у него негодования. Он не сказал: «Задумал обокрасть своего друга? Ну и подонок же ты!», или что-нибудь в этом роде. С другой стороны, Брет всегда считал, что его не касаются ни грехи, ни печали, ни радости посторонних людей. И потом, нельзя же послать к чертовой матери человека, гостеприимством которого ты пользуешься.

Брет подошел к окну. Перед ним простиралась панорама крыш с рельефным узором из печных труб на фоне мутного сияния ночного Лондона. У него не кончились деньги, но все поиски работы были безуспешными. Судя по всему, в Англии гораздо больше безработных конюхов, чем конюшен. Число лошадей все уменьшается, а число их любителей все возрастает. Кавалерия перестала существовать, но остались еще крепкие и здоровые кавалеристы, смысл жизни которых заключался в лошадях. И стоило им только услышать, что где-то требуется человек, умеющий обращаться с лошадьми, они толпой валили предлагать свои услуги. Кроме того, Брет вовсе не хотел просто кормить лошадей и чистить стойла. Так дорожный инженер вовсе не хочет сидеть за рулем асфальтового катка.

Он обращался в несколько мест, но солидные коннозаводчики не проявляли интереса к хромому юноше, у которого не было даже рекомендательных писем. Зачем он им? У них и так огромный выбор. А узнав, что он занимался объездкой лошадей в Штатах, они совсем теряли к нему интерес: «А, ковбой!» Они говорили это очень вежливо — Брет и забыл, как вежливы англичане — но так или иначе давали понять, что методы объездки, принятые на Диком Западе: или убьет или подчинится, им не подходят. Поскольку вслух они ничего такого не говорили, у Брета не было возможности объяснить, что он тоже не сторонник подобных методов. Да если бы и объяснил: все равно никакого проку. Они брали на работу только людей, о которых что-нибудь знали. В Америке, где человек

без конца мотается по стране, все обстоит иначе. Здесь, если тебя берут на работу, то считают, что это — на всю жизнь, и характеру человека придается не меньше значения, чем его квалификации.

Оставалось одно — уехать из Англии. Но вся беда в том, что уезжать он не хотел. Вернувшись сюда, он понял: воображая, что он свободно и без цели бродит по свету, Брет на самом деле просто кружным путем возвращался в Англию. Только он вернулся не через Дьепп, а через Лас-Крузес и Северную Америку — вот и вся разница. Он теперь знает, чем хочет заниматься — лошадьми; но в Нью-Мексико, как и в школе, он не чувствовал себя дома. Просто в Нью-Мексико ему больше нравилось. А теперь, когда он посмотрел на Англию, он понял, что здесь ему нравится еще больше. Он хочет тренировать английских лошадей и участвовать в скачках на английских ипподромах.

К тому же без денег из Англии трудно уехать. Как-то он разговорился в кафе с человеком, который уже полгода пытался наняться на судно, идущее в Соединенные Штаты или Австралию. «Знаешь, что они говорят? — злобно проворчал он. — «Подай сюда профсоюзный билет!» И если ты не состоишь в профсоюзе уборщиков грязной посуды, тебя даже не возьмут помощником стюарда. Я все жду, когда у них потонет судно, потому что на борту не нашлось человека с профсоюзным билетом, дающим право качать насос!»

Глядя в горящие яростью глаза своего собеседника, Брет вспомнил того француза в бистро: «Нужны документы!» Да, бумажки правят миром.

Предложение Лодинга было бы очень кстати, если бы дело не шло об уголовно наказуемом деянии.

Жаль, что Лодинг с самого начала не упомянул конный завод. Может быть, тогда Брет слушал бы его с большим интересом?

Да нет, ни в коем случае! Это же преступная афера. Он ни за что не станет в нее впутываться.

— Тебе ничего не грозит, — убеждал его внутренний голос. — Даже если Эшби тебя разоблачат, они не станут подавать в суд — побоятся скандала.

— Заткнись! — сказал Брет внутреннему голосу. — Не хватало еще ввязаться в уголовщину.

Может, сходить как-нибудь в театр — посмотреть, что там играет Лодинг? Брету никогда не приходилось иметь дело с актерами. Сидеть в кресле и смотреть, как на сцене выкаблучивается твой знакомый — это будет что-то новенькое. И можно ли довериться Лодингу?

— Можно, не сомневайся, — заверил его внутренний голос, —

толковый парень.

— Явный проходимец, — возразил Брет. — Чтоб я связался с таким типом...

— А ты не связывайся, — сказал внутренний голос. — Отправляйся в Лачет и скажи им: «Поглядите на меня. Я вам никого не напоминаю? Меня такого-то числа такого-то года оставили на пороге приюта. А сейчас мне нужна работа в конюшне.»

— Это же шантаж. Зачем мне работа, полученная при помощи шантажа? Не говори вздор!

— Но они должны что-то для тебя сделать!

— Ничего они мне не должны! Ни пенса!

— Брось! Ты же знаешь, что в тебе течет кровь Эшби!

— Откуда мне это знать? Мало ли на свете было двойников? Даже у Гитлера были двойники. В газетах без конца печатают фотографии людей, как две капли воды похожих на знаменитостей. Сходство удивительное, только чувствуется, что характер не тот.

— Чушь! Конечно, ты — Эшби. Откуда у тебя умение обращаться с лошадьми?

— Мало ли кто умеет обращаться с лошадьми!

— В приюте было шестьдесят два воспитанника, и никто из них не отказался бы от хорошей работы, от усыновления богатыми людьми — и лишь для того, чтобы в конце концов добраться до лошадей.

— Я не знал, что ищу лошадей.

— Конечно, ты не знал. Зато кровь, текущая в твоих жилах, знала. Кровь Эшби..

— А, заткнись!

Брет решил поехать на завтра в Льюис и попытаться счастья в конкурной конюшне. Хоть он и хромает, но может усидеть на любой скотине с четырьмя копытами. Может, их заинтересует человек, который не возражает против того, чтобы сломать себе шею?

— А зачем ломать шею, когда можно жить припеваючи?

— Припеваючи я мог бы жить и в других местах.

— Но там не было лошадей.

— Заткнись, не трать попусту слов!

Брет начал раздеваться, надеясь, что привычные движения заставят замолчать настырный внутренний голос. Да, завтра он обязательно поедет в Льюис. Пожалуй, это слишком близко к местам, где он вырос, но кто его теперь узнает? Да хоть бы и узнали — ну и что? Просто не хочется возвращаться по кругу.

— А ты им скажи: вы обознались, моя фамилия Эшби, — ядовито сказал внутренний голос

— Да замолчишь ты, наконец?

И что заставило Патрика Эшби покончить с собой? Впереди у него была целая жизнь — и такая прекрасная жизнь! — а он взял и утопился. С какой стати? Как будто нельзя прожить без родителей.

— Видно, у него были не все дома. Слабак. Ты сумеешь распорядиться Лачетом куда лучше.

Брет налил в таз холодной воды и вымылся до пояса. Приютская муштра прочнее армейской. Растираясь тоненьким махровым полотенцем, Брет подумал:

— Да и не привык я к такой жизни. Дворецкий, слуги и все такое.

Его представления о жизни английских помещиков были почерпнуты из голливудских фильмов.

Чего там говорить — бредовая идея, и все.

Лучше об этом больше не думать.

Кто-то сказал, что если долго думать о чем-то невыносимом, в конце концов к этой мысли привыкаешь.

Однако к Лодингу надо сходить, любопытно взглянуть на фотографии. Почему бы не сходить?

Надо посмотреть, каков он из себя, его «близнец».

Лодинг, конечно, проходимец, но один раз к нему зайти можно — что тут страшного? На фотографии поместья тоже интересно взглянуть.

Да, к Лодингу надо сходить.

Послезавтра. Сначала съезжу в Льюис.

А может, и завтра.

ГЛАВА 6

Мистер Сэндел, частный поверенный семьи Эшби из адвокатской фирмы «Коссет, Тринг и Ноубл», досиживал в конторе последний час и уже задумался над вопросом, который вставал перед ним каждый день: поторопиться ли, чтобы успеть на поезд в 4-55 или не спешить и поехать в 5-15? Собственно говоря, вопрос, на каком поезде ехать домой, был единственным, который мистеру Сэнделу приходилось решать самому. Клиенты фирмы разделялись на две категории: одни сами решали свои проблемы и твердо говорили адвокатам, что они от них хотят, а у других вообще не было проблем. Размеренный ритм жизни в конторе, помещавшейся в старинном здании под тенью высоких платанов, за всю ее историю не нарушался каким-либо происшествием. Даже смерть клиента не являлась происшествием, а следствием естественного хода вещей: из определенного ящичка извлекались соответствующее завещание, и все шло по-прежнему.

Фирма «Коссет, Тринг и Ноубл» вела семейные дела. Адвокаты составляли завещания и хранили секреты; в их обязанности не входило решение проблем. Поэтому проблема, которая неожиданно обрушилась на мистера Сэндела, застала его врасплох.

— Все, Мерсер? — спросил он клерка, который вернулся, проводив очередного клиента.

— Нет, там еще сидит мистер Эшби.

— Эшби? Из Лачета?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Принесите нам, пожалуйста, чаю.

— Хорошо, сэр, — сказал Мерсер. — Заходите, сэр.

В дверь вошел молодой человек.

— Добрый день, Саймон, мой мальчик, — начал мистер Сэндел, пожимая ему руку. — Рад вас видеть. Вы ко мне по делу?

Мистер Сэндел вдруг растерянно замолчал, вглядываясь в посетителя. Его рука, которой он указывал на стул, так и повисла в воздухе.

— Господи Боже мой, — проговорил он. — Вы же не Саймон.

— Нет, я не Саймон.

— Но вы явно Эшби!

— Если вы так считаете, это сильно упрощает дело.

— Да? Извините, у меня все смешалось в голове. Я не знал, что у

Саймона есть двоюродные братья.

— По-моему, у него их нет.

— Вот как? Тогда — простите — кто же вы?

— Я — Патрик.

У мистера Сэндела отвалилась челюсть.

Он был потрясен и как-то весь съежился.

Несколько секунд он смотрел в серые глаза посетителя — типичные глаза Эшби — и не мог придумать ни одной приличествующей случаю фразы.

— Давайте присядем, — наконец выговорил он.

Мистер Сэндел еще раз указал на стул для посетителей, а сам рухнул в свое кресло с видом человека, у которого почва уходит из-под ног.

— Давайте все же разберемся, — сказал он. — Единственный Патрик Эшби, которого я знаю, умер в возрасте тринадцати лет примерно — э-э-э — восемь лет тому назад.

— Почему вы решили, что он умер?

— Он покончил жизнь самоубийством и оставил предсмертную записку.

— Разве в записке говорилось о намерении убить себя?

— Боюсь, что я не помню ее дословно.

— Я тоже уже не помню. Но помню, что написал примерно: «Я больше не могу. Пожалуйста, не сердитесь на меня».

— Да-да. Что-то в этом роде.

— Тут нет ни слова о намерении покончить с собой.

— Как же еще можно было ее истолковать? Записку нашли в кармане куртки, лежавшей у края обрыва.

— А рядом идет тропинка, ведущая в гавань.

— В гавань? Вы хотите сказать...

— Вот именно. Смысл записки — что я решил убежать из дома. Самоубийство тут ни при чем.

— А куртка?

— Нельзя же оставить записку просто на траве. Надо было ее куда-то положить.

— Вы всерьез пытаетесь меня уверить, что... что... что вы — Патрик Эшби и что вы вовсе не покончили с собой?

Молодой человек поднял на него бесстрастные глаза.

— Когда я вошел, — сказал он, — вы приняли меня за моего брата.

— Да. Саймон и Патрик были близнецы. Не абсолютно идентичные, но все же очень... — Тут до мистера Сэндела дошел смысл сказанного, и

он воскликнул: — Господи Боже мой, я действительно принял вас за Саймона!

Минуту он помолчал, растерянно глядя перед собой. Тут вошел Мерсер с подносом.

— Выпьете чаю? — машинально спросил мистер Сэндел.

Это был чисто рефлекторный вопрос при виде чайного прибора.

— Спасибо, с удовольствием, — ответил молодой человек. — Сахара не надо.

— Надеюсь, вы понимаете, — почти умоляюще сказал мистер Сэндел, — что мы должны будем провести тщательное расследование. Все это так поразительно... просто невероятно... Мы же не можем просто поверить вам на слово.

— Разумеется, нет.

— Вот и прекрасно. Хорошо, что вы это понимаете. Вероятнее всего, через какое-то время можно будет... так сказать... «заколоть тельца», но сначала надо предпринять определенные шаги. Молока подлить?

— Да, пожалуйста.

— Например, вы говорите, что убежали из дома. Значит, вы, я так понимаю, сели на какое-то судно?

— Естественно.

— На какое?

— На «Айру Джонса». Оно стояло у причала в Вестовере.

— Забрались в него и спрятались?

— Да.

— И где вы сошли с «Айры Джонса»? — спросил мистер Сэндел, делая пометки у себя в блокноте. Мало-помалу к нему возвращались мыслительные способности. С такой проблемой он не сталкивался никогда в жизни. Теперь уж он никак не успеет на поезд в 5-15.

— На Нормандских островах. В Сент-Хельере.

— Вас обнаружили на борту?

— Нет.

— И никто не заметил, как сошли в Сент-Хельере?

— Никто.

— А потом?

— Я сел на судно, идущее в Сен-Мало.

— Опять спрятались на борту?

— Нет, я купил билет.

— А как называлось судно, не помните?

— Нет, не помню. Это был паром.

— А... Ну а потом?

— Потом я сел в автобус. Мне в Лачете всегда казалось, что ездить на автобусе куда интереснее, чем на нашем старом «универсале», но как-то никогда не приходилось.

— На «универсале». Да-да, — сказал мистер Сэндел и записал: «Помнит автомобиль». — А потом?

— Сейчас вспомню. Какое-то время я работал подручным в гараже. Это был гараж при гостинице в городишке Вилльдые.

— А название гостиницы помните?

— Кажется, «Дофин». Оттуда я на попутках добрался до Гавра и там нанялся юнгой на торговое судно.

— А название помните?

— Еще бы! «Барфлер». Меня поставили помогать повару в камбузе. Я взял себе имя Фаррар. Сошел на берег в Мексике. В Тампико. С течением времени попал в Штаты. Дать вам список мест, где я там работал?

— Будьте добры. Вот вам... а, у вас есть ручка. Просто список названий. Спасибо. А когда вы вернулись в Англию?

— Второго марта, на «Филадельфии». Снял комнату в Лондоне и жил там все это время. Дать вам адрес? Наверно, вы все это тоже будете проверять.

— Да-да. Спасибо. Да.

У мистера Сэндела было странное ощущение, будто не он направляет ход беседы, а этот молодой человек, которому, в конце концов, надо еще доказать, что он тот, за кого себя выдает. Он решил перехватить инициативу:

— Вы еще не пытались связаться со своей... я хочу сказать, с мисс Эшби?

— Нет. А что, это так трудно? — тихо спросил юноша.

— Я просто хочу сказать...

— Я не искал встречи с родственниками, полагая, что сначала мне надо обратиться к вам. Вы это имеете в виду?

— Весьма разумно, весьма...

Опять мистер Сэндел был вынужден поддакивать своему собеседнику.

— Я немедленно позвоню мисс Эшби и сообщу ей о вашем посещении.

— Да-да. Скажите ей, что я жив.

— Конечно. Разумеется.

Неужели этот юнец насмехается над ним? Да нет, не может быть.

— Вас можно будет найти по этому адресу?

— Да.

Молодой человек встал. Опять инициатива оказалась у него в руках.

— Если все, что вы мне рассказали, подтвердится, — сказал мистер Сэндел, стараясь напустить на себя строгий вид, — я первый поздравлю вас с возвращением в Англию и в лоно семьи. Хотя ваше бегство причинило вашим родным огромное горе. Мне непонятно, почему за все это время вы не сочли нужным известить их, что вы живы.

— Может быть, я предпочитал оставаться мертвым.

— Мертвым?

— Вам этого не понять. Вы ведь никогда меня не понимали.

— Не понимал?

— Помните тот случай в «Олимпии»? Вы думали, что я расплакался, потому что испугался.

— В «Олимпии»?

— А я вовсе не испугался. Я плакал от счастья, что лошади такие красивые.

— В «Олимпии»? Но это же было... И вы до сих пор помните?

— Надеюсь, что вы меня известите, мистер Сэндел, когда проверка будет закончена.

— Что? Да-да, конечно.

Боже правый, думал мистер Сэндел, я и забыл тот случай в «Олимпии». Может быть, я обошелся с ним чересчур сухо? Если этот юноша действительно владелец Лачета... Может быть, не следовало...

— Пожалуйста, не думайте... — начал мистер Сэндел.

Но молодой человек уже затворил за собой дверь и вышел на улицу, кивнув на прощанье Мерсеру.

Мистер Сэндел сидел у себя в кресле, вытирая вспотевший лоб носовым платком.

А Брет тем временем, к своему изумлению, летел по улице, как на крыльях. Он страшился этой встречи и предполагал, что ему будет стыдно. Но все получилось совсем не так. С ним в жизни не происходило ничего более увлекательного. В груди был холодок восторга, словно он шел по канату под куполом цирка. Сидя перед адвокатом, он врал ему без зазрения совести и даже не сознавал, что врет — до того он был захвачен этой игрой. Что-то в этом роде он чувствовал, когда объезжал строптивую лошадь — такое же сознание ежесекундной опасности и такое же удовлетворение, когда ему удавалось предугадать какой-нибудь смертельный фортель. Но объездка лошадей никогда не требовала такого умственного усилия и не доставляла такого пьянящего наслаждения.

Так вот почему преступники опять идут на дело — даже когда их не побуждает необходимость. Им хочется еще раз испытать это возбуждение опасностью и этот пьянящий восторг от ее преодоления.

Следуя указаниям Лодинга, Брет зашел в кафе, но ему совсем не хотелось есть. Его переполняло изумительное чувство насыщения — словно он только что пообедал и выпил. Раньше, стоило ему испытать какое-нибудь сильное ощущение: когда он объезжал строптивую лошадь, либо был с женщиной, либо выбирался из опасного положения, — у него возникал волчий аппетит. Но сейчас он сидел за столиком и смотрел на тарелку с едой, но глаза его ничего не видели от головокружительного чувства удачи, которое заглушило даже голод.

Никто не зашел в кафе вслед за ним, и никто как будто не обращал на него внимания.

Брет заплатил по счету и вышел на улицу. Никто не слонялся поблизости. По тротуару катился поток прохожих. Брет дошел до вокзала «Виктория» и позвонил Лодингу из автомата.

— Ну? — спросил тот. — Как дела?

— Замечательно!

— Ты случайно не выпил на радостях?

— Нет. А что?

— В первый раз слышу от тебя такое слово.

— Просто у меня хорошее настроение.

— Это чувствуется. А снаружи заметно?

— Снаружи?

— Твоя бесстрастная физиономия хоть немного оживилась?

— Откуда мне знать? Рассказать, как все прошло?

— Главное я уже знаю.

— Что?

— Тебя не сдали полиции.

— А вы ожидали, что меня сдадут полиции?

— Это было не исключено. Нет, вообще-то я этого не ожидал. Все же дело задумано двумя умными людьми.

— Благодарю за комплимент.

— Ну и как старикан — облобызал тебя на радостях?

— Нет. Но он чуть не потерял дар речи. Держался в рамках этикета.

— Собирается проверять каждое твое слово?

— Да.

— А как он тебя встретил?

— Он поначалу принял меня за Саймона.

Лодинг весело хмыкнул.

— А ты сумел вернуть фразу об «Олимпии»?

— Да.

— Господи, не заставляй меня выдавливать из тебя каждое слово! Это не показалось нарочитым?

— Нет, все пришлось весьма кстати.

— Ну и как, проняло его?

— У него глаза вылезли на лоб.

— Но все-таки он не был полностью убежден?

— А я не стал ждать, как он отреагирует. Встал и ушел.

— То есть, ты бросил ему это под занавес? Ну, парень, я снимаю перед тобой шляпу. Ты просто гигант. Мне казалось, что за две недели я тебя досканально изучил. Но ты все еще меня удивляешь.

— Могу сказать вам в утешение, что я и сам себе удивляюсь.

— По-моему, ты не огорчен.

— Ничуть. Просто удивлен.

— Ну ладно, теперь нам надо держаться подальше друг от друга.

Очень рад был с тобой познакомиться. Кью-гарденз^[5] теперь всегда будет напоминать мне о славных денечках, что мы там провели с тобой. Разумеется, я надеюсь, что у меня будет и другой повод радоваться встрече с тобой. А пока постарайся не звонить мне, разве что в крайнем случае. Я тебе все рассказал. Теперь дело только за тобой.

Да, Лодинг отлично натаскал Брета. В течение двух недель, с раннего утра до семи часов вечера, в ясную погоду и в дождь, они сидели в какой-нибудь беседке в Кью-гарденз, и Лодинг рассказывал Брету про жизнь в Лачете и Клер-парке. Он поведал ему историю рода Эшби и рода Ледингемов, обрисовал окрестности, которых Брет никогда не видел, и заставил его вызубрить каждую тропинку и каждый холмик. Это тоже было очень интересно. Брет всегда легко сдавал экзамены и шел на них с таким же удовольствием, с каким любители идут на радио-викторину. Эти две недели в Кью-гарденз, собственно, и были одной сплошной викториной. Последние дни, отвечая на бесчисленные вопросы Лодинга, Брет испытывал такой же холодок в груди, который он ощутил, сидя у мистера Сэндела: «Ты хорошо пел?», «На пианино играл?», «Кто жил в домике возле въезда в Клер-парк?», «Какого цвета были волосы у твоей матери?», «Где служил твой отец?», «Как называлась его фирма?», «Твое любимое блюдо?», «Как звали хозяина магазинчика в деревне?», «На какой скамье Эшби сидели в церкви?», «Как пройти из большой гостиной в Клер-парке в комнату дворецкого?», «Как звали вашу экономку?», «Ты умел ездить на

велосипеде?», «Какой вид открывается из чердачного окошка?». И так Лодинг часами обстреливал его вопросами. Сначала Брету было просто забавно, потом стало делом чести не допустить ни одной ошибки. Лодинг решил, что им лучше всего встречаться в Кью-гарденз:

«Всю твою жизнь с момента приезда в Лондон будут изучать под микроскопом. Так что тебе нельзя просто переехать жить ко мне, как я поначалу предложил. Нельзя даже, чтобы нас видели вместе. Приходить к тебе в Пимлико мне тоже не следует. Надо, чтобы у тебя, как и раньше, никогда не бывало посетителей».

И они решили встречаться в Кью-гарденз. «Лучшего места не придумаешь, — сказал Лодинг. — Там издали увидишь приближающегося человека, сам оставаясь невидимым. Нигде в Лондоне нет такого изобилия беседок, такой тишины и малолюдья».

Каждое утро они порознь приезжали в Кью-гарденз, входили через разные ворота, встречались в каком-нибудь новом месте и шли в другой укромный уголок сада. И так в течение двух недель. Лодинг приносил фотографии, карты, рисунки и схемы. Он начал с официальной карты, на которой было видно расположение деревни Клер, потом раздобыл более подробную карту, а потом нарисовал Брету план Лачета и Клер-парка. Это было похоже на постепенный спуск на воздушном шаре. Сначала Брет составил себе общее представление обо всей округе, потом изучил отдельные пустоши, поля и сады, потом планировку дома. Так постепенно в его сознании складывалась картина чужой жизни, на которой все больше и больше проступали подробности. Лодинг был отличным инструктором, и Брет оценил его систему по достоинству.

Но главное, конечно, были фотографии. Странным образом Брета меньше всего заинтересовала фотография его «близнеца». Само собой, Саймон был на него очень похож, но ему было даже как-то неловко смотреть на лицо, которое поражало сходством с его собственным. Ему было гораздо интереснее разглядывать портрет мальчика, жизнь которого оборвалась так рано, мальчика, чье место он намеревался занять. У него возникло какое-то необъяснимое чувство духовной близости с Патриком.

Он сам заметил это и не мог себе объяснить. Казалось бы, при мысли о Патрике он должен испытывать чувство вины. А у него возникло чувство локтя, словно они были союзниками в каком-то противоборстве.

Выходя из вокзала, он с удивлением вспомнил свое объяснение, почему Патрик плакал в «Олимпии». Лодинг сказал ему только, что Патрик плакал безо всякой причины (ему тогда было семь лет) и Сэндел возмутился его необъяснимым капризом, а потому больше никогда не брал

детей на бега. Лодинг предоставил Брету распорядиться этой историей, как он сочтет нужным. Что же заставило Брета сказать Сэнделу, что Патрик плакал оттого, что лошади были такие красивые? Неужели он угадал, почему плакал Патрик?

Что ж, ходу назад уже нет. Настойчивый голос, с которым он спорил тогда вечером, победил. Теперь оставалось только как можно крепче держаться в седле. Во всяком случае, предстояла славная скачка, от которой будет замирать сердце и перехватывать дыхание. Брет привык вступать в единоборство с лошастью, рискуя и здоровьем, и жизнью, но сейчас ему предстояла гораздо более увлекательная борьба — борьба умов.

В приюте сказали бы, что он уже проиграл в борьбе с дьяволом-искусителем и продал ему свою бессмертную душу. Но Брет никогда не верил в бессмертие души.

Совесть не позволяла ему явиться в Лачет в качестве шантажиста; достоинство не позволяло ему явиться туда в роли просителя. Нет, черт побери! — он придет туда как завоеватель.

ГЛАВА 7

Телеграфные провода проносились мимо окна поезда, земля крутилась, как карусель, и Беатрисе казалось, что у нее в голове все тоже несется и крутится, как карусель.

«Я бы, конечно, и сам к вам приехал, — сказал ей по телефону мистер Сэндел. — Я в принципе против того, чтобы серьезные вопросы обсуждались по телефону. Но боюсь, что мой приезд может насторожить детей. А их, по-моему, не стоит волновать зря: вдруг окажется... что все это... ложная тревога».

Милый старичок! Он так старался не очень ее ошарашить. Спросил, удобно ли она сидит, и только после этого сообщил ей потрясающую новость. И тут же спросил: «Почему вы молчите, мисс Эшби? Вам что, плохо?».

Нет, ей не было плохо. Она долго сидела и ждала, когда у нее перестанет кружиться голова, а потом пошла к себе в комнату и стала искать фотографии Патрика. Как мало их было! Только групповой портрет, который сделали, когда Патрику и Саймону было десять лет, а Элеоноре девять. Беатриса не имела обыкновения хранить старые карточки.

Вот Нора, та берегла все фотографии детей, но не хотела клеивать их в альбом. По ее словам альбомы были «просто пустой тратой времени и пространства». (Нора не любила растрачивать время впустую; она словно чувствовала, что ей не так-то много его отпущено). Все фотографии были вложены в большой конверт, который она возила с собой повсюду. Взяла она их с собой и в Европу, когда они поехали отдыхать, и он сгорел вместе с самолетом и его пассажирами.

Не найдя фотографий, Беатриса отправилась в старую детскую, как будто надеясь почувствовать там дыхание мальчика, которого звали Патрик, хотя она прекрасно знала, что в детской не осталось ни одной вещи, напоминавшей о Патрике. Саймон все сжег. Это было единственное проявление его горя. Саймона после смерти Патрика отправили в школу, а когда он летом приехал на каникулы, он вел себя совершенно нормально, если считать нормальным то, что он никогда не упоминал брата. А потом Беатриса увидела его около костра в том углу сада, где дети обычно играли в индейцев. В костре горели игрушки Патрика и прочие оставшиеся от него вещички. Беатриса заметила, что Саймон даже принес его школьные тетрадки и по одной подбрасывал их в огонь. Тут же лежали книжки,

детские рисунки и даже лошадка, которая висела на спинке кровати Патрика. Саймон решил сжечь все без остатка.

Увидев Беатрису, Саймон пришел в бешенство. Он встал перед костром, сжав кулаки и сверкая глазами, и закричал:

— Я не хочу ничего этого видеть!

— Я тебя понимаю, Саймон, — сказала Беатриса и ушла.

Так что от Патрика в старой детской ничего не осталось. Да, собственно, мало что осталось и от других детей. Когда Беатриса сама была ребенком, детская не могла похвастаться красотой, но зато не была похожа ни на какую другую комнату: мебель здесь была старой и разностильной, пол покрыт пестреньким линолеумом, сверху лежал тряпичный половичок, на стене висели часы с кукушкой, стояли совсем неуместные плетеные кресла и рама для сушки белья, а посередине помещался стол, покрытый красной скатертью, которая была испещрена чернильными пятнами. На стенах, оклеенных обоями с огромными розами, похожими на кочаны капусты, висели дешевые цветные литографии.

Но Нора заново отделала детскую, и та стала похожа на картинку из журнала для домохозяек. Все было выдержано в бело-голубой гамме, а на обоях были изображены персонажи из детских сказок и песенок. От прежней обстановки сохранились только часы с кукушкой.

Детям здесь было хорошо, но от них почему-то не осталось следов. Сейчас эта чисто прибранная и совсем пустая комната была похожа на витрину мебельного магазина.

Беатриса вернулась к себе. Мысли путались у нее в голове, на сердце щемило. Она принялась собираться к завтрашней поездке в Лондон, где ей предстоит встретиться с еще одной кризисной ситуацией в истории рода Эшби.

— Вы сами-то верите, что это Патрик? — спросила она мистера Сэндела.

Мистер Сэндел не имел твердого мнения.

— Он не похож на самозванца, — сказал Сэндел. — Опять же, если он не Патрик, то кто? Семейное сходство совершенно неоспоримо. А ведь никакого другого Эшби в этом поколении нет.

— Патрик бы мне написал, — сказала Беатриса.

Она постоянно возвращалась к этой мысли. Патрик не оставил бы ее в горе и сомнении на столько лет. Патрик бы написал. Это не Патрик.

Но если не Патрик, то кто?

Мысли каруселью крутились у нее в голове.

— Решать придется вам, — сказал мистер Сэндел. — Вы знали его

лучше всех.

— А Саймон? — спросила она.

— Саймон был ребенком, а дети быстро все забывают. Вы же были взрослым человеком.

Опять на ее плечи ложится груз ответственности. Откуда ей знать, Патрик это или нет? Она любила Патрика, но сейчас почти не помнит, какой он был в тринадцать лет. Как можно его проверить?

А может быть, увидев его, она сразу узнает Патрика? Или поймет, что это не он?

Но если даже это не он, но утверждает, что он, как быть? Подаст ли он в суд? Боже, какой шум поднимут газеты!

А если это Патрик, то что будет с Саймоном? Как он отнесется к воскресению брата, которого не видел восемь лет? Обрадуется, несмотря на то, что теряет право на наследство, или возненавидит его?

Придется отложить празднование совершеннолетия. До назначенного срока еще ничего не прояснится. Какую же отговорку придумать для приглашенных?

Но если каким-то чудом это действительно окажется Патрик, ей больше не будет мерещиться мальчик, который передумал и решил плыть назад, но было уже поздно.

Когда Беатриса поднималась по ступенькам конторы «Коссет, Тринг и Ноубл», в голове у нее по-прежнему роились беспорядочные мысли.

— Здравствуйте, мисс Эшби, — приветствовал ее мистер Сэндел. — Ситуация не из легких. Беспрецедентная. Присаживайтесь. Вы, наверно, устали. Тяжелое испытание для вас. Садитесь, садитесь. Мерсер, принесите мисс Эшби чаю.

— Он как-нибудь объяснил, почему не писал нам все эти годы? — задала Беатриса самый главный вопрос.

— Он сказал что-то вроде: «Я предпочитал оставаться мертвым».

— Да?

— Какой-то психологический срыв.

— Так вы верите, что это действительно Патрик?

— Я хочу сказать, что, если это Патрик, то фраза «я предпочитал оставаться мертвым» психологически увязывается с самим побегом из дома.

— Да-да. Может быть. Только... это совсем не похоже на Патрика. Не написать ни слова...

— А убежать — разве это похоже на Патрика?

— Правда, это тоже не похоже. У него был совсем другой характер. Он

тонко чувствовал, но не пасовал перед трудностями. Он не стал бы убегать. Для этого в нем должно было что-то сломаться. — Беатриса помолчала. — И вот теперь он вернулся.

— Будем надеяться, что так. Будем надеяться.

— Он вам показался абсолютно нормальным?

— Даже чересчур, — сухо заметил мистер Сэндел.

— Я искала фотографии Патрика, но нашла только вот эту. — Беатриса подала ему групповой портрет. — Мы возили детей фотографироваться в студию каждые три года. Это — последняя групповая фотография. Их должны были опять фотографировать летом в тот год, когда погибли Билл и Нора, в тот год, когда Патрик... исчез. Здесь ему десять лет.

Мистер Сэндел долго вглядывался в детское лицо с еще не оформившимися чертами. Беатриса выжидательно смотрела на него.

— Нет, — наконец вздохнул он, — по такой ранней фотографии ничего сказать нельзя. Семейное сходство несомненно. По этому снимку только и можно сказать, что все они принадлежат к семейству Эшби. Индивидуального в них мало... Я надеюсь, что, когда вы увидите этого юношу, вы инстинктивно почувствуете, он это или нет. В конце концов, мы узнаем человека не только по чертам лица, а каким-то шестым чувством.

— Да, но что, если я не буду уверена?

— В таком случае я, кажется, придумал выход. Вчера вечером я обедал со своим коллегой Кевином Макдермоттом.

— Королевским адвокатом?

— Да. Я не смог скрыть от него своей растерянности и поделился с ним сомнениями. Он сказал, что установить личность человека ничего не стоит. Все дело в зубах.

— Зубах? Но у Патрика были самые обыкновенные зубы.

— Разумеется. Но его наверняка возили к дантисту, а дантисты сохраняют историю болезни. Кроме того, у дантиста хорошая зрительная память, и он легко узнает знакомый ему рот. Во всяком случае, есть история болезни, где записана каждая пломба.

Мистер Сэндел увидел на лице Беатрисы выражение растерянности, помедлил минуту, потом спросил:

— Что-нибудь не так?

— Детей возили к Хэммонду.

— Хэммонду? Ну тогда все просто. Если вы не сможете твердо его опознать, мы его просто отвезем к Хэ... — мистер Сэндел оборвал себя на полуслове. — Хэммонд, — чуть слышно проговорил он. — Я и забыл.

— Вот именно, — подтвердила Беатриса.

— Да, дело плохо. Очень плохо.

Оба помолчали. Потом Сэндел сказал несчастным голосом:

— Я должен вам сказать: Макдермотт не верит, что этот молодой человек — Патрик.

— А откуда Макдермотту знать, Патрик это или нет? — взвилась Беатриса. — Он его даже не видел! — Мистер Сэндел уныло молчал. — С чего он это взял?

— Это просто его мнение.

— Я понимаю, что это его мнение, но на чем оно основано?

— Он сказал:стораживает, что тот пришел сразу к адвокату.

— Какой вздор! Наоборот, это было в высшей степени разумное решение.

— Вот именно. Он считает, что чересчур разумное. Слишком все гладко. Все словно бы заранее продумано. Кевин сказал, что мальчик, вернувшийся домой после долгого отсутствия, первым делом явился бы к своим.

— Тогда он просто не знает Патрика. Это как раз очень на него похоже: не ошарашивать нас своим появлением, а пойти к семейному адвокату, чтобы тот нас подготовил. Он всегда старался никого не задеть. О себе он думал в последнюю очередь. Я не согласна с анализом вашего Макдермотта.

— Я просто решил ничего от вас не утаивать, — таким же несчастным голосом сказал мистер Сэндел.

— И совершенно правильно, — ответила Беатриса, смягчаясь. — А вы сказали Макдермотту, что Патрик... что этот юноша помнит, как он плакал в «Олимпии»? Что он сам об этом упомянул?

— Да-да, я сказал.

— И Макдермотт по-прежнему считает, что он самозванец?

— Это тоже кажется ему заранее продуманным ходом.

Беатриса негодуяще фыркнула.

— Как интересно у него устроены мозги! — воскликнула она. — Вот что значит судебная практика: он привык избобличать свидетелей во лжи.

— Нет, просто он мыслит беспристрастно. Не поддается эмоциям, как мы с вами. Нам тоже надо постараться отвлечься от эмоций.

— Да-да, вы правы, — согласилась Беатриса. Это была отрезвляющая мысль. — Но ведь мы не можем рассчитывать на помощь бедняги Хэммонда, поскольку его тело так и не нашли. Все сторело до тла.

— Да, я слышал. Ужасная смерть!

— Ну так вот, раз неопровержимых доказательств нет и быть не может,

остается полагаться на то, что он нам расскажет. То есть, надо будет проверить каждое его слово. Это можно сделать?

— Да, это совсем несложно. Он дал мне даты и адреса. Это тоже не понравилось Кевину... Да. Да. Конечно, мы все проверим. И я не сомневаюсь, что его слова подтвердятся. Он не стал бы давать нам сведения, которые не выдержат проверки.

— Получается, что нам нечего ждать.

— Да, получается так... Ждать действительно нечего.

Беатриса собрала с духом:

— Тогда поскорее организуйте мне с ним встречу.

— Я и сам об этом думал. Мне кажется, организовывать встречу не надо.

— То есть как?

— Я бы предпочел — если вы не возражаете — просто отправиться к нему домой и застать его, как говорится, врасплох. Не предупреждая его заранее. Тогда вы увидите его таким, каков он есть, а не таким, каким он хочет перед вами предстать. Если бы я пригласил его сюда, в контору...

— Да-да, понимаю. Я согласна. Может быть, сейчас прямо и поедем?

— А почему бы и нет? Почему бы и нет? — сказал мистер Сэндел тем сожалющим тоном, каким говорят юристы, когда они не могут придумать возражений. — Конечно, его может не оказаться дома. Но вреда от этого никакого не будет. А вот и чай. Попейте чайку, а Мерсер попросит Симпсона, чтобы он послал Вилетта за такси.

— А ничего покрепче у вас нет? — спросила Беатриса.

— Боюсь, что нет. Боюсь, что нет. Я как-то до сих пор не усвоил этот американский обычай держать в конторе спиртное. Но, если хотите, я пошлю Вилетта...

— Нет-нет, не надо! Обойдусь. Выпью чаю. Говорят, чай даже лучше укрепляет нервы.

У мистера Сэндела был такой вид, словно ему захотелось успокаивающе похлопать ее по плечу, но он не решился. «Вообще-то он добрый человек, — подумала Беатриса, — только на него не очень обопрешь в тяжелую минуту».

— Он вам не объяснил, почему выбрал это имя — Фаррар? — спросила Беатриса уже в такси.

— Он мне вообще ничего не объяснял, — ответил мистер Сэндел опять своим обычным суховатым тоном.

— Вам не показалось, что он нуждается в деньгах?

— Он не говорил о деньгах, но одет очень хорошо, только покрой не

английский.

— И не просил временной ссуды или чего-нибудь в этом роде?

— Нет-нет, Боже сохрани! Об этом даже речи не шло.

— Значит, он вернулся не потому, что оказался на мели. — Беатриса с облегчением откинулась на спинку сиденья. «Может быть, все будет хорошо», — подумала она.

— Я так и не понял, каким образом Пимлико из фешенебельного района превратился в квартал бедноты, — заговорил мистер Сэндел. — Тут такие красивые широкие улицы, мало транспорта и не больше сомнительных заведений, чем в других местах. Почему же чистая публика сбежала отсюда, однако по-прежнему живет в Белгравии. Непонятно!

— Дезертирство всегда принимает стадный характер, — ответила Беатриса, поддерживая этот ничего не значащий разговор. — Уезжает самая именитая местная особа, а за ней по нисходящей общественного положения покидают район и другие, а вакуум заполняют бедные люди. Мы приехали?

При взгляде на унылый фасад здания с обвалившейся штукатуркой и облезшей краской, на дешевые занавески в окнах, ржавый номер дома на столбе ворот и сор на подъездной дорожке, Беатрисе стало опять не по себе. Парадная дверь не была заперта, и они вошли в вестибюль. Туда выходило множество дверей, и на каждой была прикреплена карточка с именем жильца — видимо, здесь сдавались внаем отдельные комнаты.

— Нам нужно 59«М», — сказал мистер Сэндел. — «М», видимо, означает номер комнаты.

— Номера начинаются с первой буквы алфавита и уходят вверх. Вот «Б».

Они стали подниматься по лестнице.

— «И», — сказала Беатриса на втором этаже. — Нам выше.

Третий этаж был последним. Беатриса и мистер Сэндел стояли на темной площадке и прислушивались к тишине. «Его нет дома, — думала Беатриса, — он ушел, и мне придется пройти все это еще раз».

— У вас есть спички? — спросила она.

— «К» и «Л», — прочитала она на дверях.

Буква «М» была на двери в глубине площадки.

Они постояли в темноте перед ней, потом мистер Сэндел решительно шагнул вперед и постучал.

— Войдите! — раздался голос. Голос был довольно низкий, совсем не похожий на изысканный тенорок Саймона.

Через плечо мистера Сэндела Беатриса увидела молодого человека, и ее сразу же поразило то, что он гораздо больше похож на Саймона, чем был

похож Патрик. Все это время ее сознание воспроизводило образ Патрика; но воспоминание было смутным, расплывчатым, и она усилием воли пыталась его прояснить, чтобы сравнить со взрослым человеком, который перед ней предстанет.

И она увидела человека, очень похожего на Саймона.

Он поднялся с постели, на краешке которой сидел, и неспешно, без тени смущения стащил с левой руки носок, который он штопал. Беатриса не могла себе представить, чтобы Саймон когда-нибудь вздумал штопать носок.

— Доброе утро, — сказал молодой человек.

— Доброе утро, — ответил мистер Сэндел. — Я привез к вам гостью. Надеюсь, вы не возражаете? — Он отодвинулся, и Беатриса шагнула на порог. — Вы знаете, кто это?

Сердце Беатрисы бешено колотилось, словно пытаясь вырваться из грудной клетки. Она встретила взглядом с юношей. И по его глазам она поняла, что он узнал ее.

— У вас другая прическа, — сказал он.

Ну конечно, за эти восемь лет мода на прически совершенно изменилась; конечно, он не мог этого не заметить.

— Значит, вы ее узнаете? — спросил мистер Сэндел.

— Разумеется. Это тетя Беа.

Она думала, что он подойдет к ней, но он не двигался с места. Потом повернулся и пододвинул к ней жесткий стул с изогнутой спинкой.

— Простите, но у меня только один стул. Он вполне устойчив, если не откидываться на спинку.

Беатриса, у которой подкашивались ноги, с облегчением села.

— Может быть, сядете на кровать? — молодой человек спросил мистера Сэндела.

— Спасибо, я постою, — поспешно ответил тот.

Собственно говоря, черты лица у него совсем другие, чем у Саймона, думала Беатриса, глядя, как юноша аккуратно втыкает иглку в носок. Это просто общее впечатление; когда в него как следует взглядишься, то становится ясно, что тут скорее фамильное сходство и он не так уж поразительно похож на Саймона.

— Мисс Эшби не захотела ждать, и мы решили поехать к вам домой, — говорил мистер Сэндел. — Вы как будто не очень...

Мистер Сэндел не договорил — смысл был и так ясен.

Юноша посмотрел на Беатрису дружеским неулыбчивым взглядом и сказал:

— Я просто не уверен, что мне рады.

Какое удивительно неподвижное лицо. В нем что-то от детского рисунка. Все на месте, пропорции соблюдены, но жизни нет. Даже рот прямой, как черточка, которой изображает рот ребенок.

Молодой человек подошел к комоду и положил на него носок. Беатриса заметила, что он хромает.

— Вы повредили ногу? — спросила она.

— У меня был перелом. В Штатах.

— Но если перелом еще не сросся, может быть, вам не надо на нее наступать.

— Перелом сросся, — ответил он. — Просто она стала короче.

— Короче? Навсегда?

— Похоже, что так.

У него были тонкие, но выразительные губы. При последних словах они горестно искривились.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила Беатриса. — Видимо, кость неправильно срослась. У вас, наверное, был плохой врач.

— Врача, который накладывал гипс, я не помню. Я, вероятно, потерял сознание. Но они делали все, что нужно: подвесили на ногу груз и все такое.

— Но, Патрик... — начала Беатриса и осеклась.

Наступила неловкая пауза.

— Если вы не уверены, то пока никак меня не называйте, — сказал юноша, прерывая общее молчание.

— В хирургии столько всего напридумывали, — продолжала Беатриса, заглаживая неловкость. — Когда вы сломали ногу?

— Дайте вспомнить. Наверное, года два тому назад.

— Надо посоветоваться с врачами. Как вы ее сломали? Упали с лошади?

— Да. Не успел вывернуться. А как вы догадались про лошадь?

— Вы говорили мистеру Сэнделу, что работали с лошадьми. Вы любите лошадей?

«Господи, — подумала Беатриса, — прямо разговор незнакомых людей в поезде».

— Я не представляю себе жизни без лошадей.

Беатриса забыла про купе.

— Правда? — радостно спросила она. — А там, в Америке, хорошие лошади?

— Большинство, конечно, обычные ковбойские лошади. Но для своего

дела незаменимы. А какое у лошади дело? Наверно, быть хорошей лошастью. Но иногда попадаются породистые. Некоторые — просто красавицы. И у каждой своя индивидуальность. Мне кажется, что про английских лошадей этого не скажешь.

— Наверно, мы их тут подстригаем под общую гребенку. Я как-то об этом не задумывалась. А у вас была своя лошадь?

— Да. Дымок.

Беатриса заметила, как у него дрогнул голос.

— Серый?

— Темно-серый с черным крапом. Не жесткий цвет железа, как бывает, а такой мягкий, дымчатый. Когда на него находило, он был похож на вихрящиеся клубы дыма.

Вихрящиеся клубы дыма. Очень яркий образ. Надо любить лошадей, чтобы так о них рассказывать. А Дымка он, видимо, очень любил.

— И что с ним стало?

— Я его продал.

Его тон не допускал дальнейших расспросов. Хорошо, она не будет спрашивать. Наверно, он продал коня, когда сломал ногу.

Господи, как хочется, чтобы это был Патрик!

Эта мысль вернула Беатрису к цели визита, о которой она почти совсем забыла. Она вопросительно посмотрела на мистера Сэндела.

Уловив в ее взгляде просьбу о помощи, мистер Сэндел сказал:

— Судя по всему, мисс Эшби готова подтвердить вашу личность. Но вы, конечно, понимаете, что нам нужны и другие доказательства. Если бы речь шла просто о возвращении блудного сына, было бы вполне достаточно опознания вашей тетки. Но в данном случае речь идет о праве на наследство. О том, кому достанется довольно большое состояние. И закон в таком случае требует неопровержимых доказательств. Только после окончательного установления вашей личности вы сможете вступить во владение собственностью, завещанной Патрику Эшби. Вам понятно?

— Мне это совершенно понятно. Я буду жить здесь, пока вы не проведете расследование и не удостоверитесь в моей личности.

— Но зачем же здесь? — воскликнула Беатриса, с отвращением глядя на жалкую комнатку и частокол каминных труб за окном.

— Я жил в местах и похуже.

— Очень может быть. Но это вовсе не причина, чтобы сейчас жить в этой дыре. Если у вас мало денег, я могу вам дать.

— Спасибо, но я лучше останусь здесь.

— Почему? Чтобы ни от кого не зависеть?

— Не только. Здесь тихо. Близко к центру. Никто не лезет в твои дела. После того, как поживешь в общежитии, это начинаешь ценить.

— Ну ладно, оставайтесь здесь. Но, может быть, вам нужны деньги на что-нибудь другое?

— Хотелось бы сшить еще один костюм.

— Прекрасно. Мистер Сэндел выдаст вам требуемую сумму.

Беатриса вдруг сообразила, что если он отправится к портному, у которого шьют Эшби, слух о его появлении немедленно разнесется по всему свету. И добавила:

— Он вам даст адрес портного.

— А разве нельзя пойти к Уолтерсу? — спросил юноша. На секунду у него перехватило дыхание. — Он что, ушел от дел?

— Нет-нет, не ушел. Но если вы туда обратитесь, потребуются бесконечные объяснения.

Беатриса постаралась взять себя в руки. В конце концов, всякий может узнать имя портного, который обшивает Эшби.

— Да-да, верно.

Беатриса произнесла еще несколько малозначащих фраз и встала со стула.

— Мы о вас никому пока не говорили. Решили, что подождем, пока все окончательно не прояснится.

В глазах юноши мелькнула смешинка. Секунду они с Беатрисой как бы вместе смеялись над известной им одной шуткой.

— Понятно.

Беатриса подошла к двери, затем обернулась. Юноша стоял посреди комнаты, глядя ей вслед. Он не пошел ее провожать, предоставив это мистеру Сэнделу. Вид у него был отрешенный и одинокий.

«Если это Патрик, — подумала Беатриса, — Патрик, который наконец вернулся домой, как же так можно — повернуться и уйти, словно от случайного знакомого?»

У нее сжалось сердце при мысли о том, как он одинок. Беатриса вернулась к нему, легонько погладила его по щеке и поцеловала.

— Я так рада, что ты вернулся домой, мой мальчик, — сказала она.

ГЛАВА 8

Итак, «Коссет, Тринг и Ноубл» разослали запросы во все места, названные Бретом, а Беатриса уехала в Лачет. Перед ней стояла сложная задача — придумать, под каким предлогом отложить празднование совершеннолетия Саймона.

Рассказать детям о воскресении Патрика, не дожидаясь результатов расследования? А если нет, то какой еще можно придумать предлог?

Мистер Сэндел считал, что детям пока говорить ничего не следует. Судя по всему, приговор, вынесенный Кевином Макдермоттом, сильно его беспокоил. Он почти не сомневался, что им удастся обнаружить какой-нибудь изъян в подозрительно безупречном досье, представленном молодым Фарраром. Зачем волновать детей прежде, чем притязания вновь объявившегося наследника не будут просеяны через самое мелкое сито?

Беатриса была с ним согласна. Если окажется, что юноша, с которым она встретилась в Пимлико, вовсе не Патрик, детям вообще об этом лучше ничего не знать. Может быть, придется сказать Саймону, чтобы он остерегался новых попыток обманным путем завладеть наследством, но к тому времени вопрос сохранит лишь чисто академический интерес и не будет задевать ничьих чувств. А пока необходимо найти способ отложить празднование, ничего не говоря детям.

...И тут Беатрисе неожиданно пришел на помощь двоюродный дед детей, которого они звали дядя Чарльз. Он вдруг прислал телеграмму с Дальнего Востока, в которой сообщал, что наконец-то (с большим запозданием) вышел в отставку и надеется присутствовать на праздновании совершеннолетия своего внучатого племянника Саймона. Он уже выехал домой, но, поскольку старик категорически отказывался летать на самолетах, ему предстоял довольно долгий путь морем. Он выразил надежду, что Саймон подождет откупоривать бутылки с шампанским.

Обычно двоюродные деды не имеют в семьях особенного веса, но для юных Эшби дядя Чарльз был не просто двоюродным дедом, а сказочным волшебником. Ожидание его подарков окрашивало в радужные тона каждый день рождения и каждое Рождество. Если от родителей можно было ожидать более или менее рядовых подарков, а от Деда Мороза на Рождество — выполнения осуществимых просьб и надежд, то дары дяди Чарльза далеко выходили за пределы благоразумной повседневности. Однажды он прислал набор китайских палочек для еды. Завтраки, обеды и

ужины в детской в течение недели проходили под непрерывный хохот, и взрослые были совершенно бессильны поддерживать порядок за столом. В другой раз он прислал змеиную кожу. У Саймона, ставшего обладателем такой уникальной вещи, целый месяц кружилась голова от счастья. А Элеонора до сих пор бегала в ванную в издававших странный запах кожаных тапочках, которые дядя Чарльз прислал ей к двенадцатилетию. По крайней мере четыре раза в году на дяде Чарльзе сосредоточивались все помыслы и надежды юных Эшби. А с человеком, который в течение двадцати лет четыре раза в году оказывался на первом месте в жизни семьи, нельзя было не считаться. Саймон, может, и поворчит, другие дети сначала будут возражать, но все они в конце концов согласятся подождать дядю Чарльза.

Кроме того, Беатриса не без основания полагала, что Саймон не захочет ссориться с последним Эшби старшего поколения. Чарльз не скопил состояния — для этого он слишком любил делать подарки, но деньги у него были. А Саймон, несмотря на кажущуюся беспечность, был весьма практичным молодым человеком.

В конечном счете семейство смирилось с неизбежностью отсрочки. Приглашенные тоже не особенно огорчились. Все считали, что старика следует подождать. Беатриса занялась исправлением даты на приглашениях, мысленно благодаря Всевышнего за то, что он решил за нее эту трудную дилемму.

Все эти дни ее разрывали противоположные чувства. Она хотела, чтобы юноша оказался Патриком, но понимала, что для всех будет лучше, если его разоблачат как самозванца. Семь восьмых ее души страстно жаждали возвращения Патрика, живого, теплого, родного; но одна восьмая содрогалась при мысли о том, какие осложнения вызовет его возвращение в их налаженной жизни. Когда Беатриса ловила себя на предательстве, ей становилось стыдно, но полностью изгнать эти мысли из головы она не могла. В результате она стала такой нервной и раздражительной, что Сандра как-то спросила Джейн:

— Как ты думаешь, может быть, ее гложет тайная печаль?

— Да, наверняка не может свести дебет с кредитом, — отозвалась Джейн. — Она вообще хромает в арифметике.

Мистер Сэндел время от времени звонил и извещал Беатрису о ходе проверки. Пока все, что сообщил о себе молодой человек, полностью подтверждалось.

— Самое главное, — говорил мистер Сэндел, — что по возвращении в Англию он вообще почти ни с кем не виделся. Это радует в том смысле, что

дает основания ему верить. Он живет в этой комнате со дня прихода «Филадельфии»; ему не приходило писем, и никто его там не навещал. Из окон комнаты, в которой живет хозяйка дома, видна входная дверь, и ей совершенно нечего делать, кроме как следить за своими жильцами. Она знает о них всю подноготную. Кроме того, она имеет привычку подстергать почтальона, чтобы узнать, кому пришли письма. Она не очень лестно, но весьма точно описала меня нашему агенту. Так что, если бы у него бывали посетители, уж она бы их не пропустила. Правда, его целыми днями не было дома, — но какой молодой человек сидит дома с утра до вечера? У него вообще нет друзей. Нельзя даже заподозрить существование какого-нибудь сообщника.

Брет с готовностью приходил в контору, когда его вызывали, и подробно отвечал на вопросы. С согласия Беатрисы на одном таком допросе присутствовал Кевин Макдермотт, и даже на Кевина юноша произвел впечатление. «Меня поразило не столько то, как легко он отвечает на вопросы, — сказал он потом мистеру Сэнделу, — все самозванцы бывают великолепно натасканы — сколько его облик и манера держаться. Должен признаться, что он совсем не такой, каким я его себе представлял. У судебного адвоката вырабатывается нюх на несчастных людей. А тут я в полном недоумении. Он не похож на афериста, хотя в целом эта история очень пахнет аферой».

И вот настал день, когда мистер Сэндел объявил Беатрисе, что фирма «Коссет, Тринг и Ноубл» готова признать права этого человека, Патрика Эшби, старшего сына Уильяма Эшби, на имение и наследство, оставленное ему матерью. Конечно, еще нужно будет оформить множество всяких документов, поскольку он официально считается умершим восемь лет тому назад. Но никаких затруднений тут не ожидается. По мнению фирмы, ничто не мешает ему ехать домой в Лачет.

Теперь Беатрисе надо было рассказать обо всем детям.

Сначала она хотела поговорить наедине с Саймоном, но потом решила, что не стоит его как-то выделять. Лучше считать само собой разумеющимся, что, как и все остальные, Саймон будет рад узнать, что его брат жив.

Беатриса поведала детям эту новость в воскресенье после обеда.

— Мне надо вам кое-что сказать, — начала она, — что-то невероятное и в то же время замечательное.

Затем она рассказала все по порядку. Оказывается, Патрик вовсе не покончил с собой, как они считали. Он просто убежал из дома. А теперь он вернулся. Пока он живет в Лондоне: надо, чтобы адвокаты официально

признали его Патриком Эшби. Ему не составило особого труда это доказать. На днях он приедет домой в Лачет.

Беатриса старалась не смотреть на их лица — ей было легче говорить в пространство, как бы отрешившись от окружающих. Но когда она замолчала и наступила ошарашенная тишина, она взглянула на Саймона — и не узнала его. Он был бледен, как полотно, лицо его как-то съежилось, а глаза горели бешеным огнем. Беатриса поспешно отвела взгляд.

— Как это понимать: деньги, которые причитались Саймону, теперь достанутся этому новому брату? — со своей обычной резкой прямоотой спросила Джейн.

— По-моему, он поступил ужасно, — проговорила Элеонора.

— В каком смысле?.

— Убежать и оставить нас всех в горе: мы же считали, что он умер.

— Он не думал, что мы так пойдем его записку.

— Это неважно. Сколько лет он не давал о себе знать? Семь? Почти восемь. А потом вдруг заявляется и ждет, чтобы мы ему обрадовались.

— Он тебе понравился? — спросила Сандра.

— В каком смысле? Внешне? — На этот раз Беатриса была рада, что Сандра, как всегда, интересуется житейскими подробностями.

— Ну да, он симпатичный? И как он говорит — как мы или с ужасным американским акцентом?

— Он очень красивый юноша, и у него нет никакого акцента.

— А где он был все это время? — спросила Элеонора.

— В основном в Мексике и в Соединенных Штатах.

— В Мексике! — воскликнула Сандра. — Как романтично! А что он носит на голове? Матросскую бескозырку?

— Бескозырку? Разумеется, нет. Он носит шляпу, как и все.

— Сколько раз ты его видела, тетя Беа? — спросила Элеонора.

— Только один раз. Несколько недель тому назад.

— А почему ты нам тогда ничего не сказала?

— Мы решили подождать, пока адвокаты установят его личность и он сможет вернуться домой. Не ехать же нам всем было в Лондон, чтобы на него посмотреть.

— Пожалуй, что так. Но Саймон, наверно, захотел бы с ним повидаться. Правда, Саймон? А мы бы уж подождали. Все-таки Патрик его брат-близнец.

— Я не верю, что это Патрик, и никогда не поверю, — отчетливо проговорил Саймон. В его голосе звучала такая злоба, что уж лучше бы он закричал.

— Почему же, Саймон? — спросила Элеонора.

Беатриса не знала, что сказать. Хотя она и опасалась реакции Саймона, такого она не ожидала.

— Но, Саймон, тетя Беа его видела! Она его узнала!

— Тетя Беа решила, видимо, усыновить какого-то проходимца.

Нет, такого Беатриса никак не ожидала.

— Саймон, его усыновила адвокатская контора «Коссет, Тринг и Ноубл». Ты не станешь отрицать, что они не склонны поддаваться эмоциям. Если бы было хоть малейшее основание сомневаться, что он — Патрик, они бы его откопали. Они проверили каждый его шаг за эти восемь лет — с того самого дня, как он уехал из Англии.

— Разумеется, этот человек где-то жил и что-то делал все эти годы, и тут все сойдется. Но почему они считают, то он — Патрик?

— Ну, во-первых, он как две капли воды похож на тебя.

Саймон опешил.

— Как две капли воды? — пробормотал он.

— Да. Он даже больше похож на тебя сейчас, чем был в тринадцать лет.

Белая окаменевшая маска постепенно опять становилась похожей на живое человеческое лицо. Но теперь у Саймона был ошарашенный вид, как у боксера, побывавшего в нокауте.

— Саймон, дорогой, поверь, это — Патрик, — сказала Беатриса.

— Нет! Я знаю, что это не Патрик. Вам всем морочат голову!

— Но откуда ты это знаешь? — спросила Элеонора. — Я понимаю, что тебе нелегко, но нам всем будет нелегко заново привыкать к Патрику. Зачем же кричать, что это не он. Так уж случилось, и никуда от этого не денешься. Ты только себе делаешь хуже, отказываясь смириться с этим фактом.

— Как этот... этот тип, который называет себя Патриком, попал в Мексику? Как он уехал из Англии? Когда? На чем?

— Он уехал из Вестовера на судне, которое называется «Айра Джонс».

Саймон, похоже, не поверил; он пожал плечами и переспросил:

— Из Вестовера? Кто это говорит?

— Он сам это говорит. И по записям в портовом журнале это судно действительно отплыло из Вестовера в тот вечер, когда пропал Патрик.

На это Саймон не нашел что сказать, а Беатриса продолжала.

— Все, что он делал с этого момента, было тщательно проверено. Гостиница в Нормандии, куда он нанялся работать, больше не существует, но они нашли судно, на котором он отплыл из Гавра. Капитан и команда

опознали фотографии Патрика. И так далее — до самого возвращения в Англию. До того дня, как он вошел в кабинет мистера Сэндела.

— Так он с этого начал? — спросила Элеонора. — Пришел к мистеру Сэнделу?

— Да.

— По-моему, это окончательно доказывает, что он на самом деле Патрик. И в конце концов, если бы это был не Патрик, его легко было бы поймать на какой-нибудь ошибке. Спросить что-нибудь о нас, о порядках в нашем доме.

— Нет, это не Патрик!

— Саймон, дорогой, у тебя просто это не укладывается в сознании, — сказала Беатриса. — Элеонора права — тебе нелегко будет привыкнуть к мысли о его возвращении. Но когда ты с ним встретишься, тебе станет легче. Легче признать его за брата. Он бесспорно Эшби, и он так похож на тебя.

— Патрик вовсе не был так уж похож на меня.

Тут вмешалась Элеонора:

— Он был очень даже похож на тебя, Саймон. Очень. Вы же близнецы.

— Если бы я убежала из дома и вернулась через несколько лет, ты бы меня признала, Джейн? — спросила Сандра.

— Несколько лет ты бы не выдержала, — ответила Джейн.

— Почему?

— Ты бы тут же прибежала обратно.

— Зачем?

— Чтобы посмотреть, как мы тут все переживаем.

— А когда он сюда приедет, тетя Беа? — спросила Элеонора.

— Во вторник. По крайней мере, мы так договорились. Но, если хотите, можно отложить — пока вы не свыкнетесь с этой мыслью. То есть... — Беатриса взглянула на Саймона. У него был огорошенный и прямо-таки больной вид. В своих худших предчувствиях Беатриса не представляла себе такой реакции с его стороны.

— Если ты воображаешь, что я когда-нибудь свыкнусь с этой мыслью, то ты ошибаешься, — заявил Саймон. — Мне все равно, когда этот тип объявится. Я уверен, что это — самозванец, и я никогда не признаю его за Патрика.

Он встал и вышел из комнаты. Беатриса заметила, что он пошатывался, словно пьяный.

— Я никогда не видела Саймона в таком состоянии, — с недоумением сказала Элеонора.

— Наверно, надо было его как-то подготовить. Боюсь, что это — моя вина. Мне просто... не хотелось его выделять из всех вас.

— Но ведь он любил Патрика! Почему же он не радуется его возвращению? Хотя бы немного?

— А по-моему, это ужасно: вдруг кто-то обрушивается как снег на голову и захватывает твое место, — заявила Джейн. — С какой стати? Ничего удивительного, что Саймон так рассердился.

— Тетя Беа, можно я буду встречать Патрика в голубом платье? — спросила Сандра.

ГЛАВА 9

Беатриса дождалась конца вечерней службы и затем подошла к дому викария. Она шла сообщить Джорджу и Нэнси о возвращении Патрика, но на самом деле ей хотелось излить викарию свои сомнения и огорчения. Когда Джорджу Пеку удавалось переключить свое внимание от мира античности на события окружающей жизни, от него можно было ждать и утешения, и дельного совета. Ничто, казалось, не могло вывести Джорджа Пека из душевного равновесия. Видимо, полагала Беатриса, близкое знакомство с делами античности, вдобавок к профессиональным обязанностям по исцелению больных душ в деревенском приходе выработали у него иммунитет к потрясениям. Его не удивляли ни безобразные деяния древних, ни нарастающее равнодушие к религии в современной сельской Англии. Поэтому Беатриса шла со своими тревогами не к Нэнси, а к ее мужу. Нэнси бросилась бы ее утешать и успокаивать, а Беатриса нуждалась не в утешении, а в поддержке. Кроме того, Нэнси, которая забыла про существование Патрика, вряд ли могла помочь Беатрисе; другое дело викарий, который обучал мальчика и, наверняка, прекрасно его помнил.

Беатриса пересекла залитое вечерним солнцем поле, потом прошла через кладбище и вошла в сад Пеков через железную кованую калитку, из-за которой в 1723 году в деревне разгорелись такие страсти. Ныне здесь все дышало спокойствием и два соперника-кузнеца мирно спали в своих могилах на расстоянии нескольких шагов друг от друга. «Наступит день, — подумала Беатриса, положив руку на изящный железный завиток, — и, может быть, скоро, когда и мои волнения тоже затянет дымка времени. Не надо преувеличивать их значение». Это был голос разума, но ее сердце отказывалось его слушать.

Беатриса знала любимое место викария, и он оказался там, где она его искала. После вечерни он всегда уходил в сад и там долго разглядывал какое-нибудь растение; обычно он забирался в самый дальний угол сада, откуда его было нелегко дозваться и вернуть к скучным повседневным обязанностям.

Сейчас он глядел на куст сирени, оскверняя ее благоуханной трубкой, которая воняла, как залитая водой головешка.

— Такие трубки надо запретить законом, — говаривала его жена. Уловив знакомый запах, Беатриса вдруг впала в еще большее уныние.

Джордж покосился на нее и вернулся к созерцанию сирени.

— Какой замечательный цвет, правда? — заметил он. — Даже не верится, что это просто оптическая иллюзия. Интересно, какого цвета бывает сирень, когда на нее не смотришь?

Беатриса вспомнила, как викарий однажды уверил Сандру и Джейн, что часы не тикают, когда в комнате никого нет. Она вдруг увидела, как Сандра на цыпочках крадется через прихожую к двери гостиной. Когда Беатриса спросила, от кого она прячется, та ответила, что хочет «подкрасться к часам в гостиной так, чтобы они этого не заметили» и поймать их, когда они не тикают.

Беатриса молча стояла рядом с викарием, любуясь гроздьями сирени и пытаясь собраться с мыслями. Но в голове у нее царил полный сумбур.

— Джордж, — наконец заговорила она, — вы, наверно, помните Патрика.

— Патрика Эшби? Конечно.

Викарий повернул голову и вопросительно посмотрел на Беатрису.

— Оказывается, он вовсе не умер. Просто убежал из дома. В записке ведь прямо не говорилось о самоубийстве. А теперь он вернулся и скоро придет в Лачет. И Саймон вовсе этому не рад.

Большая круглая слеза бесстыдно покатила по щеке Беатрисы. Та смахнула ее с подбородка и молча смотрела на куст сирени.

Джордж поднял руку и ткнул ей в плечо костлявым пальцем.

— Сядьте, — сказал он.

Беатриса села на стоявшую рядом скамейку под навесом из зеленеющего молодыми листочками куста жимолости. Викарий сел рядом.

— А теперь расскажите мне все по порядку.

И Беатриса принялась по порядку и с подробностями рассказывать всю эту фантастическую историю: как ей позвонил по телефону мистер Сэндел, как она поехала в Лондон, как они были в Пимлико у этого молодого человека, как «Коссет, Тринг и Ноубл» проверяли его историю, как ей пришел на помощь дядя Чарльз, как она, получив заключение адвокатов, сообщила детям о возвращении Патрика, и как они это восприняли.

— Элеонора говорит о Патрике с холодком, но, как всегда, рассуждает разумно. Раз уж так получилось, надо с этим смириться. Джейн, разумеется, целиком на стороне Саймона, но я думаю, это пройдет, когда она лучше узнает Патрика. Она ведь добрая девочка.

— А Сандра?

— Сандра готовится встретить брата в своем лучшем наряде, — не без

яда сказала Беатриса.

Викарий улыбнулся.

— Таким, как Сандра, легко жить.

— Но Саймон... Как вы объясните поведение Саймона?

— По-моему, это совсем не трудно объяснить. Надо быть святым, чтобы радоваться возвращению брата, которому достается твое наследство. Тем более брата, которого он с тринадцати лет считает мертвым.

— Но Джордж! Это же его близнец! Они были неразлучны.

— Для двадцатилетнего юноши события, происшедшие, когда ему было тринадцать лет, кажутся очень далекими. Прошла, по сути дела, целая жизнь. Дружба, которая закончилась в тринадцать лет, для него практически ничего уже не значит. Вот уже — сколько? — восемь лет Саймон считает себя хозяином Лачета, восемь лет он знает, что по достижении двадцати одного года получит завещанные матерью деньги. И вдруг, безо всякого предупреждения, он всего этого лишается — тут и более сильный характер дал бы трещину.

— Наверно, я действовала неправильно, — сказала Беатриса. — Надо было рассказать сначала Саймону — наедине. Но мне не хотелось делать различия между детьми. Хотелось верить, что все они будут рады. Если бы я сначала поговорила с Саймоном, это бы...

— Предотвратило ту сцену?

— Да. Думаю, что да. Мне кажется, что в глубине души я ожидала, что он отнесется к этой новости... не так, как остальные. Но я надеялась, что ничего странного не произойдет. Мне и в голову не приходило, что он так взорвется. Что он откажется признать, что Патрик жив и будет твердить, что это самозванец.

— Он просто не желает мириться с неприятным фактом.

— Неприятным? — тихо повторила Беатриса.

— Да, неприятным. Иначе и быть не могло. От этого никуда не денешься, и не стоит из-за этого так расстраиваться. Вы помните Патрика памятью взрослого человека, и вы рады, что он жив. Или нет? — спросил викарий, глядя на Беатрису.

— Конечно, я рада! — чересчур поспешно ответила она. Викарий не стал углубляться в эту тему.

— А Саймон не помнит его памятью взрослого человека. Ни его ум, ни его чувства тогда еще не сформировались. Для Саймона Патрик — некое смутное воспоминание о дружбе, а не сегодняшний друг. В нем нет любви, которую он мог бы противопоставить возникшей в нем... ненависти.

— Что вы говорите, Джордж!

— Да, надо смотреть правде в глаза. Надо быть ангелом, чтобы на месте Саймона не чувствовать антагонизма к Патрику. А в Саймоне нет ничего ангельского. Бедняга Саймон. Судьба сыграла с ним злую шутку.

— И в такой неудачный момент. Как раз, когда мы собрались праздновать его совершеннолетие.

— По крайней мере, для меня разъяснилась загадка, которая мучила меня восемь лет.

— Какая загадка?

— Самоубийство Патрика. Оно просто не вязалось со складом его характера, насколько я его знал. У Патрика было чувствительное сердце, но одновременно у него было достаточно здравого смысла — одно уравновешивало другое. У него была гораздо более устойчивая психика, чем у менее чувствительного, но более одаренного Саймона. Кроме того, у Патрика было сильно развито чувство долга. Можно себе представить, что его так потрясла обрушившаяся на него ответственность за Лачет, что он решил бежать из дома, но она не могла до такой степени затмить его разум, чтобы он лишил себя жизни.

— Почему же тогда мы все сразу решили, что он покончил с собой?

— Ну, куртка на обрыве... Да и записка была действительно похожа на предсмертную. И то, что после Абея, встретившего его на тропинке к обрыву, больше его никто не видел. Да и место такое — сколько самоубийц бросалось с этого обрыва. Так что этот вывод напрашивался сам собой. Но сам факт самоубийства оставался для меня загадкой. Это было так не похоже на Патрика. И вот оказывается, что он ничего подобного не делал.

«Закроешь глаза — и сирень теряет свой цвет, откроешь — опять лиловые гроздья», — твердила про себя Беатриса, чтобы удержаться от слез. Так в театре, когда она готова была расплакаться, глядя на сцену, она принималась считать какие-нибудь предметы.

— Скажите, Беатриса, а вам понравился взрослый Патрик?

— Да. Очень. В некоторых отношениях он очень похож на Патрика-подростка. Спокойный, сдержанный, тактичный. Помните, Патрик всегда спрашивал: «Я тебе не нужен?» И только потом уходил по своим делам. Он и сейчас в первую очередь думает о других. Он не пытался... как-то форсировать события, не считал, что я должна заключить его в объятия. Он по-прежнему не склонен распространяться о своих неприятностях. Саймон всегда приносил мне все свои обиды и огорчения. А Патрик справлялся с ними сам. И сейчас он, по-видимому, вполне способен сам справляться со своими проблемами.

— Вы думаете, ему тяжело пришлось в Америке?

— Да, кажется, жизнь не очень его баловала. Я забыла вам сказать, что он хромает.

— Хромает?

— Не сильно. Упал с лошади. Он все еще обожает лошадей.

— Ну тогда вы с ним найдете общий язык.

Это прозвучало довольно сухо — Джордж был совершенно равнодушен к лошадям.

— Да, найдем, — отозвалась Беатриса, усмехнувшись его сухому тону. — Как хорошо, что Лачет достанется настоящему любителю лошадей.

— А Саймон разве не настоящий?

— Он к ним равнодушен. Для Саймона лошади — это средство развлечения. Они подогревают его самолюбие. И он не возражает против того, чтобы их продавать. Вот, пожалуй, и все, что он чувствует к лошадям. Сами лошади как индивидуальности — вы понимаете, что я имею в виду? — его совершенно не интересуют. Возиться с их болезнями он вообще не желает. Элеонора иной раз всю ночь сидит около больной лошади по очереди с Греггом. А Саймона болезнь лошади может огорчить только в том случае, если ему предстояло выступить на скачках или ехать на охоту.

— Бедный Саймон, — задумчиво сказал викарий. — С таким характером трудно бороться с завистью. А зависть разъедает человека изнутри.

На дорожке появилась Нэнси, и Беатриса не успела ответить Джорджу.

— Беа! Ты здесь? Как я рада! — воскликнула она. — Ты была на службе? Видела этих красавчиков? Прибыли, видите ли, изучать «английские суеверия» — так они называют англиканскую церковь. Лохматый парень лет четырнадцати и девица, навтыкавшая в свои жидкие волосенки штук десять гребней. О чем, по-твоему, говорит такое пристрастие к гребням? О неуверенности в себе?

— Беатриса рассказала мне замечательную новость, — сказал викарий.

— Неужели Саймон женится?

— Нет, не про Саймона. Про Патрика.

— Патрик? — недоумевающе переспросила Нэнси.

— Он жив.

Джордж коротко пересказал жене то, что сообщила ему Беатриса.

— Беа, дорогая! — вскричала Нэнси, обнимая подругу. — Какая радость! Больше тебе не придется бояться, что он в последний момент передумал.

То, что Нэнси в первую очередь вспомнила про преследовавший ее кошмар, лишило Беатрису последней выдержки, и она разрыдалась.

— Тебе надо выпить, — деловито сказала Нэнси. — Пойдем в дом — там у нас есть недопитая бутылка хереса.

— Пить херес по такому поводу — это просто распущенность, — недовольно сказал викарий.

— Какому?

— «Надо выпить».

— Если мы его не допьем, этот херес выпьет миссис Годкин. Она и так уже выпила почти всю бутылку. Пошли, Беа.

Уютно устроившись в кресле с бокалом хереса в руках, Беа слушала, как Джордж рассказывает Нэнси историю возвращения Патрика Эшби. Теперь, когда она разделила груз ответственности с друзьями, ей стало легче. Какие бы трудности ее ни ожидали, она может рассчитывать на участие и поддержку Джорджа и Нэнси.

— А когда приедет Патрик? — спросила Нэнси.

— Во вторник. Вот только не знаю, как поступить с соседями — не сообщать же каждому в отдельности.

— Нет ничего проще, — сказала Нэнси. — Надо просто сказать миссис Глум.

Миссис Глум держала магазинчик в Клере, где продавала кондитерские и табачные изделия и газеты. На самом деле ее звали миссис Блум,^[6] но она с таким наслаждением пересказывала плохие новости, что сначала Эшби и Ледингемы, а потом и вся округа стали звать ее миссис Глум.

— Или пошли сама себе открытку — тоже верный способ обнародовать новость. Когда Джим Бауден раздумал жениться на Софи Хейвуд, он так и сделал. Послал матери телеграмму, что женится на другой. К тому времени, когда он вернулся домой, шум уже затих и эта новость никого не волновала.

— Боюсь, что в нашем случае шум утихнет не так-то скоро. В конце концов, главные события будут происходить у нас в доме. Пока-то все привыкнут.

— Ничего, дорогая, это же будет шум по радостному поводу.

— Да, конечно. Но я не знаю, чего ожидать. Все так зыбко... как будто...

— Будто ходишь по желе, — подхватила Нэнси.

— Я хотела сказать, будто пробираешься по зыбучему болоту, но желе, пожалуй, подходит даже лучше.

— Или по колышущемуся под ногами полу, как в том аттракционе, — неожиданно вставил викарий.

— Откуда ты знаешь про аттракционы, Джордж? — удивленно спросила жена.

— Года два назад на карнавале в Вестовере был такой аттракцион. Меня он заинтересовал. До чего же люди склонны к мазохизму.

— Вот поэтому я никогда и не променяю Джорджа ни на кого другого, — сказала Нэнси, провожая Беатрису до калитки. — Мы женаты уже тринадцать лет, а он все еще продолжает меня удивлять. Никогда бы не подумала, что он вообще знает, что такое аттракцион. Ты можешь себе представить Джорджа, поглощенного созерцанием американских горок?

Но по пути домой Беатриса думала не об американских горках, а о предстоящем ей в ближайшие дни балансировании на канате. Она прошла через кладбище к церкви и поднялась на крыльцо. Тяжелая дубовая дверь была не заперта. Беатриса вошла в церковь. Закатные лучи солнца окрасили сводчатый потолок в теплый золотистый цвет, и церковь была до краев заполнена покоем, как чаша водой. Беатриса села на скамью около двери и стала слушать добрую тишину, которая обнимала и ее, и надгробные памятники, и истлевшие знамена, и имена, вырезанные на стене церкви, и медленное тиканье часов. Надгробия все принадлежали Ледингемам, начиная со строгой плиты в честь деда-крестоносца и кончая пышной мраморной группой, оплакивающей политического деятеля XVIII века. В роду Эшби не было крестоносцев, и они не могли позволить себе мраморные памятники. Их покойники были увековечены мемориальными досками на стене церкви. Беатриса перечитала надписи на них в десятитысячный раз. Среди них не было фельдмаршалов, министров, поэтов, реформаторов. Это были простые сельские помещики, владельцы Лачета, небольшого, но удовлетворявшего их нужды имения.

А теперь Лачет достанется незнакомому юноше, приехавшему с другого конца света.

«Сильно развитое чувство долга», — сказал викарий о Патрике, которого он знал. Она тоже помнила Патрика таким. Но тот Патрик дал бы ей о себе знать.

Беатриса каждый раз наталкивалась на эту мысль, как на стену. Патрик, которого они знали, не оставил бы их в горе и неведении на восемь лет.

«Психологический срыв», — сказал мистер Сэндел. Наверно, был срыв, а то бы он не убежал. Собственно, убежать — это тоже совсем не похоже на Патрика. Может быть, когда он спохватился, ему стало

невыносимо стыдно.

Но все же... все же...

Добрый мальчик, который всегда спрашивал: «Я тебе не нужен?»

Мальчик, у которого было «сильно развито чувство долга»?

ГЛАВА 10

В тот самый час, когда Беатриса сидела на скамье в церкви и глядела на мемориальные доски семейства Эшби, Брет Фаррар стоял у себя в комнате в новом костюме, и его состояние было близко к панике.

Как он впутался в эту историю? О чем он думал? Он, Брет Фаррар? С чего он взял, что способен сыграть такой спектакль? Почему он позволил втянуть себя в эту аферу?

Эти трезвые мысли нахлынули на него, когда он надел новый костюм. Костюм был как бы материальным воплощением его преступного замысла. Это был замечательный костюм. Он мечтал о таком уже много лет. С виду будто ничего особенного, но его покрой не оставляет сомнений — так умеют шить только самые лучшие английские портные. Брет смотрел на себя в зеркало почти с ужасом.

Нет, он туда не поедет. Не может, и все.

Пока не поздно, надо бежать.

Надо отправить этот проклятый костюм обратно портному, написать письмо той милой женщине и исчезнуть навсегда.

— Что? — спросил внутренний голос. — Упустишь самое увлекательное приключение в своей жизни? Какого не бывало ни у кого и никогда?

— Какое там приключение! Это просто грязная афера.

Они не станут его искать. Будут рады, что все обошлось благополучно. Он исчезнет, и на поверхности не останется даже ряби.

— И откажешься от состояния?

— Да, откажусь от состояния. Зачем оно мне?

У них будет его письмо, которое обезопасит их от всяких дальнейших поползновений с его стороны. Он напишет той женщине, которая поцеловала его по доброте душевной, хотя и не была уверена, что он — Патрик. Он расскажет ей всю правду, попросит прощения, и на этом все закончится.

— И у тебя никогда уже не будет конного завода.

— Зачем мне завод? Лошадей в мире хватает.

— Думаешь, у тебя тоже будут лошади?

— Может, когда-нибудь и будут.

— Может, ты и летать научишься?

— Заткнись!

Он напишет Лодингу и скажет, что не хочет участвовать в его преступной затее.

— Чтоб все труды пошли прахом? Все, что ты выучил?

— Не надо было в это ввязываться.

— Но ведь ввязался же! И прошел полный курс. Ты начинен сведениями, которые стоят состояния. Неужели все пойдет насмарку?

Да уж, плакали обещанные Лодингу пятьдесят процентов! И как он мог согласиться войти в сделку с этим жуликом?

— Весьма занятный и башковитый жулик. Прямо-таки король жуликов. С таким вовсе не стыдно войти в сделку.

Завтра утром он пойдет в бюро путешествий и купит билет куда-нибудь за границу. Куда угодно, только подальше отсюда.

— А я думал, что ты решил остаться в Англии.

Да, соблазн такой есть — и надо отгородиться от него океаном.

— Соблазн, говоришь? Значит, ты все еще колеблешься?

На билет в Америку у него денег не хватит, но вполне достаточно, чтобы уехать довольно далеко от Англии. В бюро путешествий ему наверняка предложат несколько стран на выбор. Мир велик, и интересных мест в нем пока еще много. Во вторник его уже не будет в Англии — и больше он сюда никогда не вернется.

— И никогда не увидишь Лачет?

— Найду себе какой-нибудь... Что ты сказал?

— Я сказал, никогда не увидишь Лачет?

На это у Брета ответа не было.

— Что, замолчал? Не знаешь, что сказать? Должен же быть ответ!

— Деньги, лошади, приключения — этого добра хватает повсюду. Их можно найти где угодно. Но если ты сегодня откажешься от Лачета, то это навсегда. Его уже не вернешь.

— А зачем мне Лачет?

— И это спрашиваешь ты, у которого лицо Эшби, склонности Эшби, цвет волос Эшби, кровь Эшби?

— У меня нет никаких доказательств...

— Повторяю: кровь Эшби. Бедный найденыш, ты же знаешь, что твой дом в Лачете — и ты еще нагло притворяешься, что тебе на него наплевать!

— Я не говорил, что мне на него наплевать. Вовсе нет.

— Однако ты собираешься завтра уехать из Англии и навсегда отказаться от Лачета. Навсегда! Ты должен отдавать себе в этом отчет, мой мальчик. Ты стоишь перед выбором: или ты выбираешь приключение — и тогда во вторник ты увидишь Лачет, или ты смываешься — и тогда ты не

увидишь его никогда.

— Но мне это претит! Я не хочу участвовать в преступной афере!

— Не хочешь? А что же ты делаешь вот уже несколько недель? И тебе было безумно интересно. Помнишь это блаженное чувство — словно идешь по канату — которое ты испытал во время первого визита к старику Сэнделу? Да и потом тоже. Даже когда напротив тебя сидел королевский адвокат и рассматривал тебя как под рентгеном. Сейчас у тебя просто сдали нервишки. Тебе безумно хочется увидеть Лачет, тебе хочется жить в Лачете на полных правах. Тебе хочется заниматься лошадьми. Тебе хочется прожить остаток жизни в Англии. Так что поезжай во вторник в Лачет и вступай во владение.

— Но...

— Ты объехал полмира, чтобы в конце концов встретиться с Лодингом. Это не могло быть случайностью. Это — судьба. Ты родился для того, чтобы найти свое место в Лачете. Это — судьба. Ты принадлежишь к роду Эшби. Объехать полмира, чтобы оказаться в месте, о котором ты никогда не слыхивал... Это — судьба... От нее никуда не денешься...

Брет медленно снял новый костюм и аккуратно повесил его на специально купленные новые плечики. Потом опустился на кровать и закрыл лицо руками.

Наступила ночь, а он все сидел в той же позе.

ГЛАВА 11

В день приезда Брета Фаррара над Лачетом сияло солнце, но свежий ветерок непрерывно пошевеливал листья деревьев, и в воздухе носилось предчувствие грозы.

«Что-то слишком уж все ярко, — подумала Беатриса утром, глядя из окна спальни. — К вечеру жди слез, как говорила няня о расшалившихся детях. Ну ладно. По крайней мере, он приедет в хорошую погоду».

Все эти дни она обдумывала, как обставить приезд Патрика. Нужно, чтобы все было как можно проще, по-домашнему. Здесь возражений не было ни у кого. Кто-нибудь встретит поезд и привезет Патрика в Лачет. Потом будет обед в семейном кругу. Встал вопрос: кому ехать на станцию. Сандра и Джейн считали, что надо ехать всей семьей, но устраивать на платформе торжественную встречу блудного сына немыслимо: вот будет развлечение для служащих станции и случайных пассажиров. Если Беатриса поедет сама, получится, что она словно бы взяла Патрика под свое крыло — а этого во что бы то ни стало надо избежать. Она не забыла фразу, которую злобно бросил Саймон: «Тетя Беа, видимо, решила усыновить какого-то проходимца». Проще всего было бы поехать Саймону, но его попросту не было в Лачете. После того, как Беатриса в воскресенье объявила о возвращении Патрика, Саймон перестал принимать участие в жизни Лачета и старался как можно меньше бывать дома. В понедельник вечером Беатриса зашла к нему поговорить, но никакого толка из этого разговора не вышло.

Поэтому Беатриса вздохнула с облегчением, когда Элеонора вызвалась поехать за Патриком на станцию.

Теперь ее беспокоило другое. Что, если Саймон не появится к обеду? Как она объяснит Патрику его отсутствие? А если Саймон и придет, как он себя поведет?

Беатриса отправилась на кухню, чтобы дать последние наставления кухарке — уже третьей за последний год. И тут ее перехватила Лана, их приходящая горничная. Лана жила в деревне, волосы у нее были обесцвечены перекисью водорода, ногти покрыты ярким лаком и лицо размалевано по последней деревенской моде. По ее словам, она согласилась «помогать по дому» только потому, что ее жених работает в Лачете конюхом. Когда она пришла наниматься, то предупредила, что согласна убирать комнаты — «тут нет ничего такого», но ни за что не станет

прислуживать за столом — это «лакейская работа».

Беатрисе очень хотелось ей сказать, что в доме Эшби никогда бы и не доверили подавать тарелки за столом особе с шершавыми руками, вульгарными манерами и скверным запахом изо рта, от которой к тому же разит дешевым одеколоном, но опыт обращения с прислугой научил ее сдержанности, и она просто объяснила Лане, что за столом ей прислуживать не придется, потому что Эшби привыкли обслуживать себя сами.

Лана пожаловалась Беатрисе, что пылесос «плюет, вместо того, чтобы глотать», и Беатриса опять погрузилась в домашние заботы, которые вытеснили у нее из головы беспокойные мысли о Саймоне и семейных неприятностях. Она снова вспомнила о них только тогда, когда увидела, как Элеонора садится в свой старенький двухместный автомобильчик.

— Ты что, решила не брать машину? — спросила Беатриса. «Машиной» в доме называли большой семейный автомобиль, а ободранная малолитражка Элеоноры прозывалась «блохой».

— Нет. Зачем нам перед ним прихорашиваться? — ответила Элеонора.

Беатриса заметила, что Элеонора даже не соизволила переодеться, а была в тех самых бриджах, в которых давала утром уроки верховой езды.

— Я хочу с тобой! Возьми меня! — закричала Сандра, сбегая с крыльца к «блохе», но при этом, как заметила Беатриса, стараясь не прислониться к ее пыльному кузову своим нарядным голубым платьем.

— Нет, не возьму, — твердо сказала Элеонора.

— Но ему же будет интересно увидеть младшую сестру! Тебя он помнит, а вот нас...

— Сказала, нет!.. И отойди от машины, а то испачкаешь свой роскошный наряд.

— Какая она все-таки эгоистка, — сказала Сандра, стряхивая пыль с рук и глядя вслед удаляющейся машине. — Все интересное — только ей.

— Не говори чепухи. Мы же договорились, что вы с Джейн будете ждать его дома. Кстати, а где Джейн?

— По-моему, на конюшне. Патрик ее не интересуется.

— Надеюсь, к обеду она появится?

— Конечно, появится. Может быть, ее и не интересуется Патрик, но обед она никогда не пропустит. А Саймон придет к обеду?

— Надеюсь.

— Как, по-твоему, они встретятся с Патриком?

«Если мир и согласие в Лачете разлетятся вдребезги и начнутся ссоры и раздоры, близнецов придется отослать в школу», — подумала Беатриса.

Их и так через год-другой пора туда отдавать: уж лучше им уехать пораньше, чем жить в атмосфере напряженности и вражды.

— Как ты думаешь, будет скандал? — с надеждой в голосе спросила Сандра.

— Что ты, Сандра, конечно, нет! Не выдумывай глупостей.

Но Беатриса совсем не была уверена, что скандала не будет. О том же думала по дороге на станцию Элеонора. Предстоящая встреча с новым братом ее немного страшила, и она сердилась на себя за это волнение. Поэтому она и не стала переодеваться, притворяясь перед собой, что ничего особенного не происходит.

Гессгейт был маленькой захудалой станцией, обслуживающей три ближайшие деревушки и ни одного городка. Пассажиров здесь сходило мало. Так что, когда Брет вышел из поезда, на платформе было только четыре человека: толстая фермерша, носильщик, контролер и Элеонора.

— Привет, — сказала Элеонора, подавая Брету руку. — Как ты похож на Саймона!

Брет заметил, что она даже не подкрасила губы. На переносице у нее пестрели светлые веснушки.

— Элеонора? — спросил он.

— Она самая. А где твой багаж? Я приехала на двухместной малолитражка, но в багажник влезет довольно много.

— У меня больше ничего нет, — сказал Брет, показывая на свой саквояж.

— А остальное идет багажом?

— Нет, тут все мое имущество.

— Да? — улыбнулась Элеонора. — Значит, не разбогател?

— Нет, — отозвался Брет, — не разбогател.

Элеонора начинала ему нравиться.

— Машина нас там дожидается. Пошли.

— В Лондон ездили, мистер Эшби? — спросил контролер, принимая от Брета картонный билет.

— Да, уезжал.

При звуке его голоса контролер поднял голову. На лице его отразилось недоумение.

— Он принял тебя за Саймона, — сказала Элеонора, когда они сели в машину, и улыбнулась. Два передних зуба росли у нее чуть вкось, придавая улыбке очаровательную детскость. Когда же ее лицо было серьезно, то выражало твердость и невозмутимое спокойствие.

— Ты вернулся домой в самое лучшее время года, — сказала она

минуту спустя. Они уже выехали с усыпанного гравием станционного двора и им открылся сельский пейзаж.

«Домой», — подумал Брет. У Элеоноры были светлые шелковые волосы цвета спелой пшеницы — до того спелой, что они казались почти белыми. Они были скручены незамысловатым узлом на затылке — словно ей было лень ими заниматься.

— Все как раз начинает цвести. И уже родились первые жеребята.

Ноги Элеоноры в поношенных бриджах из диагонали были похожи на ноги мальчика-подростка. Но оголенные руки, видневшиеся из-под накинутой на плечи куртки, были по-женски нежны и округлы.

— У Хани родился жеребенок, который далеко пойдет. Я тебе его покажу. Ты, конечно, не знаешь Хани. Она появилась у нас уже позже. Ее полное имя — Грик Хани. Ее отец — Химметус, а мать — кобыла по имени Мани-Фор-Джем. Надеюсь, тебе понравятся наши лошади.

— Конечно, понравятся, — ответил Брет.

— Тетя Беа говорит, что ты по-прежнему любишь лошадей.

— Мне, правда, не приходилось заниматься разведением. Я просто их объезжал.

Они въехали в деревню.

Так вот какая она, Клер. Раньше он представлял ее в виде квадратиков на карте. Оказывается, она излучает живое тепло, светится улыбкой. Вот и «Белый олень». А позади на холме стоит церковь, на стенах которой висят мемориальные доски рода Эшби.

— Красивая деревня, правда? — спросила Элеонора. — Сколько ее знаю, она совсем не меняется. Наверно, не изменилась со времени всемирного потопа. Люди с теми же фамилиями живут в тех же домах, в которых жили их предки в царствование Ричарда II. Но ты же все это знаешь! А я рассказываю тебе о нас, как гостю.

Он знал, что, проехав деревню, они увидят огромные ворота Клер-парка. Интересно, на что похож въезд в поместье, где вырос Алекс Лоддинг? Ворота, действительно, оказались впечатляющими — широкие створки из чугунного кружева, прикрепленные к двум огромным столбам, на которых стояло по льву с поднятой лапой. На одном из львов сидел верхом мальчик, на спине которого был коврик из леопардовой шкуры с оторочкой из зеленой зяби, а на голове, вместо шлема, игрушечное ведерко. Никакой другой одежды на нем, вроде, не было. В руке он держал, стоймя, как копье, длинную бронзовую кочергу, которая упиралась в его голую ступню.

— Не пугайся, — сказала Элеонора. — Это тебе не мерещится.

— Слава Богу!

— А ты разве не знал, что теперь в Клер-парке размещается школа?
Брет чуть не сказал, что знал, но вовремя вспомнил, что, хотя Лодинг про это вскользь упомянул, ему этого знать не полагалось.

— Какая школа?

— Школа для бездельников.

— Бездельников?

— Да. Для детей, которые не хотят учиться и у которых достаточно состоятельные родители, чтобы отдать их в Клер-парк. Здесь никого не заставляют учиться. Они даже не учат таблицу умножения. Считается, что в какой-то момент им самим безумно захочется ее выучить. Но, конечно, ничего подобного не происходит.

— Нет?

— Конечно, нет. Если человека не заставляют зубрить таблицу умножения, с какой стати он будет делать это добровольно?

— Но если у них нет уроков, чем же они весь день занимаются?

— Выражают себя. Рисуют, лепят, белят каретный сарай или придумывают себе разные экзотические наряды, как Тони Тоселли. Это ты его видел верхом на льве. Некоторые из них берут у меня уроки верховой езды. Ездить верхом им нравится. Мне кажется, им так надоело жить легкой жизнью, что какие-то трудности их даже увлекают. Но только, если это что-нибудь необычное. Обычные трудности, которые приходится преодолевать каждому, их нисколько не вдохновляют. Они не желают опускаться до общего уровня. Тогда они будут «как все».

— Очаровательные детки.

— Ну, Лачету они приносят немалый доход. А вот и наш дом.

У Брета замерло сердце. Элеонора свернула в белые ворота и медленно поехала по обсаженной липами аллее.

Хорошо, что она замедлила ход. В самом начале зеленого тоннеля из-за стволов деревьев выпорхнуло что-то вроде гигантской голубой бабочки и запрыгало прямо перед бампером машины.

Элеонора резко нажала на тормоз и выругалась.

— Привет! Привет! — кричала бабочка и, приплясывая, подбежала к дверце с той стороны, где сидел Брет.

— Ненормальная! — сердито сказала Элеонора. — Ты что, не знаешь, что когда со света въезжаешь в эту аллею, то в первую минуту ничего не видишь? Я же могла тебя задавить!

— Привет! Привет, Патрик! Это я, Сандра! Здравствуй! Я хочу проехаться с тобой до дома! Можно, я сяду к тебе на колени? В этой паршивой «блохе» так мало места, а я не хочу измять платье. Тебе нравится

мое платье? Я его специально для тебя надела. Какой ты красивый. А ты меня так представлял?

Она замолкла, ожидая ответа. Брет сказал, что он над этим как-то не задумывался.

— Да? — обескураженно проговорила Сандра. — А мы только о тебе и думали, — с упреком сказала она. — Вот уже много дней ни о чем другом не говорим.

— Что ж, — сказал Брет, — когда ты убежишь из дома и вернешься только через много лет, о тебе тоже все будут говорить.

— Ну, я никогда ничего подобного не сделаю, — сердито сказала Сандра. — Это так *outré*.

— Откуда ты выкопала это слово? — спросила Элеонора.

— Очень даже хорошее слово. Я слышала его от миссис Пек.

Брет почувствовал, что ему пора включаться в действие и вставить свою реплику, например: «А как поживает чета Пеков?», но ему было не до того. Он с замиранием сердца ждал, когда кончится аллея, и он увидит Лачет.

И встретится со своим «братом».

— А Саймон еще не приехал, — сообщила Сандра, бросив на Элеонору беглый, но многозначительный взгляд. Этот взгляд поразил Брета даже больше, чем слова Сандры.

Значит, Саймон вовсе не ждет его на пороге дома. Саймон куда-то уехал, и семейство этим, видимо, сильно обеспокоено.

Алекс Лодинг заверял Брета, что в Лачете его не ждет церемониальная встреча, что строй слуг, начиная с дворецкого и кончая последним поваренком, не будет приветствовать возвращение Молодого Хозяина в родовое поместье. Все это, сказал Лодинг, ушло в прошлое вместе с накладными турнюрками, да и вообще в Лачете никогда не было дворецкого. Брет также знал, что не будет и большого сбора родственников. Отец детей, Билл, был единственным сыном, и у него была одна сестра — Беатриса. Мать детей, Нора, была единственной дочерью. У нее было два брата, и оба погибли на войне, не успев дожить до двадцати лет. Единственным близким родственником Эшби был дядя Чарльз, приходящийся детям двоюродным дедом, а он, по словам Лодинга, плыл в Англию на пароходе и в данный момент был где-то около Сингапура.

Но Брету и в голову не приходило, что к его приезду не соберутся все живущие в доме члены семьи. Что кто-то откровенно выразит недовольство его возвращением. Его обманула легкость, с которой он нашел общий язык с Элеонорой. Образно говоря, он считал, что подбирает поводья,

брошенные на шею лошади.

Автомобиль выехал из тенистой аллеи, и взору Брета предстал залитый солнцем Лачет: спокойный, приветливый, полный достоинства родовой дом. Фасад дома в XVIII веке был перестроен в соответствии с архитектурными вкусами того времени, так что о возрасте дома и его первоначальном облике можно было судить только по остроконечной черепичной крыше.

Дом стоял посреди полей и лугов, перед ним не было даже клумб с цветами, и Брет почувствовал, что дом в них и не нуждается. Он сам был как цветок, венчавший зеленый массив небольшого парка, и всякие другие цветы были бы лишними.

Элеонора подъехала к парадному входу, и Брет увидел Беатрису. Она вышла на крыльцо, и Брета внезапно охватил панический страх. Ему вдруг безумно захотелось рассказать ей правду, повернуться и уехать, прежде чем он переступит порог этого дома, прежде чем он начнет играть свою роль. Какая же трудная эта роль! Он не представлял себе, как он ее сыграет.

На помощь Брету пришла Сандра. Не успела машина остановиться, как она с восторгом закричала, что сумела-таки раньше них встретить Патрика, и стало казаться, что сам приезд Брета не так важен, как восторг Сандры.

— Я его встретила, тетя Беа! Я его все-таки встретила! Я села к ним в машину у ворот. Ты на меня не сердись за это? Я просто дошла до ворот и увидела, что они едут, и они остановились и подвезли меня до дома. И вот мы приехали, и я его все-таки встретила раньше вас!

Сандра выскочила из машины и потащила Брета за руку, точно это она сама нашла его и привезла домой. Так что, здороваясь с Бретом, Беатриса слегка закатила глаза — дескать, что с ней поделаешь, — а он понимающе улыбнулся. Они как бы по-приятельски посмеялись над экспансивностью девочки, — и самое трудное оказалось позади.

Однако чувство неловкости могло бы вернуться, если бы их внимание не отвлекла Джейн, появившаяся из-за угла дома верхом на Форпостере. При виде Брета, Беатрисы и сестер, она резко натянула поводья, и Брету стало ясно, что она вовсе не собиралась участвовать в его встрече. Но теперь ей уже не было ходу назад, даже если бы она сочла приличным развернуться и уехать. Форпостера нельзя было заставить уехать от чего-нибудь интересного: это было невообразимо любопытное животное, а к натянутым удилам он был совершенно нечувствителен. Так что пришлось Джейн подъехать к крыльцу верхом на сгоравшем от любопытства пони. Когда Форпостер остановился, она соскочила на землю и застыла со

смущенным и одновременно вызывающим видом. «Это Патрик», — сказала Беатриса. Джейн протянула ему маленькую вялую руку и тут же ее отдернула.

— А как зовут твоего пони? — спросил Брет, чувствуя, что девочка настроена к нему враждебно.

— Его зовут Форпостер, — вмешалась Сандра. — А викарий зовет его Омнибус.

Брет протянул руку и хотел потрепать пони по холке, но тот не допустил такой фамильярности, сделав шаг назад. Его морда с горбатым римским носом выражала презрение. Сцена была смехотворная: пони был похож на высокомерную викторианскую даму, отвергающую притязания недостойного поклонника.

— Ну, комик, — сказал Брет, и Беатриса весело рассмеялась, радуясь, что Брет с первого взгляда раскусил Форпостера.

— Он не любит чужих, — заступилась за пони Джейн.

Но Брет не убрал протянутую руку, и через несколько секунд любопытство превозмогло, и Форпостер, перестав воображать, доверчиво ткнул мордой в руку юноши. Брет ласково погладил его, и Форпостер, окончательно сдав свои позиции, со слоновьей игривостью прихватил его пальцы губами.

— Нет, вы поглядите, — сказала Сандра. — Он ни с кем себя так сроду не вел!

Брет посмотрел на отчужденное лицо Джейн и маленькие грязные руки, сжимавшие поводья так, что побелели костяшки.

— Наверно, он так ведет себя с Джейн, когда никто не смотрит, — заметил он.

— Джейн, иди умойся и переоденься. Скоро обед, — сказала Беатриса и прошла в дом.

И Брет, переступив порог Лачета, пошел вслед за ней.

ГЛАВА 12

— Ты будешь жить в бывшей детской, — сказала ему Беатриса. — Надеюсь, ты не возражаешь. Комнату, где Саймон жил с... где вы жили с Саймоном, сейчас занимает Саймон. «Боже, — подумала она, — вот ляпнула! Неужели я никогда не привыкну к мысли, что он — Патрик». А помещать тебя в одну из свободных комнат, как гостя, мне не хотелось.

Брет ответил, что он с удовольствием поселится в бывшей детской.

— Сразу туда поднимешься или, может быть, выпьем по рюмочке?

— Поднимусь сначала туда, — сказал Патрик и пошел к лестнице.

Он знал, что она ждет этой минуты: хочет убедиться, что он действительно знаком с расположением дома. Поэтому он пошел вперед. Поднявшись на просторную площадку второго этажа, он пошел по узкому коридору в северное крыло дома, где находилась, как он знал, детская. Он открыл третью дверь справа и остановился на пороге комнаты, которую Нора Эшби обставила для своих маленьких детей. Одно из окон выходило на запад, и из него были видны выгоны; другое — на север, и из него открывался вид на холмы. Отсюда было далеко до конюшен и подъездной дорожки, и в комнате всегда было тихо. Брет стоял у окна, глядя на голубеющие дали Англии, и вспоминал сверкающие на солнце горные вершины, которые вздымались над пыльной равниной Нью-Мексико. И одновременно кожей чувствовал стоявшую у него за спиной Беатрису. Однако надо было брать инициативу в свои руки.

— А где Саймон? — спросил он, оборачиваясь к Беатрисе.

— Он, как и Джейн, опаздывает к обеду. Должен вот-вот быть.

Ее голос звучал вполне естественно, но тем не менее он почувствовал, как при его вопросе она вся внутренне сжалась, словно он щелкнул кнутом. Саймон не захотел его встретить на станции, его не было в Лачете, когда приехал «брат»: напрашивался вывод, что Саймон отнюдь не в восторге от его появления.

— Ванная в твоем распоряжении, но, пожалуйста, экономь горячую воду, — Беатриса заторопилась отвлечь его внимание от большого вопроса. — Уголь стоит ужасно дорого. Ну, я пойду. Помойся с дороги и спускайся вниз. Пеки прислали бутылку своего знаменитого хереса.

— А они не придут обедать?

— Нет, они придут к ужину. За обедом будут только свои.

Они вышли в коридор. Брет повернул направо и подошел к четвертой

двери — там, как он выучил в Кью-гарденз, была ванная. Беатриса, смотревшая ему вслед, успокоенно пошла вниз по лестнице. Ее успокоила легкость, с какой он ориентировался в доме. А Брет чувствовал себя виноватым перед ней, и у него было скверно на душе. Одно дело — морочить голову мистеру Сэнделу, да еще когда тебя буравит скептическим взглядом королевский адвокат — это было даже интересно. Но морочить голову Беатрисе было просто недостойно.

Брет рассеянно помыл руки, устремив взгляд за окно. Вот это и есть та самая травянистая равнина, по которой в Англии ездят верхом и за которую он продал душу дьяволу. Скоро он сядет на лошадь и поедет по этой тихой пустоши — прочь от людей и их сложностей, прочь от этой игры в покер с человеческими жизнями, и там, на просторе, ему опять будет казаться, что он все сделал правильно и продал душу не зря.

Вернувшись к себе в комнату, Брет обнаружил там ярко покрашенную блондинку с развязными манерами, в цветастом облегающем платье. Она делала вид, что поправляет цветы в вазе на подоконнике.

— Привет, — сказала блондинка. — С возвращением.

— Спасибо, — ответил Брет. «Что это за особа? Кажется, она не ждет, чтобы он ее узнал».

— Как вы похожи на вашего брата!

— Да, говорят.

Брет вынул из саквояжа набор щеток и расчесок и положил их на туалетный столик. Это был символический жест — теперь его дом здесь.

— Вы меня, конечно, не знаете. Я — Лана Адамс из деревни, внучка столяра Адамса. Я согласилась здесь работать, потому что мой жених служит у них конюхом.

Так вот это кто — горничная. Брет внимательно поглядел на нее, и ему стало жаль ее жениха.

— Только вы выглядите гораздо старше своего брата. Это, наверно, потому, что поездили по свету. Зарабатывали себе на жизнь и все такое. Не то, что ваш избалованный братец. Вы уж меня извините, но он действительно слишком избалован. Вот он и поднял бучу из-за вашего возвращения. По-моему, сплошная глупость. Стоит на вас только посмотреть, и ясно, что вы — Эшби. Чего тогда твердить, что вы никакой не Патрик? Вот что я вам скажу — не поддавайтесь ему. Он терпеть не может, когда ему перечат. Всю жизнь ему все потакали. А вы не обращайтесь внимания.

Брет молча разбирал саквояж. Девица наконец замолчала. Она, видимо, собиралась сказать что-то еще, но тут в дверях раздался звонкий

голос Элеоноры:

— Ну как, у тебя все в порядке?

— Я зашла поздравить мистера Патрика с возвращением, — поспешно сказала блондинка. Она бросила Брету ослепительную улыбку и, покачивая бедрами, вышла из комнаты.

Интересно, много ли из того, что рассказала Лана, услышала Элеонора?

— Славная комната, — сказала Элеонора. — Вот только солнца здесь утром не бывает. Эту кровать мы привезли из Клер-парка. Тетя Беа продала маленькие кроватки и купила эту. Очень приличная кровать, правда? Она стояла в комнате Алекса Ледингга (Какая ирония судьбы — он будет спать на кровати Лодингга!) А в остальной комнате не изменилась.

— Да, я вижу. Даже обои те же самые.

— Робинзон Крузо и компания. В детстве я была влюблена в Робин Гуда. У него такой мужественный профиль.

— А в соседней комнате тоже остались старые обои с картинками и стишками?

— Ну конечно. Идем, я тебе покажу.

Брет прошел с Элеонорой в соседнюю комнату, но не столько слушал ее воспоминания об изображенных на обоях персонажах, сколько думал о том, что ему сказала Лана.

Значит, Саймон не верит, что он — Патрик. «Чего тогда твердить, что вы никакой не Патрик?» Значит, Саймона не убедили доказательства, собранные адвокатами.

Почему?

Этот вопрос гвоздем сидел в голове Брета, когда он спускался по лестнице вслед за Элеонорой.

Элеонора привела его в большую гостиную. Беатриса разливала по рюмкам херес, а Сандра тихонько брэнчала на рояле.

— Хочешь, я тебе сыграю? — спросила она Брета.

— Нет, — ответила Элеонора, — он не хочет. Мы разглядывали старые обои, — сказала она Беатрисе. — Я и забыла, как я была влюблена в Робин Гуда.

— А мне эти дурацкие картинки на обоях никогда не нравились, — заявила Сандра.

— Ты никогда не читала книжек, поэтому тебе эти картинки ничего не говорили, — отрезала Элеонора.

— Мы перевели близнецов из северного крыла, когда им стала не нужна няня, — объяснила Брету Беатриса. — Уж очень далеко была

детская от всех нас.

— Да, чтобы утром разбудить Сандру и Джейн к завтраку, приходилось совершать суточный переход, — заметила Элеонора. — Сандру надо было звать несколько раз. Вот и пришлось перевести их поближе.

— Тем, у кого слабое здоровье, нужно больше спать, — сказала Сандра.

— С каких это пор у тебя слабое здоровье?

— Не то, чтобы слабое, но Джейн гораздо крепче меня. Правда, Джейн? — воззвала Сандра к сестре, которая только что тихонько вошла в гостиную.

Но Джейн не обратила на нее внимания.

— Саймон приехал, — тихо сказала она, подошла к Беатрисе и подняла на нее вопросительный взгляд, словно надеясь услышать от нее, что все в порядке.

На секунду в гостиной воцарилось молчание. Все застыли, только Сандра выпрямилась на своем стульчике, и глаза ее загорелись предвкушением интересных событий.

— Вот и хорошо, — сказала Беатриса, наливая вино в следующую рюмку. — Значит, обед будет вовремя.

Зная теперь, какие сложности возникли с Саймоном, Брет восхитился ее самообладанием.

— А где он? — небрежно спросила Элеонора.

— Идет сюда, — ответила Джейн и опять посмотрела на Беатрису.

Дверь отворилась, и в гостиную вошел Саймон Эшби. Он на секунду задержался на пороге, глядя на Брета, затем закрыл за собой дверь.

— Приехал, значит? — сказал он ровным бесстрастным голосом.

Он пересек комнату и остановился напротив Брета. У Саймона были необыкновенно светлые серые глаза с темным ободком. Но они ничего не выражали. Ничего не выражало и его бледное лицо. Чувствовалось, что он натянут, как струна. Брет подумал, что, если его тронуть пальцем, наверняка раздастся звон.

И вдруг напряжение исчезло. Казалось, он издал вздох облегчения.

— Они тебе, наверно, не сказали, — небрежным тоном произнес он, — но я был готов до последнего вздоха отрицать, что ты Патрик. Но теперь, увидев тебя, я беру все свои возражения назад. Конечно, ты — Патрик. — Саймон протянул Брету руку. — Добро пожаловать в родной дом.

Тишина в комнате взорвалась голосами. Все задвигались, зазвучали поздравления, звон бокалов, смех. Даже Сандра, предвкушавшая

драматическую сцену, сумела скрыть свое разочарование и принялась клянчить, чтобы ей подлили еще хересу: обычно близнецам в торжественных случаях плескали на дно рюмки несколько символических капель.

Брет потягивал золотистый напиток и благодарил небо, что все обошлось. Но он был озадачен. Почему, увидя его, Саймон явно испытал облегчение?

Кого он ожидал увидеть? Чего он боялся?

Саймон не допускал возможности, что Брет — это Патрик. Может быть, он просто не смел надеяться, страховался от неизбежного разочарования? Может быть, он думал: «Я не хочу тешить себя напрасными надеждами — вдруг окажется, что это вовсе не Патрик?» Отсюда и облегчение? Он понял, что это действительно Патрик.

Нет, непохоже.

Брет наблюдал за искрящимся весельем Саймоном и ломал голову над произошедшей в нем переменой. Несколько минут назад Саймон Эшби был напряжен до предела. А сейчас у него такой вид, словно гора свалилась с плеч. Да-да, именно так. Вот откуда это внезапное облегчение. Реакция человека, который шел на казнь, и вдруг получил помилование.

Как это объяснить?

Чувство недоумения не покидало Брета и во время обеда, и, хотя он участвовал в общем разговоре и отвечал на бесчисленные вопросы, это недоумение не могли заглушить даже торжествующие восклицания внутреннего голоса:

— Все! Проскочил! Ты сидишь с ними за столом на равных, и все семейство радо до смерти.

Пожалуй, не все. Джейн, сохраняя верность Саймону, сидела молча — островок отчуждения за оживленным столом. Да и вряд ли Саймон, несмотря на капитуляцию, был в особенном восторге. Но Беатриса, не желая вдумываться в причины этой капитуляции, вся светилась счастьем. Элеонора постепенно оттаивала, и ее светская любезность сменялась живым интересом.

— А я думала, что уздечка команчей — это просто петля.

— Нет, не петля, а как бы удавка. Веревку пропускают через рот лошади — как наши удила. Такую уздечку надевают на лошадь, чтобы она не упиралась.

Сандра, уже простившая Брету безразличие к ее внешности, всячески его обхаживала и одна из всего семейства называла Патриком.

Постепенно это стало бросаться в глаза. Если Сандра, стараясь

привлечь его внимание, непрерывно восклицала: «Патрик!», — другие явно избегали называть его по имени. Брет думал, что он предпочел бы иметь в союзниках Джейн, а не Сандру. Если бы у него была младшая сестренка, он хотел бы, чтобы она была похожа на Джейн. Он обнаружил, что ему трудно смотреть ей в глаза. Ее взгляд вызывал у него такое же чувство неловкости, как и взгляд человека на висевшем позади нее портрете. Столовая была вся увешана семейными портретами. Тот, что висел за спиной Джейн, изображал Уильяма Эшби Седьмого в форме вестоверского ополчения, в рядах которого он собирался отражать вторжение Наполеона в Англию. В Кью-гарденз Брет выучил наизусть, кто изображен на каком портрете, но каждый раз, когда он поднимал глаза на Уильяма Эшби Седьмого, у него возникало странное ощущение, что Уильяму отлично известно об уроках, которые Лодинг давал ему в Кью-гарденз.

Однако задача достойно выдержать эту первую, самую трудную встречу с семейством, значительно облегчилась для Брета тем, что, как и предсказывал Лодинг еще за обедом в ресторанчике, за исключением самого начала, его рассказ был совершенно правдив — это была история его собственной жизни. А поскольку все Эшби, как сговорившись, избегали упоминать события, которые катапультировали его в эту новую жизнь, ему не пришлось ничего выдумывать.

К тому же ему не приходилось думать о своих манерах за столом. Еще Лодинг вознес хвалу Всевышнему за то, что в приюте Брета научили цивилизованно принимать пищу. В этом деле хороший приют, видимо, мог соперничать со строгой бонной.

— Черт возьми! — сказал Лодинг. — Если у меня когда-нибудь появятся лишние деньги, я пошлю их в ваш караван-сарай в знак признательности за то, что вам не было суждено вырасти в каком-нибудь провинциально-обывательском доме. Привитые там манеры практически неистребимы. И как бы ни огрубел в своих скитаниях Патрик Эшби, нельзя себе представить, чтобы он оттопыривал мизинец, держа чашку с чаем.

Но у Брета с манерами все было в порядке. Сандра даже была разочарована: она ожидала чего-нибудь более колоритного.

— Странно, что ты не держишь вилку в правой руке, — сказала она. Когда Брет поднял на нее вопросительный взгляд, она объяснила:

— Американцы в фильмах сначала режут мясо на кусочки, а потом перекаладывают вилку в правую руку и так едят.

— Я еще и резинку не жую, — подсказал Брет.

— Интересно, как они додумались до такого сложного способа обращаться с куском мяса? — сказала Беатриса.

— Может быть, у них поначалу не хватало ножей? — предположила Элеонора.

— Нет уж, ножей у пионеров было достаточно, без ножа они просто шагу ступить не могли, — вмешался Саймон. — Скорее, они так привыкли питаться месивом из котелка, что, когда перед ними оказывался кусок мяса, они и его спешили превратить в месиво.

Слушая этот разговор, Брет думал: «Как это похоже на англичан! Человек, можно сказать, восстал из мертвых, а они спокойно обсуждают, как ведут себя американцы за столом. Никто не хлопает его по плечу, никто не поздравляет его с возвращением, никто даже не обсуждает это возвращение, как это делали бы в любой американской семье. Американцы упивались бы воспоминаниями: «А помнишь, как...» — здесь же этой темы старательно избегают. «Типичные лайми с их гонором», — сказали бы Пит, Хенк и Лефти, мои приятели из Лейзи Уай».

Но, пожалуй, даже на Лефти произвело бы впечатление сияющее счастьем лицо Беатрисы.

— Ты куришь? — спросила она, разливая кофе, и подвинула к Брету сигаретницу. Брет, который курил только один сорт, достал из кармана портсигар и предложил его Беатрисе.

— Я бросила курить, — сказала Беатриса. — Вместо курения свожу дебет с кредитом.

Брет протянул портсигар Элеоноре.

Элеонора взяла сигарету и наклонилась, чтобы прочитать надпись, выгравированную изнутри на крышке портсигара.

— «Брет Фаррар», — произнесла она. — Кто это?

— Это я, — сказал Брет.

— Ты? Но почему Брет?

— Не знаю.

— Тебя так звали в Америке? Брет?

— Да.

— Откуда они взяли это имя?

— Кто их знает. Так уж прозвали.

— Брет? — с восторгом вскричала Сандра. — Можно, я буду звать тебя Брет? Ты не возражаешь?

— Нет. Меня давно уже так зовут.

Вошла Лана и сообщила, что к мисс Эшби пришел посетитель — какой-то молодой человек. Он ждет в библиотеке.

— Ах, какая досада, — сказала Беатриса. — Ты не знаешь, что ему нужно?

— Он говорит, что он репортер, — ответила Лана, — но с виду не похож. Такой аккуратный, чистенький и вежливый.

Представления Ланы о репортерах, как и Брета о жизни английских помещиков, были почерпнуты из кинофильмов.

— Что ты говоришь! — воскликнула Беатриса. — Неужели уже газетчики?

— Он говорит, что он из «Вестовер таймс».

— А он не сказал, что ему нужно?

— Да, небось, насчет мистера Патрика, — ответила Лана, дернув большим пальцем в сторону Брета.

— Господи! — простонал Саймон. — А мы еще толком и не прожевали упитанного тельца. Но этого надо было ожидать.

Беатриса допила кофе.

— Идем, Брет, — сказала она, протягивая ему руку. — Деваться все равно некуда — надо с этим побыстрей разделаться. Саймон, пошли с нами.

Она вышла из комнаты, все еще держа Брета за руку. Тепло ее дружеской руки согрело душу Брета каким-то неизведанным чувством. Ничего подобного он раньше никогда не испытывал. Но он не стал разбираться в своих ощущениях, с опаской ожидая вопросов, которые ему станет задавать репортер.

Библиотека помещалась в задней части дома. Там у Беатрисы стоял секретер, в котором она держала счета и разные справочники. Субтильный молодой человек в аккуратном синем костюме сидел за столом и с недоуменным видом разглядывал племенную книгу конного завода Лачета. Когда Беатриса с Бретом и Саймоном вошли в библиотеку, он положил книгу и сказал с заметным шотландским акцентом:

— Мисс Эшби? Меня зовут Макаллан. Я — репортер «Вестовер таймс». Простите за бесцеремонное вторжение, но я думал, что вы давно уже пообедали.

— Мы поздно сели за стол и к тому же заговорились, — ответила Беатриса.

— Конечно, — кивнул Макаллан. — Такое событие! Мне не хочется портить вам праздник, но репортер не имеет права запаздывать с новостями. А то, что случилось в вашем семействе, — сейчас наша самая громкая новость.

— Вы имеете в виду возвращение моего племянника?

— Вот именно.

— А как вы об этом узнали, мистер Макаллан?

— Один из моих информаторов услышал об этом в кабачке в Клере.

— Не люблю я это слово.

— Какое — «кабачок»?

— Нет. «Информатор».

— Ну хорошо, один из моих осведомителей, — миролюбиво согласился Макаллан. — Который из этих молодых людей — блудный сын?

Беатриса представила ему Брета и Саймона. Саймон глядел на репортера с холодным отчуждением, но Брет, оказавшийся свидетелем, когда Нат Зуззо перерезал себе ножом горло в кухне ресторанчика, который содержала его бывшая жена, и имевший возможность наблюдать поведение американских репортеров, был очарован этим представителем английской прессы. Он охотно ответил на самоочевидные вопросы Макаллана, но решил любым способом уклониться от фотографирования.

Тут ему на помощь пришла Беатриса. «Нет, — решительно сказала она, — никаких фотографий». Они готовы ответить на любые вопросы, но фотографироваться не станут.

Макаллану пришлось с этим смириться, хотя он был сильно обескуражен.

— История о пропавшем близнеце много потеряет, если не будет фотографии, — огорченно сказал он.

— Надеюсь, вы не собираетесь назвать статью «Пропавший близнец»? — спросила Беатриса.

— Он собирается ее озаглавить «Возвращение из мертвых», — проговорил молчаливый до тех пор Саймон. Его насмешливый голос обдал всех холодом.

Макаллан внимательно посмотрел на него, затем сказал, опять обращаясь к Беатрисе:

— Вообще-то я хотел назвать статью «Сенсация в Клере», но боюсь, что редактор на это не согласится. Очень уж старомодная газета. Вот «Дейли кларион», верно, придумает что-нибудь броское.

— «Кларион!» — воскликнула Беатриса. — Лондонская газета? С какой стати она будет об этом писать? Это же чисто местное — даже семейное — событие.

— А убийство на Хиллдроп-крезент разве было не семейным событием? — сказал Макаллан.

— Какое убийство?

— Дело Криппена. Пресса только и делает, что пишет о семейных драмах, мисс Эшби.

— Но кому это может быть интересно, кроме нас самих? Когда мой

племянник... исчез восемь лет назад, «Вестовер таймс» ограничилась заметкой в несколько строк.

— Да, знаю. Я нашел тот номер. Один абзац в самом низу третьей страницы.

— Так чем же возвращение моего племянника интереснее его исчезновения?

— Тем, что это событие необычное. Как если бы не собака укусила человека, а человек собаку. Люди умирают каждый день, а назад с того света возвращаются единицы. Так что возвращение из мертвых, несмотря на успехи современной науки, остается сенсацией. Поэтому «Дейли кларион» непременно поместит этот материал.

— А откуда они его возьмут?

— Откуда возьмут? — с искренним удивлением воскликнул Макаллан. — Да это же мой материал, мисс Эшби! Разве вы не понимаете?

— То есть вы сами пошлете статью в «Кларион»?

— Конечно!

— Мистер Макаллан, ради Бога, не делайте этого!

— Послушайте, мисс Эшби, — терпеливо сказал Макаллан. — Я согласился обойтись без фотографии и я выполню свое обещание, хотя мог бы выследить и потихоньку щелкнуть обоих молодых джентльменов. Но, пожалуйста, не просите меня отказаться от такого выигрышного материала. У меня впервые появилась возможность пробиться в лондонскую газету.

Видя, что почти убедил Беатрису, которая всегда старалась понять чужую точку зрения, он добавил:

— Даже если я сам не пошлю этот материал, нет никакой гарантии, что какой-нибудь редактор не увидит его в «Вестовер таймс» и не поместит на первой странице под огромным заголовком. Вы от этого ничего не выиграете, а я потеряю единственную возможность продвинуться в своем деле.

— Господи, — вздохнула Беатриса, вынужденная признать его правоту. — Что же, на нас будет налет газетчиков из Лондона?

— Нет-нет. Один репортер из «Клариона», и все. Если материал будет собственностью «Клариона», другие на него не позарятся. А из «Клариона» пришлют какого-нибудь вполне приличного человека. По моим сведениям, все их сотрудники — выпускники Оксфорда. Так что не беспокойтесь.

Макаллан встал, взял шляпу и собрался уходить.

— Это было очень любезно с вашей стороны, мистер Эшби, что вы согласились ответить на мои вопросы. Не буду вас больше задерживать. Позвольте вас поздравить со счастливым возвращением в семейное

лоно, — на секунду бледно-голубые глаза задержались на Саймоне, — и еще раз благодарю вас за вашу любезность.

— Далеко вы заехали от родных мест, мистер Макаллан, — сказала Беатриса, провожая репортера до двери.

— Родных мест?

— Шотландии.

— А! А как вы догадались, что я — шотландец? Ах да, по фамилии. Да, Вестовер далеко от Глазго, но на полдороге, так сказать, к Лондону. Если уж я решил пробиться в лондонскую газету, то имеет смысл поближе познакомиться с... с...

— Аборигенами? — подсказала Беатриса.

— Я хотел сказать, с местными условиями, — серьезно ответил Макаллан.

— У вас нет машины? — спросила Беатриса, увидев пустую подъездную дорожку.

— Я ее оставил у ворот. Никак не научусь с шиком подкатывать к подъезду чужого дома.

На этом сей необычайно скромный репортер откланялся, надел шляпу и ушел.

ГЛАВА 13

Когда Беатриса ушла проводить Макаллана, в библиотеке наступило молчание. Не уверенный, как себя вести, Брет подошел к полкам и стал разглядывать книги.

— Ну что? — произнес Саймон, сидевший на подоконнике в небрежной позе. — Взял еще один барьер?

Брет помолчал, вслушиваясь в слова, как бы повисшие в воздухе.

— Барьер? — наконец переспросил он.

— На пути блудного сына встает немало ловушек и западней. Не так-то просто на это решиться. Что тебя побудило, Брет? Соскучился по дому?

Это был первый откровенный вопрос, который ему задали в Лачете, и Саймон вдруг даже понравился Брету.

— Не совсем так. Скорее я решил, что мое место все же здесь.

Почувствовав, что эти слова звучат несколько фарисейски, Брет добавил:

— То есть, я почувствовал, что в мире нет другого места, где мне хотелось бы жить.

Опять наступило молчание. Продолжая разглядывать книги, Брет думал, что, если ему начнет нравиться Саймон Эшби, это сильно осложнит его внутреннее состояние. Он и так уже не смел посмотреть в глаза человеку, которого лишил наследства. А если к тому же у него возникнет симпатия к этому человеку, его совсем загрызет совесть.

В библиотеку вернулась Беатриса.

— Надо было предложить этому репортеру рюмку хереса, — сказала она. — Но что теперь об этом говорить. Придется ему выпить со своим «информатором» в «Белом Олене».

— Скорее в «Колокольчике», — сказал Саймон.

— Почему ты так думаешь?

— Наша Лана предпочитает «Колокольчик».

— Да? Ну ладно, чем скорее все узнают, тем раньше закончится вся эта шумиха. — Она улыбнулась Брету, чтобы как-то смягчить невольный упрек. — Ну что, Брет, пошли посмотрим лошадей? У тебя есть костюм для верховой езды?

— То, что у меня есть, здесь не сочтут подходящим костюмом, — ответил Брет, заметив, с какой готовностью она ухватилась за возможность не называть его Патриком.

— Пойдем со мной, — сказал Саймон. — Я тебе что-нибудь подберу.

— Прекрасная мысль, — похвалила его Беатриса, радуясь миролюбивому тону Саймона. — А я пойду за Элеонорой.

— Ты рад, что тебя поселили в бывшей детской? — спросил Саймон, поднимаясь впереди Брета по лестнице.

— Да.

— Ты заметил, что там все те же обои?

— Заметил.

— А ты помнишь, как мы с тобой однажды вечером устроили бой между Айвенго и Квентином Дорвардом?

— Нет, этого я не помню.

— Само собой.

Опять слова Саймона повисли в воздухе, опять Брет ломал голову, как их понять.

Он прошел вслед за Саймоном в комнату, которую тот раньше занимал вместе с Патриком, и удивился полному отсутствию следов другого человека. Это была комната Саймона и только Саймона. И даже не спальня, а скорее кабинет: книжные шкафы вдоль стен, на каминной полке кубки, выигранные на скачках, на стенах рисунки, изображавшие лошадей, перед камином два кресла, в углу — небольшой письменный стол с телефонным аппаратом.

Саймон стал рыться в шкафу, а Брет подошел к окну. Он знал, что окно выходит на конюшню, но ее не видно за кустами сирени и деревьями золотого дождя. Вдали виднелась церковь. В воскресенье его, наверно, возьмут на утреннюю службу. Еще один барьер. Странно, почему Саймон употребил это слово?

Саймон вытащил из шкафа бриджи и пиджак.

— Должно быть впору, — сказал он, бросая одежду на кровать. — Сейчас поищу рубашку. — Он выдвинул ящик комода, на котором стояло зеркало и туалетный прибор. Комод был рядом с окном, и Брет, все еще чувствуя себя не в своей тарелке рядом с Саймоном, отошел к камину и стал рассматривать призы. Все они, за исключением одного, относились к годам, когда Патрика Эшби уже не было в Лачете. Исключение составлял маленький скромный кубок, который Саймон завоевал в Бьюресе на выступлениях детей-наездников на лошади Пейшенс. Это произошло за год до того, как Патрик Эшби покончил с собой.

Саймон оглянулся, увидел кубок в руках Брета, улыбнулся и сказал:

— Помнишь, он чуть не достался тебе?

— Мне? — переспросил захваченный врасплох Брет.

— Ну да, ты бы победил на Старом Гарри, если бы я не обошел тебя на втором круге.

— А, верно, — сказал Брет и добавил, чтобы перевести разговор. — С тех пор ты нахватал еще кучу.

— Да, есть немножко, — отозвался Саймон и опять принялся рыться в ящике комода. — Но это еще не предел. Я буду выступать в Балбридже и других престижных скачках — пока не доберусь до Олимпии.

Он сказал это рассеянно, но явно не сомневаясь, что у него будут средства для покупки первоклассных скакунов. «Где он их собирается брать?» — недоуменно подумал Брет, но решил, что сейчас не время обсуждать денежные дела.

— А ты помнишь талисман, который висел у тебя в головах? — как бы между прочим спросил Саймон, задвигая ящик.

— Лошадку? Конечно, помню. Ее звали Травести. От «Айриш пезант и Бог оук».

И тут он увидел в зеркале лицо Саймона. У того буквально глаза вылезли на лоб от изумления, и он застыл, не успев задвинуть до конца ящик комода. Через секунду Саймон опомнился, задвинул ящик, встал и медленно повернулся к Брету. Через руку у него висела рубашка.

— Вот, — сказал он, протягивая рубашку Брету и не сводя глаз с его лица. — Должна подойти.

На лице Саймона уже не было изумления; собственно, на нем не было никакого выражения. Казалось, он думал о чем-то другом. «Словно складывает в уме многозначные числа», — подумал Брет.

Он взял рубашку, подобрал с постели пиджак и бриджи, поблагодарил и двинулся к двери.

— Переодевайся и спускайся вниз, — сказал Саймон, все еще глядя на него с отсутствующим видом. — Мы тебя будем ждать.

Брет пошел к себе. Он был потрясен. Похоже, Саймон не ожидал, что он знает про лошадку. Он был настолько уверен, что Брет о ней понятия не имеет, что был буквально оглушен, когда «брат» назвал ее кличку.

Что же это значит?

Это может значить только одно.

Саймон уверен, что он не Патрик.

Брет закрыл за собой дверь уютной старой детской и прислонился к ней спиной. Одежда выпала из его ослабевших рук на пол.

Саймон вовсе не поддался на обман. А он просто притворялся. Брет был потрясен.

Зачем Саймону понадобилось притворяться?

Почему он сразу не сказал:

— Ты не Патрик, и я никогда не поверю, что ты Патрик.

По словам Ланы, поначалу он занял именно такую позицию. Да и по поведению остальных членов семьи было видно, что они ожидали от Саймона чего-нибудь в этом роде. Они до последней минуты не знали, как поведет себя Саймон. А он их всех обрадовал своей покоряюще искренней капитуляцией.

Почему он счел нужным капитулировать?

Это что — ловушка?

Может быть, все эти улыбки и теплые слова — просто хворост, прикрывающий волчью яму, приготовленную им для Брета?

Однако до того, как они встретились лицом к лицу, Саймон не был уверен, что Брет — это не Патрик. А, увидев Брета, в ту же секунду понял, что этот человек — не его брат. Зачем же тогда?..

Брет наклонился, чтобы поднять с пола одежду и вдруг резко выпрямился. Он вспомнил, какое облегчение отразилось на лице Саймона, как только он хорошенько рассмотрел Брета. Казалось, он мысленно проговорил: «Пронесло!»

Так вот в чем дело!

Саймон боялся, что он действительно увидит Патрика.

А когда он понял, что перед ним всего-навсего самозванец, он чуть не обнял его на радостях.

Однако это все равно не объясняет, почему он решил капитулировать.

Может, он просто решил отложить разоблачение, подготовить почву, сделать это публично, не оставив Брету ни малейшей лазейки?

«Если так, — думал Брет, — то молодой мистер Эшби будет неприятно удивлен — и не раз». При этой мысли у Брета улучшилось настроение. Он стал переодеваться. Теперь он вспоминал ошарашенное лицо Саймона в зеркале даже с удовольствием. Саймон не знает, какую подготовку получил Брет. Его не было в доме, когда все настороженно ждали, как Брет будет ориентироваться в доме. И никто, видимо, ему об этом не успел сказать. Он знал только, что адвокаты считают личность Патрика Эшби установленной. Уверенный, что имеет дело с явным самозванцем, он, очевидно, с восторгом предвкушает, как будет подстраивать ему ловушки и изводить его намеками.

Да, молодой мистер Эшби собрался отрывать крылышки у мух. Первой ловушкой было упоминание боя между Айвенго и Квентином Дорвардом. О том, было это или нет, мог знать только Патрик. Но мог и забыть.

О лошадке, висевшей в головах кровати, тоже мог знать только Патрик. И этого он забыть уж никак не мог.

И вдруг оказалось, что Брет про нее знает.

Не удивительно, что Саймон был ошарашен. Что он растерялся. Что у него был такой вид, словно он складывал в уме многозначные числа.

Брет с благодарностью подумал о своем наставнике, Алексе Лодинге. Лодинг просто не нашел своего призвания в жизни — ему надо было идти в репетиторы. Однако рано или поздно всплывет что-нибудь такое, о чем Лодинг забыл сказать Брету или чего он сам не знал. Вот тогда можно сесть в лужу.

Как бы то ни было, пока Брет справлялся со своей ролью и на все вопросы отвечал без запинки.

Он даже знал, что лошадку звали Травести.

Это была маленькая фигурка из мореного дуба. «Явная лошадка, — говорил Лодинг, — хотя и выполненная в примитивно-сюрреалистической манере». Поначалу она была запряжена в коляску. Это был сувенир, который привезли из Ирландии. Коляску, составленную из множества мелких деталей, дети вскоре разломали на кусочки, но прочная лошадка, выточенная из одного куска дерева, сохранилась и стала у Патрика чем-то вроде талисмана. Кличку ей придумал Алекс Лодинг. Как-то вечером они с Нэнси заехали в Лачет по дороге домой со скачек, надеясь перехватить по рюмочке. Но Билла не было дома, а Нора пила чай с детьми, и вот, сидя в детской и ожидая, когда поджарятся тосты, они стали придумывать кличку для талисмана. Патрик, который называл ее просто «моя ирландская лошадка», категорически отвергал все предложения.

— А как бы ты ее назвал, Алекс? — обратилась Нора к Лодингу, который поглощал один тост за другим и до этой минуты не задумывался, как назвать игрушку.

— Травести,^[7] — ответил Алекс, поглядев на лошадку. — Отец — Айриш пезант,^[8] мать — Бог оук.^[9]

Взрослые засмеялись, а Патрику, который был еще слишком мал, чтобы понимать значение слова «Травести», понравилось звучное имя. В его представлении оно связывалось с грохотом копыт и ржанием боевых коней. Это имя вполне достойно маленькой черной лошадки, которую он так любил.

— Он носил ее в кармане, — говорил Лодинг в беседе королевы Аделаиды (в этот день шел дождь). — А когда подрос, повесил ее у себя в головах на полосатой ленточке клана Стюартов, которую снял с коробки

карамелек.

Да, не удивительно, что Саймон был ошарашен. Самозванец, не имеющий отношения к семейству Эшби, никак не мог знать про Травести.

Брет надел костюм, который подобрал ему Саймон, и заметил, как ладно сидят хорошо пошитые вещи даже на человеке несколько иного сложения, чем их владелец. Интересно, что сейчас думает Саймон. Он уже, наверно, узнал, что самозванец не только знает про Травести, но и ходит по дому с уверенностью хорошо знакомого с ним человека. Брет почувствовал в груди холодок восторга. Того же самого восторга, который переполнял его перед встречами с мистером Сэнделом. Его так ласково и приветливо встретили в Лачете, что его стало подташнивать от своей двуличности. Азарт крупной игры в кости сменился ощущением, что он отнимает монетку у ребенка. Но теперь у него был серьезный противник, и в нем возродился боевой пыл.

«Нет, пожалуй, не похоже на кости», — подумал Брет, разглядывая себя в зеркале. Скорее на шашки. Противники по очереди делают ход, стараясь предусмотреть контригру, блокировать неожиданную атаку. Да, шашки.

Брет спустился вниз совсем в другом настроении, с удовольствием предвкушая предстоящий поединок. Больше ему не будет стыдно смотреть Саймону в глаза. Шашки расставлены, противники сидят за доской напротив друг друга.

Через открытую дверь прихожей Брет увидел, что все Эшби собрались на залитом солнцем крыльце. Сандра, которая вечно глазела по сторонам, увидела его первая.

— Посмотрите, как ему это идет! — воскликнула она, по-прежнему лапаясь к Брету.

Брет и сам знал, что костюм хорошо сидит, но ему не понравилось, что Сандра привлекла к нему всеобщее внимание. Это все же были чужие вещи. Он подумал, что Сандру так и хочется отшлепать за ее несдержанный язык. Неужели никто этого ни разу не сделал?

— Тебе надо поскорей заказать такой костюм у Уолтерса, — сказала Беатриса. — Этот тебе почти впору, можно даже дать его в качестве образца. Тогда не надо будет ездить на примерки.

— Эти бриджи шили не у Уолтерса, — лениво проговорил Саймон, разглядывая Брета. — Это от Гора и Бауена. Уолтерс понятия не имеет, как шить бриджи.

Саймон стоял, небрежно прислонившись к косяку, и казался весьма довольным собой. Его взгляд оценивающе смерил Брета от сапог до

рубашки и задержался на его лице.

— Ну что ж, — дружелюбно сказал он. — Пошли посмотреть лошадей? «Нет, это не шашки, — подумал Брет. — Вовсе не шашки. Poker».

— Сейчас мы тебе покажем конюшню, — сказала Беатриса, — а после чая посмотрим маток.

Она взяла под руку Брета и Саймона, и они втроем, как добрые старые друзья, пошли к конюшне. Сзади шли Элеонора и Сандра с Джейн.

— Грегг не может дождаться, когда тебя увидит, — заметила Беатриса. — Само собой, по его виду ты об этом не догадаешься. Боже упаси, чтобы он позволил себе как-то проявить волнение. Придется тебе поверить мне на слово — он страшно доволен.

— А куда делся старик Мальпас? — спросил Брет, хотя Лодинг рассказал ему про Мальпаса во всех подробностях, когда они сидели около апельсиновой оранжереи.

— У него совсем испортился характер, — ответила Беатриса. — Он ни в чем со мной не хотел соглашаться. Просто не желал выполнять распоряжения женщины. Так что года через полтора после того, как я взяла хозяйство в свои руки, он уволился. С тех пор у нас старшим конюхом Грегг. Он мизантроп и женоненавистник, у него много странностей, но все это не мешает ему быть первоклассным конюхом. После ухода Мальпаса у нас заметно снизились расходы на фураж. И фермеры больше расположены к Греггу, потому что он покупает у них сено напрямую, а не через посредников. Да и в лошадях он, по-моему, разбирается лучше Мальпаса. Мастер доводить слабых лошадей до кондиции. А уж как выхаживает больных лошадей — это чудо!

«Почему он не в своей тарелке? — думала Беатриса, чувствуя под рукой напряженные мышцы Брета. — Самое трудное ведь позади. Почему он никак не может расслабиться?»

Брет никак не мог расслабиться, потому что каждым нервом ощущал руку Беатрисы. Никогда раньше прикосновение женской руки не давало ему такого острого ощущения. Как и после обеда, когда Беатриса взяла его за руку и повела на интервью с Макалланом, его переполняло незнакомое ему чувство. Но при виде конюшни все эмоциональные и этические проблемы вылетели у него из головы.

При взгляде на конюшню Лачета Брет испытал то же, что чувствует матрос с торгового судна, увидев пассажирский лайнер. Он глядел на нее с доброй, но презрительной усмешкой. Не хватало лишь ленточек и бантиков на лошадях. Только лошадиные морды, с интересом выглядывавшие из просторных денников, убедили его, что это действительно конюшня. Брет

видел миниатюрные копии таких конюшен в дорогих магазинах детских игрушек. Ему всегда казалось, что эти веселенькие разноцветные домики и цветы в кадках рассчитаны на детей и не имеют никакого отношения к действительности. Оказывается, это были точные копии настоящих английских конюшен. На одну такую конюшню он и взирал с нескрываемым изумлением.

Даже работа на экскурсионном ранчо не подготовила его к этому зрелищу. Там тоже все было ярко раскрашено, но там все напоминало о тяжелой работе ковбоя. На экскурсионном ранчо никому не пришло в голову оставить посреди двора газон с зеленой травкой, скошенной так низко, что газон напоминал зеленое бильярдное сукно. Такой аккуратный квадратик, который, казалось, можно скатать и унести с собой. На экскурсионном ранчо все же чувствовался, хотя и слабый, запах навоза, грязи и пота, а также там были неизбежные спутники лошадей — мухи.

Слева от ворот стоял домик, в котором помещалась сбруйная, а в дверях домика стоял старший конюх Грегг. Вид у него, как у всех людей, причастных к разведению лошадей, был унылый и разочарованный. И, как все лошадаики, он, казалось, не имел возраста. Ему, наверно, было лет пятьдесят, но Брет не удивился бы, если бы узнал, что ему всего тридцать пять.

Грегг шагнул вперед и остановился, дожидаясь, когда подойдут Эшби. Эти два шага были его уступкой требованиям вежливости, а то, что он ждал, когда они сами к нему подойдут, давало понять хозяевам, что он у себя дома. Знакомясь с Бретом, Грегг окинул его взглядом светло-голубых глаз, но выражение его лица осталось вежливо-непроницаемым. Он поздравил Брета с приездом и стиснул ему руку так, что у того хрустнули косточки.

— Говорят, вы в Америке работали с лошадьми, — сказал Грегг.

— Только с простыми рабочими лошадьми. На которых пасут скот.

— Эти лошадки тоже работают, — сказал Грегг, кивая в сторону конюшни. И не воображай, что это не так, говорил его тон. Видимо, он кожей почувствовал недоверие Брета к заведению, где все сияло столь неестественной чистотой. Грегг перевел глаза на Элеонору, которая стояла позади Брета, и сказал:

— Гляньте, кто вас ждет в сбруйной, мисс Элеонора.

Как бы в ответ на его слова из глубины домика возник мальчик. Вид у него был весьма неуверенный, словно он не ждал, что ему кто-нибудь обрадуется. Хотя он был одет по-другому, Брет его сразу узнал. Это был тот самый мальчик, который сидел верхом на льве, когда они с Элеонорой

проезжали мимо ворот Клер-парка. На нем уже не было леопардовой шкуры, но все равно его наряд поражал воображение: полосатая футболка, плотно облегающая его тощее тело, бриджи, которые были ему так велики, что свисали складками, на голове — жокейская шапочка, из-под которой выглядывала прокладка от защитного шлема, на ногах — грязные красные мокасины.

— Тони! — воскликнула Элеонора. — Что ты здесь делаешь?

— Я пришел на урок, — ответил Тони. Глаза его шныряли, как две ящерицы.

— Но у тебя нет сегодня урока!

— Разве нет? А я думал, что есть.

— Ты отлично знаешь, что у тебя нет урока во вторник.

— А я думал, сегодня среда.

— Ты бессовестный лгунишка, Тони, — деловито отметила Элеонора. — Ты прекрасно знаешь, что никакая сегодня не среда. Ты просто видел меня в машине с незнакомым человеком и пришел разнюхать, кто это такой.

— Элеонора! — укоризненно проговорила Беатриса.

— Ты не знаешь, что это за тип, — отозвалась Элеонора, так, словно предмет спора не стоял перед ними. — У него маниакальное любопытство. Пожалуй, это единственная черта, которая роднит его с человеческим родом.

— Дай ему урок, и пусть не приходит завтра, — предложил Саймон, глядя на Тони с брезгливой гримасой.

— Нет уж, пусть не воображает, что на урок можно заявиться, когда ему придет в голову! — отрезала Элеонора. — И вообще я ему сказала, чтобы он в таком виде здесь не показывался. Велела я тебе надеть ботинки или нет, Тони?

Черные глаза перестали бегать, как ящерицы, и исполнились глубочайшей скорби.

— У папы нет денег на ботинки, — проговорил он со слезой в голосе. Надо было иметь каменное сердце, чтобы не посочувствовать бедному мальчику.

— У твоего папы доход 12 тысяч в год без налога, — парировала Элеонора.

— Если ты дашь ему урок сейчас, Нелл, — вступила в разговор Беатриса, — ты будешь завтра свободна и сможешь мне принимать толпы гостей, которые нагрянут посмотреть на Брета.

Элеонора заколебалась.

— Раз уж он пришел, пусть отъездит свое, — добавила Беатриса.

— Тем более, что он и завтра заявится в мокалинах, — лениво проговорил Саймон.

— Индейцы ездят верхом в мокалинах, — заметил Тони, — и они очень даже хорошие наездники.

— По-моему, твой нищий отец не очень обрадуется, если ты будешь разгуливать в мокалинах по Савил-Роу.^[10] Смотри, чтоб в следующий раз пришел в ботинках. Ладно, Тони, я дам тебе урок, только не надейся, что подобные фокусы будут и впредь сходить тебе с рук.

— Я и не надеюсь.

— Если еще когда-нибудь заявишься не в свой день, пойдешь назад не солоно хлебавши.

— Хорошо.

Глаза Тони опять зашмыгали, как ящерицы.

— Иди скажи Артуру, чтобы он оседлал тебе Спада.

— Хорошо.

— Заметьте — никакого «спасибо», — сказала Элеонора, глядя ему вслед.

— А зачем ему шлем? — поинтересовался Саймон.

— Он говорит, что у него тонкие кости черепа, что ему нужна какая-нибудь прокладка. Не знаю, где он нашел эту прокладку, но, учитывая его любовь к индейцам, мне, наверно, надо радоваться, что он не явился на урок в головном уборе из перьев.

— Подожди, еще заявится, — заметил Саймон, — он просто до этого еще не додумался.

— Ладно, пойду оседлаю Бастера, — сказала Элеонора. — Извини, Брет, но я думаю, что это к лучшему. Сегодня его пони будет вести себя гораздо спокойнее, чем завтра после целого дня в конюшне. Да и зачем тебе три провожатых? После чая я сведу тебя к маткам.

ГЛАВА 14

Пренебрежительное отношение Брета к чрезмерной чистоте конюшен выветрилось из него где-то между четвертым и пятым денником. Оказалось, что в них стоят вовсе не изнеженные баловни, которых он ожидал увидеть. Все лошади — чистопородные, полукровки, пони — были в отличном состоянии, и вовсе не вследствие сытой жизни в теплой конюшне, а в результате хорошего ухода. Брет достаточно разобрался в лошадях, чтобы оценить их форму. Никаких ленточек в гривы этим лошадям никто не вплетал, и единственным украшением, которое на них когда-либо появлялось, были выигранные на соревнованиях розетки, которые, как и положено, хранились в сбруйной.

Беатриса рассказывала Брету про лошадей, а Грегг выступал в роли ее помощника. Но поскольку четверо лошаадников, обсуждая лошадей, не могут не затеять спора, все скоро забыли, что пришли сюда показать лошадей Брету, и началась общая дружеская перепалка. Затем Брет, который всегда глядел на происходившее с ним как бы со стороны, заметил, что Беатриса все чаще уступает слово Саймону. И объяснения дает уже Саймон, а не Беатриса: «А это — бывший рысак, которого Элеонора тренирует для верховых прогулок», или: «Помнишь старуху Тору? Это ее сын от Колд Стил».

Сандре и Джейн скоро наскучило это турне по конюшне, и они куда-то исчезли. Сандра ушла, потому что лошади ее нисколько не интересовали, а Джейн — потому, что она все это знала наизусть и не желала слушать, как Беатриса и Саймон вводят во владение этого чужака. А Грегг, который и по природе был молчалив, все больше и больше устранился от разговора. Вскоре в роли экскурсовода остался один Саймон.

Саймон, казалось, был в самом безоблачном настроении. Он вел себя так, словно это был самый обычный день на конюшне, а Брет — просто посетитель, посетитель избранный, весьма осведомленный, и, без сомнения, пользующийся его, Саймона, расположением. Время от времени Брет на минуту трезвел, отвлекался от лошадей и, вслушиваясь в небрежный голос, говоривший о родословной, экстерьерере, характере или перспективах очередной лошади, и поглядывая на беззаботный профиль, думал: «Как все это понимать?»

— Немного легковат спереди, — говорил Саймон, окидывая животное взглядом, отрешенным от всех жизненных сложностей, — но выглядит

неплохо, правда?

— А этого надо бы отправить на выпас, — продолжал беззаботный голос, — на нем охотились всю зиму. Но я собираюсь с ним летом на соревнования — авось, выиграем пару кубков. К тому же Беа не любит пускать жеребцов на свободный выпас.

В этом месте Беатриса вставила словечко в свое оправдание и опять умолкла.

Бразды правления находились в руках Беатрисы, но обязанности на конном заводе были поделены на троих. Элеонора тренировала прогулочных лошадей и лошадей для охоты, Саймон готовил лошадей к соревнованиям (скачкам с препятствиями), учил лошадей преодолевать препятствия, а под надзором Беатрисы находились кобылы-матки и шотландские пони. При жизни Билла Эшби, когда в Лачете занимались только разведением, верховых и охотничьих лошадей здесь держали только для собственных нужд. Иногда, когда в конюшню попадала многообещающая лошадь, Беатриса, которая лучше умела тренировать лошадей, чем ее брат, приезжала на неделю-другую из Лондона, чтобы подготовить ее к соревнованиям. Эти выступления были хорошей рекламой для Лачета, но не потому, что они всерьез занимались тренингом лошадей, а потому, что простое упоминание фирмы в любой связи — как обнаружили авторы рекламы — несет в себе коммерческую выгоду. Теперь же Лачет получал от лошадей, тренированных Элеонорой и Саймоном под наблюдением Беатрисы, дополнительный доход, почти не уступавший доходу от разведения.

— Вас спрашивает мистер Гейтс, — сказал подошедший конюх Греггу. Тот извинился и пошел в сбруйную.

Форпостер высунул голову из денника, холодно обозрел Брета, а затем игриво толкнул его горбатым носом.

— На нем всегда Джейн ездила? — спросил Брет.

— Нет, — ответила Беатриса, — его купили Саймону ко дню рождения, когда ему исполнилось четырнадцать лет. Но Саймон за один год так вырос, что Форпостер стал ему мал, а Джейн, которой тогда было четыре года, требовала, чтобы ей разрешили ездить на «настоящей» лошади, а не на пони. Вот ей и отдали Форпостера. Если он когда-то и умел себя прилично вести, то давно забыл, как это делается. Но с Джейн у них полное взаимопонимание.

Вернулся Грегг и сказал, что мистер Гейтс пришел поговорить не с ним, а с мисс Эшби. Насчет ограды.

— Сейчас приду, — ответила Беатриса. Когда Грегг отошел, она

добавила: — На самом деле он хочет посмотреть на Брета, но придется ему, как и всем остальным, подождать до завтра. Такой уж этот Гейтс — всегда норовит обскакать других. Ловкач. Если вы поедете верхом, возвращайтесь к чаю. Я хочу до темноты обойти с Бретом пэдоки.

— Ты помнишь Гейтса? — спросил Саймон, открывая дверцу в следующий денник.

— Нет, не помню.

— Он арендует ферму Уигселл.

— А куда же делся Видлер?

— Он умер. А Гейтс женат на его дочери. У него была маленькая ферма недалеко от Бьюреса.

Что ж, на этот раз Саймону не удалось его подловить. Брет глянул на Саймона: как он воспринял свою неудачу? Но тот, казалось, был полностью поглощен лошадьё, которую выводил из стойла.

— В трех крайних денниках помещаются наши новые лошади, которых мы собираемся выставить. Этот — наше самое удачное приобретение. Ему четыре года. Его зовут Тимбер.

Тимбер был вороной масти без единого рыжего волоска. На лбу у него белела крошечная звездочка и на всех четырех ногах были белые полосы на бабках. Такого красивого коня Брет никогда вблизи не видел. Тимбер вышел из денника со снисходительным видом: казалось, он сам сознавал свою неотразимость и как должное принимал их восхищение. «Какой-то у него притворно-кроткий вид, — подумал Брет. — Может быть, это оттого, что он близко сдвигает передние ноги? Эта застенчивая поза не вяжется с его уверенным взглядом».

— Хорош, а? — спросил Саймон.

Брет не мог не восхищаться статью жеребца, но его смущало это показное смирение.

— Голова у него просто классическая, — сказал Саймон. — И посмотри, как он сложен. — Он провел лошадь по кругу. — И если бы ты знал, какой у него плавный ход!

Брет молча смотрел на вороного коня, по-прежнему обуреваемый смешанными чувствами.

— Ну, как он тебе? — спросил Саймон, не дождавшись от Брета ни одного замечания.

— Он о себе много мнит, — сказал Брет.

Саймон засмеялся.

— Это верно. Но у него для этого есть основания.

— Да, красавец, ничего не скажешь.

— Не только красавец. Ездить на нем — сплошное наслаждение. И прыгает как бог.

Брет подошел к коню и погладил его по шее. Тот принял ласку с удовлетворенным, но немного скучающим видом.

— Ведет себя, как знаменитый тенор.

— Тенор? А, ты имеешь в виду его самодовольство. — Он посмотрел на коня как бы свежим глазом. — Да, он о себе очень высокого мнения. Я как-то об этом не думал. Хочешь прокатиться?

— С удовольствием.

— Ему надо размяться. Его сегодня еще не проезжали.

Саймон подозвал конюха.

— Артур, оседлай Тимбера.

— Сейчас, сэр. Мундштук?

— Нет, один трензель.

Конюх ушел.

— У него шелковый рот, — сказал Саймон.

«Не хочет, чтобы шелковый рот рвал удилами грубой ковбой, — подумал Брет. — Или тут что-то другое?»

Пока седлали Тимбера, они осмотрели двух оставшихся лошадей. Одна была гнедая кобыла с красивой головой и хорошей формы крупом, но чересчур длинной спиной («Два хороших конца компенсируют неважную середину», — заметил Саймон). Звали ее Скапа. Последним был жеребец Шеврон ярко рыжей масти и прекрасных статей, но с беспокойным взглядом.

— А ты на ком поедешь? — спросил Брет, увидев, что Саймон заводит Шеврона обратно в денник.

Саймон задвинул засов и обернулся.

— Я думал, тебе хочется прокатиться одному, — сказал он. Брет не нашелся, что ответить — такой удачи он просто не ожидал. Саймон тем временем продолжал:

— Только не давай ему очень перегреваться, а то он опять вспотеет после того, как его вытрут насухо.

— Да нет, мы потрусим потихоньку, — сказал Брет, перекидывая ногу через седло. Наконец-то он попробует, что такое английская верховая лошадь.

Артур протянул ему два хлыста на выбор. Брет взял один из них и повернул лошадь в сторону от ворот, через которые они вошли.

— Ты куда? — с удивлением спросил Саймон.

— Проедусь по долине, — ответил Брет, притворяясь, что понял

вопрос в общем смысле.

Если на другом конце двора больше нет выхода на кратчайшую дорогу к пустоши, Саймону придется ему об этом сказать. А если есть, пусть опять призадумается.

— Ты взял слишком короткий хлыст, им не закроешь за собой ворота, — небрежно сказал Саймон. — Или ты собираешься прыгать через все изгороди, что встретятся на твоём пути?

— Ничего, как-нибудь закрою, — безмятежно ответил Брет.

Он тронул поводья, и Тимбер двинулся шагом

— Будь с ним повнимательней — он с фокусами, — как бы между прочим заметил ему вслед Саймон.

— Ладно, — отозвался Брет и поехал к задним воротам, у которых его ждал Артур.

— Вы с ним поосторожнее, сэр. Это тот еще артист, — улыбаясь, сказал Артур с ноткой восхищения в голосе.

Брет повернул направо и поехал по узкой дорожке между выгонами. Что Артур имел в виду под словом «артист»? Жук? Прохиндей?

Да, похоже, что от Тимбера надо ждать подвоха.

«Артист» тем временем спокойно трусил по дорожке, нетерпеливо прядая ушами в предвкушении предстоящей пробежки. Увидев ворота в конце дорожки, Тимбер стал пританцовывать от нетерпения. «Тихо!» — сказали руки Брета, и Тимбер успокоился. Ворота были открыты, но поскольку на них белела надпись: «Пожалуйста, закрывайте ворота!», Брет заставил Тимбера попятиться, чтобы их закрыть. Тимбер, судя по всему, был так же хорошо знаком с воротами и их назначением, как ковбойская лошадь с лассо, но Брету никогда прежде не приходилось ездить на столь хорошо отлаженном механизме. Тимбер слушался малейшего движения руки или каблука, не подвергая команды седока ни малейшему сомнению и выполняя их с легкостью и уверенностью. Удивленный и восхищенный этой отзывчивостью лошади, Брет решил получше проверить, как Тимбер слушается повода. И хотя перед Тимбером уже было открытое пространство, хотя он уже ступил на траву, он безропотно замедлял и убыстрял шаг и даже развернулся в противоположную сторону, когда Брет это ему приказал.

— Ну, ты сокровище, — тихо проговорил Брет.

Тимбер повел в его сторону ушами.

— Чудо да и только, — сказал Брет и послал лошадь в легкий галоп. Тимбер устремился вперед, туда, где вдали темнели заросли можжевельника.

Так вот что чувствует человек, сидя верхом на хорошей английской лошади! Что он слит с ней воедино, что от него не требуется никаких усилий. Какое волшебное ощущение!

Тимбер скакал по упругому травянистому ковру. Как странно, что из-под копыт не поднимаются маленькие пылевые вихри. Англия, Англия, Англия, пели подковы. Мягкий стук копыт по короткой английской траве.

«Ну и пусть, — думал Брет. — Пусть я преступник, пусть я подлец, но я получил то, что хотел, и оно этого стоит. Да, стоит, черт подери! Если даже я завтра умру, все равно я не пожалею о содеянном».

Они поднялись по пологому склону. Брет увидел окаймленную кустами естественную аллею шириною ярдов в пятьдесят, которая шла по гребню гряды холмов. Про нее Алекс Лоддинг забыл ему сказать, и она не была обозначена на картах. Но нельзя же, даже на подробной карте, отметить все кусты можжевельника. Брет в нерешительности натянул повод. Но Тимбер рвался вперед. Он-то знал про эту ровную аллею между двумя рядами кустов.

— Ну ладно, — сказал Брет, — посмотрим, на что ты способен.

И он тронул поводья.

Брету приходилось ездить на резвых скакунах. Он даже выигрывал на скачках. Ему приходилось скакать со скоростью реактивного самолета. Так что просто быстрый бег его не удивил бы. Но он был удивлен его плавностью. Брету казалось, что он сидит на лошадке, подвешенной к карусели.

Мягкий воздух обтекал его лицо, щекотал в ушах и убегал назад, унося с собой запах вереска и кожи. «Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть!» — пели подковы. «Ну и пусть, ну и пусть!» — отзывалась кровь в жилах Брета.

Если даже он завтра умрет, он ни о чем не пожалеет.

Когда показался конец аллеи, Тимбер замедлил ход, но Брет не любил, чтобы лошади сами принимали решение. Он пришпорил коня в конце аллеи, повернул налево и поехал назад по другую сторону кустов можжевельника, переведя Тимбера сначала на рысь, потом на шаг. Вороной по-прежнему был послушен каждому движению повода.

— Слушай, приятель, — сказал Брет, похлопывая его по холке, — в Англии все такие, или ты особенный?

Тимбер с достоинством наклонил голову, принимая похвалу как должное.

Но вскоре Брет позабыл про лошадь, засмотревшись на открывшуюся перед ним панораму. Не считая того, что она лежала перед ним как бы вверх ногами, а не так, как карта, где сверху находится север, а снизу — юг;

ему предстала деревня Клер и ее окрестности в том виде, в каком он впервые увидел их на карте.

Немного налево в окружении аккуратных квадратиков выгонов краснели крыши служебных построек Лачета. Еще дальше налево виднелась стоявшая на возвышении церковь, а еще дальше из бледной зелени деревьев проглядывали крыши Клера. За деревней на южном склоне долины, защищенный им от штормовых ветров с Ла-Манша, стоял длинный белый дом — поместье Клер-парк.

Напротив возвышался холм, похожий на тот, на котором сейчас был Брет, но пониже. Этот холм назывался Десять буков. На его пологом склоне было пастбище, рассеченное шрамом заброшенной каменоломни, а на самой верхушке стояла группа буков, которая и дала холму его название. От десяти буков осталось только семь, но все равно эта купа могучих деревьев красиво венчала южный склон долины.

Брет знал, что с другой стороны холм Десять буков полого спускался к обрыву над морем. К тому самому обрыву, где закончилась жизнь Патрика. Позади Клер-парка располагались фермы, которые через две-три мили переходили в пригороды Вестовера. В ложбинке, разделявшей Клер-парк от холма Десять буков, шла тропинка к берегу моря. Та самая тропинка, по которой восемь лет назад в последний раз прошел Патрик Эшби.

И тут Брет вдруг впервые осознал всю реальность трагедии, которую он использовал для своей выгоды. Осознал острее, чем в комнате, где раньше жил Патрик. В доме, кроме Патрика, ему приходилось думать о многих вещах, имеющих непосредственное отношение к происходящим событиям. Ему приходилось разговаривать, и надо было постоянно держаться начеку. Здесь же, на вершине холма, он прямо-таки увидел Патрика воочию, увидел, как по извилистой тропинке идет мальчик — настолько несчастный, что весь этот веселый зеленый мир утратил для него всякую ценность. У этого мальчика были такие лошади, как Тимбер, у него были брат, сестры, тетка, были друзья и дом, но все это оказалось ему ни к чему.

Впервые в жизни Брет отрешился от безразличия к окружающим его людям и почувствовал боль другого человека. Когда Лодинг рассказал ему историю Патрика в лондонском ресторанчике, Брет не испытал ничего, кроме презрения к парню, у которого было так много и которому, видишь ли ты, не хватало родителей. «Слабак», — подумал он. Но потом Лодинг принес в Кью-гарденз фотографии Патрика, и тогда у Брета возникло это странное чувство духовного родства, отождествления себя с Патриком.

— Вот это Пат Эшби, — сказал Лодинг, протянув Брету фотографию,

сделанную дешевым аппаратом. — Ему было тогда лет одиннадцать.

Он привольно раскинулся на скамейке, протянув ноги на низкую загородку газона. Брет взял фотографию с любопытством, но не ожидая увидеть что-нибудь замечательное.

Однако с этого мгновения Патрик Эшби больше не был в его представлении анонимным «слабаком». Он стал для Брета живым человеком, и притом человеком, ему симпатичным. Ему казалось, что они с Патриком поняли бы друг друга. И если поначалу Брет был настроен скорее против Патрика, теперь он был целиком на его стороне.

Но только сейчас, глядя на окрестности Лачета с вершины холма, Брет впервые ощутил скорбь по поводу столь ранней и бессмысленной смерти.

Издали едва слышно донесся звук железа, бьющего по железу, и Брет перевел взгляд с буков на вершине холма к домику, стоящему у его подножья. «Кузня», — подумал он. На карте она была обозначена маленьким черным квадратиком; теперь этот квадратик принял обличье небольшого домика с черной трубой, из которого доносились удары молота о наковальню.

Все это было очень похоже на картинку в учебнике, по которому он учил французский язык в школе. Не хватало только кюре, который выходил бы из церкви, и почтальона, едущего по дороге от кузницы к деревне.

Брет соскользнул с седла на землю, по привычке ослабил подпругу — словно он оседлал эту лошадь несколько часов тому назад — и сел под куст можжевельника полюбоваться на эту картинку из учебника для школьников, приступающих к изучению английского языка.

ГЛАВА 15

В небе медленно проплывали огромные белые облака, то закрывая, то открывая солнце, легкий ветерок пробивался через кусты можжевельника и тихонько шелестел травой. Тимбер позвякивал удилами, пренебрежительно скусывая верхушки травинок. Брет совсем перестал думать и сидел в блаженной истоме.

Вдруг Тимбер мотнул головой, и почти в то же мгновение женский голос пропел что-то вроде заклинания за спиной Брета:

Не смотри,
Не шевелись,
Закрой глаза,
Догадайся, кто я.

Голос был кокетливый и немного вульгарный. Разумеется, Брет немедленно сделал все наоборот. Он оглянулся и увидел перед собой полную девицу лет шестнадцати с каштановыми волосами и голубыми глазами навывкате. Глаза эти странным образом выражали одновременно и скуку, и жадный интерес. А когда девица встретилась взглядом с Бретом, ее глаза вообще чуть не выскочили из орбит.

— Ой! — взвизгнула она. — Вы не Саймон!

— Нет, — подтвердил Брет, приподнимаясь.

Но он не успел встать на ноги — девица плюхнулась на траву рядом с ним.

— Ну, вы меня ошарашили! А я знаю, кто вы такой. Потерявшийся брат. Да? Ну, конечно — вы так похожи на Саймона — и не отпирайтесь!

Брет не отпирался.

— Вы даже одеты похоже.

Брет объяснил, что на нем костюм Саймона.

— Значит, вы знакомы с Саймоном? — спросил он девицу.

— Конечно, я знакома с Саймоном. Меня зовут Шейла Парслоу. Я из школы в Клер-парке.

— А!

«Школа для бездельников», — сказала Элеонора. Школа, в которой учеников ничему не учат, даже таблице умножения.

— Я все пытаюсь соблазнить Саймона, а он не поддается.

Брет не знал, что можно сказать в ответ на такое заявление, но его собеседница, по-видимому, и не нуждалась в его комментариях.

— Ну надо же как-то развлекаться! Вы не представляете, какая в Клер-парке скучища. Мухи дохнут! Там разрешают делать все — ну абсолютно все, что тебе вздумается. Я раз разделась догола и так вошла в кабинет Седрика. Седрик — это наш директор. Так вот, вхожу я к нему в кабинет в чем мать родила, а он только и сказал: «Шейла, милочка, тебе не мешало бы сесть на диету». Поглядел разок, сказал, что мне не мешало бы сесть на диету и опять стал перелистывать справочник «Кто есть кто». Он вечно читает этот справочник. В Клер-парк трудно попасть, если твой отец не занесен в «Кто есть кто». Или мать. Моего отца в «Кто есть кто» нет, но зато у него есть миллионы, а это ничуть не хуже. Миллионы сильно облегчают жизнь, правда?

Брет согласился, что, наверное, это так.

— Вот я и помахиваю папиными миллионами под носом у Саймона. Саймон далеко не равнодушен к презренному металлу, и я надеялась, что он, так сказать, прибавит весу моим чарам. Но Саймон — страшный сноб, правда?

— Да?

— А вы что, не знаете?

— Я с ним познакомился только сегодня.

— Ах, да, конечно. Вы только сегодня приехали. Ничего себе выкинули номер! У Саймона, натурально, нет особых причин радоваться, но вам наверняка приятно оставить его с носом.

Брет подумал, что эта особа, очевидно, тоже любит отрывать у мух крылышки.

— Зато теперь, когда вы отобрали у Саймона его состояние, мои акции, может, и поднимутся. Надо будет его где-нибудь поймать и посмотреть, как он себя поведет. Собственно, когда я увидела Тимбера, то решила, что я его поймала. Он сюда часто приезжает проезживать лошадей. Но Десять буков он терпеть не может. — Девушка кивнула на противоположный склон долины. — А тут его можно застать одного. За этим я сюда и пришла, а когда увидела эту черную бестию, то решила, что Саймон попался. А это оказались вы.

— Весьма сожалею, — кротко сказал Брет.

Девушка окинула его оценивающим взглядом.

— А вас, наверно, не стоит и пытаться соблазнить?

— Боюсь, что нет.

— А почему? Я вам не нравлюсь или вы вообще не любитель таких развлечений?

— Боюсь, что не любитель.

— Я так и думала. У вас монашеское лицо. Как странно: вы так похожи на Саймона, и такие разные. Вот уж Саймон не монах — спросите хотя бы дочку Гейтса. Я делаю кукол, изображающих эту девчонку, и втыкаю в них булавки — только колдовство не помогает. Она знай себе цветет, как пион, и притягивает Саймона, как липкая бумага мух.

«Ты и сама похожа на пион, — подумал Брет, глядя на ее яркие губы и пышный бюст, на котором едва сходилась кофточка. — Правда, пион на сегодняшний день несколько привядший и разочарованный».

— А Саймон знает, что он вам нравится? — спросил Брет.

— Нравится? Да он вовсе мне не нравится. Я таких вообще не люблю. Просто мне хочется его соблазнить, чтобы не было так скучно. Чтобы убить время до конца семестра, когда меня заберут отсюда.

— Если вам позволяют делать все, что вам вздумается, почему бы вам не уехать отсюда сейчас?

— Ну, знаете, не хочется выглядеть совсем уж душой. Я до этого была в школе Линг Эбби, и я там прямо-таки на голове ходила, чтобы меня перевели из той школы сюда. Мне казалось, что тут будет не жизнь, а малина: ни тебе уроков, ни домашних заданий, ни запретов — ничего. Откуда мне было знать, что я здесь буду умирать от скуки? Как же здесь скучно — с ума можно сойти!

— А в Клер-парке нет кого-нибудь, кто мог бы заменить Саймона? Я хочу сказать, кого-нибудь более... сговорчивого?

— Да нет, я уж смотрела. Все какие-то тощие, волосатые и жуткие интеллектуалы. Вы заметили, что интеллектуалы почему-то всегда зарастают волосами? Некоторым нравится крутить романы с совсем уж отвратительными типами, а я люблю симпатичных. Вы же не будете отрицать, что Саймон — красивый малый? В Линг Эбби был садовник, который смотрелся не хуже Саймона, только у него не было такого лихого наплевательского вида.

— Однако вы не остались из-за него в Линг Эбби?

— Его уволили. Это было проще, чем исключать меня — уж слишком был бы громкий скандал. Но меня им все равно пришлось в конце концов исключить, так что беднягу Альберта можно было бы и не увольнять. Вообще-то на своих клумбах он управлялся лучше, чем в постели. Но откуда им это было знать? Может, вы замолвите за меня словечко перед Саймоном? Жалко будет, если все мои мучения пойдут прахом.

— Какие мучения?

— Уж не думаете ли вы, что я часами трясусь на спине этих жутких четвероногих потому, что мне это нравится? Да еще под презрительным оком его надутой сестрицы! Ой, я и забыла, она ведь и ваша сестра! Но, может быть, после стольких лет вы к ней относитесь совсем не так, как мальчишки относятся к сестрам.

— Совсем не так, — подтвердил Брет, но Шейла его не слушала.

— Вы, наверно, ездите верхом с пеленок, так что вы и представить себе не можете, как себя чувствуешь, когда здоровенная тварь вытряхивает из тебя душу, а до земли так далеко и ухватиться не за что. Посмотреть на Саймона — так нет ничего проще, чем гарцевать верхом. Когда стоишь на земле, лошадь кажется таким симпатичным и узким животным. Думаешь, что ехать на ней — все равно что на велосипеде. А когда залезешь в седло, оказывается, что у нее бог знает какая широкая спина, да к тому же она тебя и в грош не ставит. Тебя подбрасывает вверх и вниз, ноги елозят взад и вперед вместо того, чтобы оставаться на одном месте, как у Саймона, натираешь себе волдыри, а потом неделями не можешь сесть в ванной. А вот когда вы немножко улыбаетесь, то совсем не похожи на монаха.

Брет высказал предположение, что Шейла выбрала не самый лучший способ привлечь внимание Саймона: зачем выставлять себя неуклюжим новичком в деле, в котором предмет твоего интереса преуспел в совершенстве?

— Да нет, я не надеялась этим привлечь его внимание. Просто это — предлог бывать на конюшне. Эта его... ваша сестра не позволяет околачиваться там без дела.

«Ваша сестра», — мысленно повторил Брет. Очень приятно звучит.

У него теперь есть три сестры, и из них по крайней мере две ему вполне по вкусу. Надо будет с ними получше познакомиться.

— Боюсь, что мне пора, — сказал он, вставая.

— Жаль, — сказала Шейла, глядя, как он перекидывает повод через голову Тимбера и подтягивает подпругу. — Из всех, с кем мне приходилось разговаривать в Клере, вы — самый симпатичный. Жаль, что вы не интересуетесь женщинами. Отбили бы у Саймона дочку Гейтса, и тогда, может, у нас с ним что-нибудь и вышло бы. Вы знаете Пегги Гейтс?

— Нет, — сказал Брет и вспрыгнул в седло.

— Взгляните. Она очень хорошенькая.

— Ладно, взгляну, — ответил Брет.

— Я теперь, наверно, буду встречать вас на конюшне.

— Да, наверно.

— Может, вы согласитесь давать мне уроки верховой езды вместо вашей сестры?

— Боюсь, что к урокам я никакого отношения иметь не буду.

— Ну что ж, — обреченно сказала Шейла. — Вы великолепно смотрите верхом на этой скотине. А ведь и у него спина Бог знает какой ширины. Все они такие. Как нарочно.

— До свидания, — сказал Брет.

— Да, а ведь вы так и не сказали мне, как вас зовут. То есть, мне говорили, но я забыла. Так как вас зовут?

— Патрик.

Произнеся это имя, Брет сразу вспомнил тропинку, которая шла к морю, и в то же мгновение забыл о мисс Парслоу. Он проскакал по гребню холмов, пока не оказался напротив Лачета, а затем пустил Тимбера шагом по склону. Внизу виднелась дорожка, которая вела к западной стороне дома и заканчивалась перед парадным крыльцом. Этим путем и выехала к парадному крыльцу Джейн в день его приезда.

Ворота, ведущие на дорожку, были открыты, а их створки прижаты к ограде выгона. Брет съехал с крутого склона, а когда дорога выравнялась, пустил Тимбера галопом. Перед ними открылся манящий тоннель обсаженной деревьями дорожки, и Брет решил не останавливать лошадь. Чтобы закрыть ворота, которые кто-то оставил открытыми.

И тут Тимбер вильнул. Левая нога Брета обязательно была бы сломана, если бы многолетняя практика в объезде диких лошадей не выработала в нем реакцию, опережавшую мысль. Тимбер вильнул так резко и круто, что белая лесина проскрежетала по седлу в том месте, где должна была бы быть его левая нога, прежде чем Брет осознал, что ноги там уже нет. Он отдернул ее раньше, чем успел подумать, что это надо сделать.

Когда Тимбер отошел от ограды, Брет опустил в седло и натянул поводья. Тимбер послушно остановился.

— Уф! — перевел дух Брет. Он посмотрел на жеребца, стоявшего посередине дорожки с самым невинным и кротким видом.

— Ну, ты бандит, — с улыбкой сказал Брет.

Тимбер стоял с тем же невинным видом, но его уши были повернуты к седоку. С опаской, как показалось Брету.

— Другой бы за такой номер шкуру с тебя спустил, — сказал Брет и повернул лошадь назад. Тимбер покорно трусил назад, но ему было явно не по себе. Когда они отъехали от ворот на достаточное расстояние, Брет развернул коня и послал его галопом к воротам. У него не было ни шпор, ни «цепки», но он хотел посмотреть, как поведет себя Тимбер на этот раз.

Как Брет и предполагал, жеребец безукоризненно проскочил в ворота почти по математической оси между двух заборов.

«Да Бог с вами, — казалось, говорил он. — Чтобы я такое сделал нарочно! Я не так воспитан. Нет-нет, я просто нечаянно покачнулся. С кем не бывает».

«Ну и ну», — подумал Брет, переводя лошадь на шаг.

Вслух же он сказал:

— Небось, воображаешь, что задурил мне мозги? Зря. Лошади похитрее тебя пробовали сбросить меня из седла, да ничего у них не выходила. Это были такие звери — ты им и в подметки не годишься.

Черные уши подрагивали: лошадь вслушивалась в тон его голоса и явно находилась в недоумении.

Когда они проезжали мимо выгона с кобылицами, те подошли к ограде любопытствовать: проезжающий мимо всадник — уже небольшое событие в их мерно текущей жизни. Вокруг них бегали, взбрыкивая, жеребята. Но Тимбер даже не посмотрел в их сторону. Он давно уже утратил всякий интерес к кобылицам, а сейчас он был полностью занят проблемой: что за странные звуки издает этот человек, который сумел его перехитрить? Его уши, которые у лошади при приближении к конюшне обычно стоят торчком, беспокойно и недоуменно дергались.

Брет выехал к фасаду дома, как утром сделала Джейн, но никого там не увидел. Он поехал на конюшню и там встретил Элеонору, которая въезжала в ворота, ведя еще одну лошадь на поводу: она только что закончила урок с Тони и оставила его у ворот Клер-парка.

— Ты что, проезжал Тимбера? — удивленным голосом спросила она. — Надеюсь, Саймон предупредил тебя, что это за фрукт?

— Да, предупредил.

— Не самое удачное мое приобретение, — с сожалением сказала Элеонора, поглядывая на Тимбера.

— Твое? — переспросил Брет.

— Да. А разве Саймон тебе не рассказывал?

— Нет.

— Очень мило с его стороны. Наверно, не хотел, чтобы ты знал, какая дура твоя сестрица.

Элеонора слегка улыбнулась Брету — похоже, что ей нравилась мысль, что она его сестра.

— Я купила его на распродаже в Лерридж-Хант. Тимбер убил распорядителя охоты старика Феликса Хэнстентона. Разве Саймон тебе не сказал?

— Нет. Он просто предупредил меня, что лошадь с норовом.

— У старого Феликса было немало приличных лошадей, так что я поехала на распродажу его имущества посмотреть, не подберу ли какую. Никто из членов охотничьего общества на Тимбера не претендовал, но я решила, что это просто в память бедняги Феликса. Что никто не хотел покупать лошадь, на которой погиб распорядитель общества. Как будто владельцы лошадей когда-нибудь руководствовались сентиментальными соображениями! На меня просто умопомрачение нашло. Хотя бы задумалась, почему мне так дешево продали этого красавца! А потом мы узнали, что после Феликса он пытался убить еще одного охотника, да только ветки оказались тонкими и сломались, вместо того, чтобы раскроить тому череп, как Феликсу.

— Вот как, — сказал Брет, начиная кое-что понимать.

— Собственно, никто и не сомневался, от чего умер Феликс. Охотники были уверены, что Тимбер сделал это нарочно. Они подняли лису в роще Лерриджа и поскакали за ней через парк. Это, собственно, не парк, а открытое пространство, где совершенно безопасно скакать галопом, и только кое-где стоят отдельные деревья. А Тимбер на полном скаку свернул с Феликсом под дуб, и бедняга умер раньше, чем грохнулся на землю. Но мы об этом, конечно, узнали только гораздо позже. Когда я его покупала, я знала только, что Феликс ударился на охоте головой о ветвь дерева. А такое у нас не случалось со времен Вильгельма Рыжего.^[11]

— А кто-нибудь видел, как это произошло?

— Нет, никто. Но все знали, что Феликс не мог направить лошадь под дерево, когда кругом было открытое пространство. А когда Тимбер попробовал повторить тот же номер с Сэммсем, то ни у кого уже не осталось сомнений. Так что его решили продать, и все охотники сидели и помалкивали, глядя, как Элеонора Эшби покупает этого уголовника.

— Красивый уголовник — этого у него не отнимешь, — сказал Брет, поглаживая Тимбера по шее.

— Красавец, — подтвердила Элеонора. — А как прыгает через препятствия! Ты не пробовал послать его на препятствие? Нет? В другой раз непременно попробуй. Как раз прыгать на нем безопаснее всего — ему тогда некогда придумывать свои каверзы. Правда, странно? Вид у него совсем не озорной, — добавила Элеонора, с недоумением разглядывая свою неудачную покупку.

— Не озорной.

Элеонора уловила в голосе Брета неуверенность.

— Ты, как будто, не согласен?

— Ну, во всяком случае, я еще не встречал животное с таким раздутым самомнением.

Элеонора удивилась; видимо, как и Саймону, ей это не приходило в голову.

— Самомнением? Пожалуй, ты прав. Еще бы у него не было самомнения — не каждой лошади удастся убить своего хозяина. А с тобой он никаких номеров не выкидывал?

— Вильнул в воротах, больше ничего.

Брет не сказал: он воспользовался первой представившейся возможностью, чтобы разбить мне колено о столб. Это никого не касалось, кроме него и Тимбера. Им предстояло долгое знакомство, и они сами выяснят свои отношения.

— Как правило, он — сама кротость, — продолжала Элеонора. — Этим-то он и опасен. Мы все на нем ездили — Саймон, Грегг, Артур и я, и он только дважды устроил нам подвох — раз Саймону и раз Артуру. Но уж конечно, — добавила она с усмешкой, — мы держались подальше от деревьев.

— На нем бы в пустыне ездить. Там можно за весь день не встретить ни кустика, ни столбика.

Элеонора посмотрела на красавца вороного и сказала:

— Боюсь, что он и там что-нибудь придумал бы.

«Да, наверняка придумал бы», — согласился с ней в душе Брет. Такие зловредные лошади, как Тимбер, встречаются крайне редко, но они неисправимы: что с ними ни делай, они уж придумают, как тебе наседать. И они не размениваются на мелочи.

Похоже, что и Саймон не собирался размениваться на мелочи. Он посадил его на опасную лошадь, сказав только, что тот иногда «откалывает номера». Тонкий ход — с помощью лошади убрать с дороги соперника.

ГЛАВА 16

Беатриса Эшби посмотрела на своего племянника Патрика, который сидел на другом конце стола, и мысленно выставила ему самую высокую оценку. Обед в обществе викария и его жены, наверняка, был для него нелегким испытанием, но он держался безукоризненно. В нем не было ни неловкости, ни излишней веселости. Он вел себя с той же спокойной сдержанностью, которая произвела на нее такое впечатление при их первой встрече в чердачной комнатухе в Пимлико. Так умеют вести себя только зрелые люди, а ведь ему еще не исполнилось и двадцати одного года. Глядя, как он беседует с викарием, Беатриса восхищалась, с каким достоинством держится этот новый Патрик Эшби. Он умеет молчать, не производя при этом впечатления ни глупости, ни скованности.

Беатриса вырастила Саймона и была довольна результатом своего воспитания. Но этот юноша воспитал себя сам, и результат, пожалуй, был еще лучше. Может быть, как считают, главное — первые семь лет в жизни человека, а дальше все идет само собой. А может быть, Патрик был настолько цельной личностью, что ему не требовалось направляющей руки. Он шел своим собственным путем к цели, которая была видна ему одному, и вырастил из себя этого спокойного выдержанного юношу с замкнутым лицом.

Это даже не лицо, а маска, пожалуй, довольно грустная маска. При всем сходстве черт, как она отличается от подвижной физиономии Саймона: глядя на них, вспоминается маска с двумя профилями — комедии и трагедии — которую часто помещают на титульных листах пьес.

Саймон был в этот вечер особенно весел, а у Беатрисы от этого щемило сердце. Ей было жаль Саймона, и вместе с тем, забыв почти все свои претензии к нему, она восхищалась тем, как великолепно он держался, и любила его всей душой. Саймон по сути дела отрекался от престола и делал это с поразительным изяществом и непринужденностью. Она даже чувствовала себя виноватой за то, что недооценила широты души эгоистичного и скуповатого Саймона.

Разговор шел о жеребенке, который родился у Хани. Кобылке надо было придумать кличку. Все развеселились и начали предлагать что-то совершенно несуразное. Нэнси утверждала, что, поскольку «хани»^[12] — сладкое слово, жеребенку тоже надо дать какое-нибудь сладкое имя, например «Конфетка», на что Элеонора возразила, что они не имеют права

сделать всеобщим посмешищем лошадь таких кровей. Если Элеонора поехала встречать Патрика в затрапезном виде, к обеду она вышла в новом платье. Давно уже Беатриса не видела ее такой красивой и веселой. Элеонора принадлежала к типу людей, которых редко увидишь в приподнятом настроении.

— Хани страшно понравилась Брету, — сказала она.

— Беатриса, конечно, потащила вас в конюшню, едва вы переступили порог, да, Брет? — спросила Нэнси, тоже с готовностью подхватившая новое имя Патрика. — Ну и как, понравились вам лошади?

Только викарий называл его Патриком.

— Очень! — ответил Брет. — И я встретил старую знакомую.

— Да? Кто же это?

— Регина.

— Да-да, верно. Бедная старушка. Ей, наверно, уже лет двадцать, — сказала Нэнси.

— Почему же «бедная»? — возразил Саймон. — Вот уже сколько лет она нас обувает и одевает. Нам впору платить ей дивиденды.

— Она получает дивиденды на пастбище, — заметила Элеонора. — Ест за троих.

— Если кобыла каждый год приносит по жеребенку — и какому жеребенку! — то уж по крайней мере она заслуживает того, чтобы ей давали вволю поест.

Саймон за обедом пил больше обычного, но вино на него как будто не действовало. Беатриса перехватила обращенный на Саймона взгляд викария, в котором, как ей показалось, была жалость.

Со своего конца стола Брет тоже посматривал на Саймона, но безо всякой жалости. Брет вообще, как всякий человек, который не склонен жалеть себя, редко жалел и других. Но Саймону он отказывал в сочувствии не только потому, что был чужд жалости. И даже не потому, что Саймон объявил ему войну: у него бывали враги, которых он уважал и которыми даже восхищался. Но в Саймоне Эшби было что-то отталкивающее. Вокруг сидели его родственники и друзья, и Саймон всех очаровывал своей веселостью, все они восхищались его благородством и стойкостью перед лицом неожиданного удара судьбы. Они восхищались его умением держать себя в руках, но им и в голову не приходило, что Саймон разыгрывал перед ними спектакль, за которым скрывалось нечто гораздо более грозное, чем ущемленное самолюбие.

Наблюдая за тем, как Саймон делал хорошую мину, Брет вдруг заметил в нем неуловимое сходство с кем-то, кого он совсем недавно повстречал. С

кем-то, кто отличался такой же привлекательной внешностью, воспитанностью и отличными манерами и от кого тоже можно было ожидать чего угодно. Кто же это такой? Брет никак не мог вспомнить.

Как всякий человек, который пытается поймать за хвост ускользающее воспоминание, Брет злился, напрягая память. Кто же? Лоддинг? Нет. Кто-то, кого он встретил на корабле по пути из Америки? Нет. Макдермотт? Нет. Черт возьми, так кто же?

— Патрик, а ты как думаешь?

Это сказал викарий. «Надо быть с ним поосторожнее», — подумал Брет. Он опасался встречи с Джорджем Пеком почти так же, как с Саймоном. Учитель знает о своем ученике много такого, чего о нем не знает даже родная мать. И Джордж Пек, наверняка, помнит много важных мелочей о Патрике. Однако встреча с Пеком прошла наилучшим образом. Нэнси поцеловала Брета в обе щеки и сказала:

— Какой же ты стал взрослый, мой мальчик! И такое серьезное лицо!

— У Патрика всегда было серьезное лицо, — сказал викарий, пожимая Брету руку.

Он глядел на Брета с интересом, но такой интерес возникнет у любого учителя, который увидит своего ученика после десятилетнего перерыва. И Брет, который в общем-то не очень жаловал священнослужителей, почувствовал, что викарий ему симпатичен. Но он все-таки относился к Джорджу с некоторой опаской: не потому, что тот был священнослужителем, а потому, что тот хорошо знал Патрика Эшби, и потому, что глаза на его некрасивом лице светились умом и пронизательностью.

Увидев эти глаза, Брет порадовался тому, что Лоддинг подробно натаскал его во всем, что касалось обучения Патрика. Джордж Пек был зятем Лоддинга, и у Алекса была возможность, как он выразился, «наблюдать обучение близнецов с первого ряда партера».

Что касается сестры Алекса Лоддинга, то такой красивой женщины Брет не видел никогда в жизни. До того, как Алекс с чувством живописал ему историю замужества своей сестры, Брет никогда не слышал о Нэнси Ледингем. «Могла сделать самую блестящую партию: любой мужчина с восторгом бы на ней женился хотя бы для того, чтобы каждый день на нее смотреть: так нет же, ей приспичило выйти за Джорджа Пека». Алекс показал Брету фотографии Нэнси во всевозможных одеждах: от купального костюма до роскошного платья, в котором ее представляли ко двору, но по фотографиям Брет не смог оценить по достоинству ее безмятежную красоту, ее веселость, ее прелестный характер. Он решил, что Нэнси могла

выйти замуж только за очень хорошего человека.

Брет прислушался к разговору за столом.

— С кем это я тебя сегодня видела? — Нэнси спрашивала Элеонору. — Что это за пугало сидело в седле — уж не отпрыск ли Тоселли?

— Да, это был Тони, — ответила Элеонора.

— Глядя на него, я вспомнила дни своей молодости.

— Глядя на Тони? Как это?

— Ты этого, конечно, не помнишь, но тогда у нас было много кавалерийских полков. И в каждом была команда джигитовки. А в каждой такой команде был свой вроде бы клоун. И все эти клоуны были похожи на Тони.

— А ведь верно! — радостно воскликнула Беатриса. — Я сегодня пыталась вспомнить, кого он мне напоминает, но не смогла. Эта полнейшая несуразность. Это нелепое сочетание предметов одежды.

— Вы, может быть, удивляетесь, зачем я вообще трачу на него время, — заметила Элеонора. — Но после Шейлы Парслоу учить Тони — это отдых. И он когда-нибудь будет прекрасно ездить верхом.

— А раз так, то ему можно все простить, да? — усмехнулся викарий.

— А что, Ла Парслоу не делает никаких успехов? — спросил Саймон.

— Она никогда не сделает успехов. Седло у нее катается по спине лошади, как кусок льда по тарелке. У меня сердце разрывается от жалости к бедному животному. Хорошо еще, что у Черрипикера гранитная спина и абсолютно отсутствуют нервы.

Но когда все встали из-за стола и перешли в гостиную, оживленный общий разговор разбился на отдельные вялые струйки. Брет вдруг почувствовал, что падает с ног от усталости. Хоть бы никто не задал какого-нибудь каверзного вопроса! Обычно он мало поддавался воздействию спиртного, но непривычные вина затуманили ему голову и мысли путались и цеплялись одна за другую. Сандра и Джейн попрощались с гостями и отправились спать. Беатриса разлила кофе из кофейника, который дожидался их на низеньком столике перед камином. Отхлебнув из своей чашки и обнаружив, что кофе едва теплый, она сморщилась и бросила на Нэнси взгляд, исполненный отчаяния.

— Лана в своем репертуаре, да? — с сочувствием спросила та.

— Наверно, опять спешила на свидание со своим Артуром — не могла подождать лишние десять минут.

Саймон тоже умолк, словно устав изображать неумную веселость. Только Элеонора по-прежнему излучала то тепло благожелательности и радостное настроение, которое царило за обеденным столом. Во время пауз

между вспышками разговоров становился слышен шум дождя за окном.

— Ты была права, тетя Беа, — сказала Элеонора. И объяснила остальным. — Тетя Беа утром сказала, что солнце светит чересчур ярко и к вечеру обязательно пойдет дождь.

— Беа вообще никогда не ошибается, — сказал викарий, глядя на Беатрису с улыбкой, в которой таилась и похвала, и легкая ирония.

— Вы меня изображаете, как какое-то чудище непогрешимости.

Выждав приличествующее время, Нэнси сказала:

— У Брета сегодня был очень трудный день, да и все вы, наверно, устали. Нам пора идти. Надеюсь, что ты придешь к нам, Брет, когда немного отдышишься.

Саймон принес ее шаль, и все они проводили гостей до крыльца. Нэнси сняла свои лакированные туфельки и надела резиновые сапоги, которые дожидались ее за дверью. Держа туфли под мышкой, она взяла мужа под руку, прижалась к нему, чтобы поместиться под их единственным зонтиком, и через минуту чета Пеков скрылась в темноте.

— Молодчина Нэнси, — проговорил Саймон слегка заплетающимся языком. — Ледингемов каким-то там дождиком не проймешь.

— Милая Нэнси, — тихо сказала Беатриса. Вернувшись в гостиную и окинув ее рассеянным взглядом, она объявила:

— Нэнси права, пора ложиться спать. День был нелегкий для всех нас.

— Что, уже спать? — огорченно воскликнула Элеонора.

— У тебя в половине десятого урок с Ла Парслоу, — напомнил ей Саймон. — Я сам видел запись у тебя в книжке.

— А зачем, собственно, ты лазил в мою книжку?

— Хотел удостовериться, что ты не обманываешь налогового инспектора.

— Ну ладно, пошли спать, — сказала Элеонора, зевая и сладостно потягиваясь. — Какой сегодня был замечательный день!

Она повернулась к Брету, чтобы пожелать ему спокойной ночи, и вдруг засмуцалась, неловко протянула ему руку и сказала:

— Доброй ночи, Брет. Счастливых сновидений. — И с этими словами пошла наверх.

Брет повернулся к Беатрисе, но она предвосхитила его:

— Я поднимусь с тобой вместе.

Тогда Брет повернулся к Саймону:

— Доброй ночи, Саймон, — сказал он, спокойно глядя в холодные серые глаза.

— Доброй ночи... Патрик, — ответил Саймон с едва заметной

усмешкой, вложив долю издевки в само имя «Патрик».

Поднимаясь по лестнице, Брет услышал, как Беатриса спросила Саймона:

— А ты разве не пойдешь к себе?

— Пока нет.

— Тогда не забудь выключить везде свет, хорошо? И проверь запоры.

— Обязательно. Доброй ночи, тетя Беа.

На повороте лестницы Брет увидел, как Беатриса обняла и поцеловала Саймона. И вдруг его пронзило острое чувство безнадежной и необъяснимой ревности. «Господи, — подумал он, — мне-то что за дело?»

Через минуту Беатриса вошла вслед за ним в бывшую детскую. Она бросила взгляд на кровать и сразу усмотрела беспорядок:

— Эта тупица обещала положить тебе в постель грелку, но конечно забыла.

— Неважно, — ответил Брет. — Я бы все равно ее убрал. Я не привык засыпать с грелкой.

— Тебе, наверное, кажется, что мы жутко изнеженная публика, — с улыбкой сказала Беатриса.

— Я считаю, что вы очень симпатичная публика, — ответил Брет.

Беатриса улыбнулась.

— Устал?

— Да.

— К завтраку в половине девятого встать не сможешь?

— Обычно я вставал куда раньше.

— И тебе нравилась эта... трудовая жизнь... Брет?

— Очень.

— Ты тоже очень симпатичный парень, — сказала Беатриса и легонько поцеловала его в щеку. — Жаль, что ты так долго жил вдали от нас, но мы рады, что ты вернулся. Доброй ночи, мой милый.

В дверях она повернулась и сказала:

— Звонить, конечно, бесполезно — никто не отзовется. Но если тебе вдруг до смерти захочется жареных креветок или холодного чая, или книжку — приходи ко мне. Правая дверь от лестницы, как и раньше.

— Доброй ночи, — сказал Брет.

Беатриса на секунду постояла у него за дверью, не отпуская дверной ручки, потом подошла к двери Элеоноры, постучала и вошла. Последние год-два Элеонора стала для нее опорой и утешением. Столько лет Беатриса могла рассчитывать только на себя, и ей негде было искать поддержки и совета. Ей стало легче жить, когда она смогла на равных общаться с

Элеонорой, трезвый ум которой всегда был к услугам Беатрисы.

— Привет, Беа, — сказала Элеонора, которая сидела перед туалетным столиком и расчесывала волосы. Как и Саймон, она стала часто называть Беатрису просто по имени,

Беатриса опустила в кресло и проговорила:

— Слава Богу, первый день пережили.

— Все вышло наилучшим образом, — заметила Элеонора. — Саймон вел себя прекрасно. Бедняга Саймон.

— Да. Бедняга Саймон.

— Может быть, Брет... Патрик предложит ему войти в долю? Как ты думаешь? В конце концов Саймон вложил много труда в наш конный завод. Было бы не совсем благородно все забрать после стольких лет отсутствия и безразличия к нашим делам.

— Да, наверное, так. Не знаю. Надеюсь, что предложит.

— У тебя усталый голос.

— А ты разве не устала?

— Знаешь, Беа, должна признаться, что я просто не нахожу между ними ничего общего.

— Между Саймоном и Патриком?

— Нет, между Патриком и Бретом.

Несколько мгновений они молчали. За окном тихо шуршал дождь. Потрескивали под гребенкой волосы Элеоноры.

— То есть... ты думаешь, что это не Патрик?

Элеонора перестала расчесывать волосы и подняла на Беатрису удивленно расширенные глаза.

— Конечно, это Патрик. Кто же еще?

Она положила гребенку и стала связывать волосы голубой лентой.

— Просто у меня такое чувство, будто это совершенно незнакомый мне человек. Странно, правда? Мы же прожили вместе двенадцать лет. Но он мне нравится. А тебе?

— Мне тоже, — ответила Беатриса.

У нее тоже было чувство, что она встретила незнакомого человека, и так же, как Элеонора, она не могла себе представить, кто бы это мог быть, если не Патрик?

— Разве Патрик никогда не улыбался?

— Очень редко. Он был серьезный ребенок.

— Когда Брет улыбается, мне хочется плакать.

— Бог с тобой, Элеонора! Почему?

— Не притворяйся, что не понимаешь.

Да, Беатриса понимала — как будто понимала.

— Он тебе не объяснил, почему не писал все эти годы? — спросила Элеонора.

— Нет. У нас не было возможности для откровенного разговора.

— Я думала, что ты его спросила, пока вы осматривали конюшню.

— Нет. Он был весь поглощен лошадьми.

— Как, по-твоему, почему он не хотел нас знать все эти годы?

— Может быть, мы ему, как говорила няня, «обрыдли». Да, собственно, это не более удивительно, чем то, что он убежал от нас. Видно, он просто не мог оставаться в Лачете.

— Наверное, это так. Но он был добрый мальчик. И он всех нас любил. Даже если ему не хотелось возвращаться сюда, почему бы ему не известить нас, что с ним все в порядке?

Поскольку Беатриса сама никак не могла найти ответ на этот вопрос, она помолчала.

— Наверное, решение вернуться далось ему нелегко, — сказала Элеонора. — Вечером у него было такое усталое, прямо-таки мертвое лицо. Оно у него и так-то не очень живое. Если его повесить на стенку, все бы думали, что это маска.

Беатриса достаточно хорошо знала Элеонору, чтобы понять, что скрывалось за ее словами.

— Ты думаешь, он может скрыться опять?

— Нет, я убеждена, что он никуда не денется.

— Считаешь, что он вернулся навсегда?

— Уверена.

Но Брет, стоя в темноте перед открытым окном, вовсе не был в этом уверен. Все оптимистические предсказания Лодинга сбылись, но что же дальше?

Сколько времени понадобится Саймону, чтобы окончательно его разоблачить? И если даже Саймону это не удастся, каково ему будет жить, ежесекундно ожидая подвоха? Сколько он выдержит?

Собственно говоря, когда он согласился на эту аферу, он отдавал себе отчет, что все будет именно так. Но он как-то не пытался заглянуть дальше первого дня. В глубине души он не верил, что его примут в семействе Эшби. Но вот его приняли, и у него было такое чувство, точно он залез на горную вершину и не знает, как оттуда слезть. Душа его ликовала, но в глубине ее шевелились сомнения.

Брет отошел от окна и включил лампу. Его квартирная хозяйка в Пимлико частенько говаривала: «Так устала, словно меня пропустили через

каток». Теперь Брет понял, какое это удачное сравнение. У него тоже было ощущение, словно его пропустили через каток и выжали до капли. У него даже не было сил раздеться. С усилием он снял свой новый костюм — тот самый костюм, который в той, другой жизни, в Лондоне, пробудил в нем такое острое чувство вины — и заставил себя повесить его на плечики. Затем сбросил нижнее белье и натянул свою старую пижаму. Мимолетно подумал, что хозяевам может не понравиться, если дождь намочит ковер, но мысленно махнул рукой и лег в постель, оставив окно раскрытым настежь.

Он долго лежал без сна, прислушиваясь к шелесту дождя и разглядывая комнату. Ему казалось, что сейчас самое время явиться призраку Патрика Эшби и дыхнуть на него загробным холодом. Он лежал и ждал, но призрак не появлялся. В комнате было тепло и уютно. Фигурки сказочных персонажей на обоях, в обществе которых выросли дети Эшби, казались живыми и дружелюбными. Брет повернул голову и посмотрел на группу около его изголовья; где там этот парень с орлиным профилем, в которого была влюблена Элеонора? Интересно, а сейчас она в кого-нибудь влюблена?

Он перевел глаза на деревянную спинку кровати, вспомнил, что на ней спал Алекс Лоддинг, и опять усмехнулся. Рука Провидения, не иначе. Надо будет как-нибудь сказать Лоддingu, что Брету досталась его кровать. Тот, наверняка, оценит эту игру случая. Интересно, кто поставил на подоконник вазу с цветами — Элеонора или Беатриса? Как привет... родного дома.

— Лачет, — сказал себе Брет, окидывая взглядом комнату.

— Это Лачет. Я в Лачете. Это Лачет.

Это слово успокаивало, усыпляло — словно он тихонько покачивался в гамаке. Брет протянул руку и выключил лампу. В темноте шум дождя стал громче.

Еще утром он был в чердачной комнатухе в Пимлико, перед окном которой стоял частокол каминных труб. И вот он засыпает в Лачете, и в окно задувает влажный ветерок, приносящий сладкий травяной запах.

На Брета сошло чувство удивительного покоя. Видимо, Патрик Эшби не сердился на него за вторжение: казалось даже, что он был ему рад.

Нет, это невероятно! Сон отлетел от Брета, и он стал думать о Беатрисе. Почему у него стало так тепло на сердце, когда она взяла его за руку и повела разговаривать с корреспондентом? Его тысячи раз брали за руку — чем ее прикосновение отличалось от всех других? Почему оно так согрело ему душу? Как назвать это чувство? И ему было так же приятно, когда Беатриса взяла его под руку по пути в конюшню. Что замечательного

в том, что женщина берет тебя под руку? Тем более женщина, в которую ты не влюблен и никогда не влюбишься.

Ну да, то, что она женщина, тоже важно, но тут другое. Замечательно то, что она это сделала как что-то само собой разумеющееся. Так его под руку не брал никто и никогда. Так естественно, но при этом — нет, вовсе не заявляя на него прав. Права на него заявляли не раз, и это совсем ему не нравилось. А тут... Тут было признание, что он свой. Что он дома. Это было бездумное дружелюбие к родному человеку. И не потому ли это прикосновение так его потрясло, что до сих пор у него не было на целом свете ни одного родного человека?

Так Брет и заснул, думая о Беатрисе, вспоминая, как она посматривает искоса, когда обдумывает что-нибудь, как решительно она вошла в его комнату в Пимлико — наверно, это ей немало стоило; как она поцеловала его на прощанье, по доброте душевной, еще не будучи уверена, что он — Патрик; с какой великолепной небрежностью она встретила сегодня днем известие, что Саймон наконец явился.

Эта прелестная женщина, Беатриса Эшби, завоевала его сердце раз и навсегда.

И вдруг Брета словно подбросило, и он проснулся.

Он вспомнил что-то очень важное.

Он вспомнил, кого ему напоминал Саймон Эшби.

Он напоминал ему Тимбера.

ГЛАВА 17

В среду Брет ехал с Беатрисой знакомиться с хозяевами тех трех ферм, которые они сдавали в аренду: Френчленд, Апейкерс и Вигселл. «Последним навестим Гейтса, — сказала Беатриса, — чтобы чересчур много о себе не мнил». Да и ферма у Гейтса была самая маленькая. Она лежала на склоне холма к северу от деревни, сразу за домом викария. Эшби ее не сдавали, а обрабатывали сами. Земли там было так мало что с нее трудно прокормиться семье арендатора, но у Гейтса была к тому же мясная лавка в деревне (открытая два дня в неделю), служившая серьезным подспорьем к доходу, даваемому фермой.

— Ты умеешь водить машину? — спросила Беатриса Брета, открывая дверцу «блохи».

— Умею, но лучше ведите вы. Вы лучше знаете, — он чуть не сказал «дорогу», но вовремя поправился, — машину.

— Назвать «блоху» машиной — это комплимент, — заметила Беатриса. — Ты, наверное, привык к правостороннему движению?

— Да.

— Жаль, что приходится ехать на «блохе». Наш «универсал» ломается очень редко, а сейчас Джеймсон вынул из него все потроха, разложил их по полкам гаража и, чертыхаясь про себя, ищет поломку.

— А мне нравится «блоха». Я вчера приехал на ней со станции.

— Верно-верно. Кажется, что это было ужасно давно. У тебя нет такого чувства?

— Есть.

Брету казалось, что со вчерашнего дня прошли годы.

— Ты слышал, что Бог спас нас от «Клариона»? — спросила Беатриса, когда они поехали по аллее на тарахтящей «блохе».

— Нет, не слышал.

— Разве ты за завтраком не поглощаешь прессу? — спросила Беатриса, которая позавтракала в восемь часов утра.

— Мне не приходилось жить в таких местах, где по утрам приходят газеты. Мы просто включали радио.

— О, Господи, я и забыла; что вашему поколению нет нужды читать!

— Так что же нас спасло?

— Нас спасли трое людей, о которых мы никогда не слышали и которых, Бог даст, никогда не встретим. Четвертая жена дантиста из

Манчестера, муж актрисы из пантомимы и владелец черного кожаного чемодана.

Беатриса посигналила на выезде из ворот и медленно повернула направо.

— Владелец чемодана оставил его в камере хранения на вокзале Черинг Кросс, а когда его открыли, там нашли чьи-то отрезанные руки и ноги. Или, может быть, это руки и ноги владельца чемодана. Этот вопрос теперь надолго займет внимание «Клариона». Муж актрисы подал в суд на ее любовника, требуя возмещения морального ущерба, и все трое, к вящему удовольствию «Клариона», не прочь обсудить свои сердечные дела. С тех пор, как наложили ограничения на репортажи о бракоразводных процессах, «Кларион» прямо-таки изнывал от бессилия, и дело о возмещении морального ущерба — дар небес. Тем более, когда речь идет о Тэтти Тэкер.

Беатриса бросила взгляд кругом и сказала:

— Как все блесит и благоухает после дождя!

— Вы еще не всех перечислили?

— Как это?

— А что произошло с четвертой женой дантиста из Манчестера?

— А, да. Бедняжку выкопали из-под очень дорогого могильного памятника и обнаружили, что она вся начинена мышьяком. А ее муж исчез.

— Думаете, «Клариону» всего этого хватит и он оставит нас в покое?

— Убеждена. У них и так не хватает места для живописания проделок Тэтти. В утреннем выпуске ей отвели целую страницу. В худшем случае они поместят о нас крошечную заметку в самом низу страницы. Читатели через две минуты забудут, что там было сказано. По-моему, о «Кларионе» можно не беспокоиться. А «Вестовер таймс» напечатает небольшую заметку в своем обычном сдержанном стиле, и на том дело кончится.

«Ну что ж, — подумал Брет, — тем лучше. Хватит с него визита к фермерам. Патрик был с ними хорошо знаком. Как бы не опростоволоситься».

Ферму Френчленд арендовал мистер Хассел, высокий старик с розовыми щечками. С ним жила сестра — такая же высокая, но с лицом нездорового желтого цвета. «Мы все боялись мисс Хассел, — говорил ему о ней Лодинг. — У нее лицо, как у ведьмы, и язык, как наждак. Она никогда не бранилась: просто скажет словечко, и чувствуешь, как с тебя слезает кожа».

— Вот это честь! — провозгласил старый Хассел, увидев, кого привезла Беатриса. — Рад вас видеть мистер Патрик! Ужасно рад!

Он сжал руку Брета в своих загубелых ладонях. Было видно, что он

искренне рад видеть Патрика Эшби.

Радовалась ли встрече мисс Хассел, сказать было трудно. Пожимая Брету руку, она окинула его взглядом и промолвила:

— Вот уж нежданная радость.

Брет внутренне усмехнулся: сухая банальная фраза прозвучала весьма ядовито.

— Заграничная жизнь, кажется, не очень вас изменила, — заметила мисс Хассел, выставляя рюмки на стол в их маленькой забитой мебелью гостиной.

— Изменила-таки, — отозвался Брет.

— Да?

Мисс Хассел не собиралась идти у него на поводу и спрашивать, как именно его изменила заграничная жизнь.

— Я вас больше не боюсь.

Старый Хассел рассмеялся.

— Тут ты меня обскакал, парень. Я ее боюсь, как и раньше. Если запаздываю на полчаса с рынка, то крадусь к дому, поджав хвост, как провинившийся пес.

Мисс Хассел ничего не ответила, но Брету показалось, что у нее в глазах блеснула искра интереса: его слова как будто пришлись ей по душе. Во всяком случае, она вышла на кухню и принесла вазу с печеньем, которым она поначалу явно не собиралась их угощать.

Они выпили по рюмке напитка, претендовавшего на название «белый портвейн», и поговорили о породах кур.

На ферме Апейкерз дома оказалась одна миссис Докет.

— Заходите, кто там! — закричала она, и они прошли по облицованному кафельной плиткой коридорчику и оказались в прохладной кладовке, где хранились молочные продукты. Хозяйка сбивала масло.

— Минутку, — сказала она, оглянувшись на гостей. — Масло уже почти.... Ой, господи, кого я вижу! Я думала, это кто-то из соседей зашел. Дети в школе, Керри в сарае, а я тут... Господи Боже мой, подумать только!

Беатриса, не раздумывая, села на маслобойку, чтобы дать хозяйке возможность поздороваться с Бретом.

— Какой вы стали красивый джентльмен, — сказала добрая толстушка. — Типичный Эшби. Вы сейчас даже больше похожи на мистера Саймона, чем раньше.

Брет заметил, что при этих словах Беатриса быстро взглянула на хозяйку.

— Какая нам всем радость, мисс Эшби! Я прямо не поверила своим

ушам. «Нет, — говорю мужу, — я не верю». Такое случается только в книжках. И в кино. А в тихой деревушке вроде нашей такого быть не может. И вот вы здесь, и это все правда. Как я рада опять вас видеть в полном здравии, мистер Патрик.

— А можно я попробую? — спросил Брет, показывая на маслобойку. — Никогда не сбивал масло.

— Как же так, не сбивали? — удивленно воскликнула миссис Докет. — Да вы же специально приходили ко мне по субботам сбивать масло!

У Брета упало сердце.

— Разве? — сказал он. — А я и забыл.

«В случае чего прямо говори, что забыл, — советовал ему Лодинг. — Что тут скажешь — забыл и все. А если ты пустишься в объяснения, они поймут тебя на слове».

— Я думала, у вас теперь электрическая маслобойка, — сказала Беатриса, уступая место Брету.

— Это верно, все другое у нас работает на электричестве, — ответила миссис Докет. — Только мне кажется, что в электрической маслобойке масло получается хуже. Теряется домашний вкус. Иногда, когда мне очень некогда, я включаю электрический ход, но потом всегда об этом жалею. Машина, она и есть машина, а человек вкладывает душу.

Миссис Докет напоила крепким горячим чаем, к которому подала вкуснейшие воздушные пышки. За столом шел разговор о детях и об их успехах в школе.

— Миссис Докет — милейшая женщина, — сказала Беатриса, когда они сели в машину и поехали дальше. — По-моему, она до сих пор в глубине души считает, что электричество — изобретение дьявола.

Брет тем временем давал себе зарок поменьше высовываться с замечаниями. С маслобойкой обошлось, но он может ляпнуть такое, что сразу выдаст его с головой. Надо больше помалкивать.

— Да, Брет, насчет пятницы...

— А что будет в пятницу? — рассеянно спросил Брет.

Беатриса повернулась к нему с улыбкой.

— В пятницу будет твой день рождения.

Да! У него же теперь есть день рождения.

— Ты забыл, что в пятницу тебе исполняется двадцать один год?

— Забыл. Как-то из головы выскочило.

Беатриса искоса посмотрела на него. Помолчав, сказала:

— Да, ты ведь давно уже достиг совершеннолетия.

В ее тоне не было вопроса, и на лице не было улыбки.

— Так вот, насчет пятницы, — продолжала она. — Раз уж мы отложили празднование до возвращения дяди Чарльза, то гостей в пятницу мы собирать не будем. Приедет мистер Сэндел с документами, которые тебе надо подписать, он и будет единственным гостем. Отметим день рождения в кругу семьи.

Документы! Да, Брет знал, что рано или поздно ему придется подписывать документы. Он даже научился писать заглавные буквы так, как их писал Патрик — для этого Лодинг принес ему старую тетрадку Патрика, которую он стащил из дома викария. Да и что, собственно, изменится от того, что он подпишет документы? Хуже, чем он есть, он не станет. Просто у него не будет путей к отступлению, он окончательно станет преступником в глазах закона.

— Ну как, ты согласен?

— Что? А, вы про день рождения... Да, конечно. Вообще-то говоря, я обошелся бы и без всякого празднования. А нельзя просто считать, что я достиг совершеннолетия, и на этом успокоиться?

— Мне кажется, что соседям это очень не понравится. Они все ждут приглашения на какое-то торжество. Мы просто обязаны его устроить. Да и пригласительные билеты уже напечатаны. Я только изменила в них дату. Пароход Чарльза должен прибыть недели через три, а справлять твоё совершеннолетие будем еще через две недели. Так что придется тебе «сдюжить», как говорила няня.

Да, придется сдюжить. Но, по крайней мере, сейчас можно расслабиться. Последний оставшийся визит ничем ему не грозит. Патрик не был знаком с Гейтсами.

Они подъезжали к деревне. Слева от них белела ограда южных выгонов. Ночью прошел дождь, а сейчас ярко светило солнце, и все вокруг влажно, но как-то тревожно искрилось. Небо отливало металлическим блеском, а солнечный свет жестко серебрился. Когда они проезжали мимо дома викария, Беатриса сказала:

— Недавно приезжал Алекс Лодинг.

— Да? И что он поделывает?

— Все еще играет потасканных повес в убогих фарсах. Четыре персонажа, пять дверей, одна кровать. Я его не видела, но Нэнси говорит, что он изменился к лучшему.

— В каком смысле?

— Стал интересоваться другими людьми, а не только своей персоной. Подобрел. Даже старался найти общий язык с Джорджем. Нэнси считает,

что начинают сказываться годы. Часами читал в кабинете Джорджа, когда того не было дома, и ничуть не скучал. А когда Джордж был дома, они вполне дружелюбно разговаривали. Нэнси была ужасно рада. Она всегда любила Алекса, но страшилась его визитов. Он жутко скучал в деревне, разговоры с Джорджем наводили на него тоску и он даже не пытался это скрывать. Так что на этот раз все были приятно удивлены.

Где-то посередине деревни они свернули на дорожку, которая вела в Вигселл, ферму, арендуемую Гейтсом.

— Ты не помнишь Эмми Вайдлер? — спросила Беатриса. — Она выросла здесь на ферме и вышла замуж за Гейтса. У него тогда была ферма неподалеку от Бьюреса. Когда умер ее отец, Гейтс сдал свою ферму в аренду, а сам переехал в Вигселл. И мясная лавка тоже ему досталась. Так что живут они в достатке. Их сын не ладил с отцом и уехал в Бирмингем. Работает там механиком. А дочка живет дома, и Гейтс в ней души не чает. Отдал ее в дорожную школу, где ее звали Марго. Здесь-то ее зовут Пегги.

Машина въехала в ворота фермы и остановилась на мощенном булыжником дворе. Выскочили две собаки и бешеным лаем возвестили хозяевам о прибытии гостей.

— До чего же у Гейтса необузданные собаки, — заметила Беатриса. Ее собственные собаки были так же хорошо воспитаны, как и ее лошади.

На лай из дома вышла миссис Гейтс. Видимо, когда-то она была очень хорошенькой, но с тех пор увяла и как-то притихла.

— Глен! Джой! Тихо! — крикнула она собакам, но те не обратили на нее внимания. Миссис Гейтс спустилась с крыльца, но тут из-за угла дома размашистым шагом вышел сам Гейтс и оказался около машины раньше жены. Он с преувеличенным жаром приветствовал гостей, оглушительно выражая восторг по поводу возвращения Патрика Эшби и оказанной их скромному дому чести. Тем временем миссис Гейтс, которая искренно обрадовалась гостям, ласково и тихо улыбалась Брету.

Гейтс был крупный громогласный человек, и Брет подумал, что в молодости из него, наверно, ключом била энергия и самоуверенность — именно те качества, которые покоряют хорошеньких хрупких женщин типа Эмми Вайдлер.

— Я слышал, что вы там в Америке делали деньги на лошадях, — сказал Гейтс Брету.

— Я зарабатывал ими на жизнь.

— Тогда пошли ко мне на конюшню, я вам кое-что покажу, — сказал Гейтс и направился по дорожке, ведущей за угол дома.

— Но, Гарри, надо же пригласить гостей в дом! — воскликнула его

жена.

— Успеют они еще зайти в дом. Им, наверно, интереснее взглянуть на хорошую лошадь, чем на твои салфетки. Пошли, мистер Патрик! Идемте, мисс Эшби. Альфред, — прокричал он громовым голосом. — Ну-ка выведи нам нового коняшку, пусть мисс Эшби на него взглянет.

Миссис Гейтс тоже пошла с ними. Оказавшись рядом с Бретом, она тихо ему сказала:

— Я так рада. Так рада, что вы вернулись. Я помню вас совсем маленькими — я тогда жила здесь с отцом. Я вас очень любила. Только собственного сына я любила больше.

— Ну-ка, мистер Патрик, поглядите на этого коня! Ничего себе, а? — Гейтс показывал рукой на дверь конюшни, откуда Альфред выводил породистого каракового жеребца, который, казалось, случайно затесался на этот маленький крестьянский двор, хотя в этой части Англии каждый фермер держал верховую лошадь. Караковый жеребец и в самом деле был на редкость хорош.

— Ну, что скажете? Как он вам нравится?

Вглядевшись в лошадь, Беатриса заметила:

— Да ведь это тот самый жеребец, на котором Дик Поуп в прошлом году победил в конкуре на соревнованиях в Бате.

— Он самый, — самодовольно отозвался Гейтс. — И не только в конкуре. Он еще получил кубок как лучшая верховая лошадь. Я за него отвалил немалые денежки. Ну, да деньги у меня есть, а для моей девочки мне ничего не жалко. Да-да, я его купил для Пегги. Сам я на него забираться не собираюсь — тяжеловато ему будет.

Гейтс оглушительно загоготал. «Ну и звук», — подумал Брет.

— А вот моя девочка — это просто пушинка, лошадь и не чувствует ее на спине. Да что я вам рассказываю, мисс Эшби, вы ее видели. Уж если кто у нас достоин ездить на хорошей лошади, так это моя Пегги. На это я никаких денег не пожалею.

— Да, лошадь и в самом деле хороша, — с жаром сказала Беатриса. Брет взглянул на нее с удивлением: чему она так обрадовалась? В конце концов этот жеребец будет соперничать с Тимбером и другими лошадьми с их завода.

— У него есть ветеринарное свидетельство и все, что полагается. Кота в мешке я не покупаю.

— И Пегги будет на нем выступать в этом году?

— Конечно, будет, само собой. Для чего еще я купил этого коня? Чтобы она выступала на нем в соревнованиях.

Беатриса прямо-таки сияла.

— Замечательно! — воскликнула она с восторгом в голосе.

— Вам он нравится, мисс Эшби? — спросила Пегги Гейтс, которая вдруг возникла рядом с Бретом.

Это была очень хорошенькая девушка с белым личиком, розовыми щечками и золотистыми волосами. Брет подумал, что если бы удалось создать нечто среднее между Шейлой Парслоу и Элеонорой, то получилась бы Пегги Гейтс. Знакомясь с Бретом, она спокойно поглядела ему в глаза, сумев при этом дать ему понять, что его возвращение доставило ей глубокую личную радость. Ее маленькая лапка интимно шевельнулась у него в ладони, Брет крепко ее пожал, а потом с трудом подавил желание вытереть ладонь о брюки.

Пегги мило поблагодарила Беатрису за высокое мнение о ее новой лошади, дала гостям возможность еще несколько минут полюбоваться элегантным животным, потом со светской непринужденностью увела всю компанию со двора в дом. Беатриса помнила, как выглядела гостиная при миссис Вайдлер, когда ее украшали глазурованные кувшины и окантованные гравюры, и нашла, что от замены их на акварели и цветочные обои комната ничего не выиграла.

Они пили очень хорошую мадеру и разговаривали о предстоящей выставке в Бьюресе.

По дороге домой у Беатрисы был такой вид, точно она получила большое наследство. Поймав на себе удивленный взгляд Брета, она спросила:

— Что ты так смотришь?

— Вы похожи на кошку, которой дали полное блюдце сметаны.

Беатриса усмехнулась.

— А также рыбы и печенки.

Однако она не стала объяснять свои слова и тут же переменяла тему:

— Когда закончится вся эта канитель с днем рождения, тебе надо будет съездить в Лондон и заказать себе выходной костюм и прочее. Надо, чтобы все было готово к приезду дяди Чарльза.

— А что именно надо будет заказать? — спросил Брет: он не представлял себе, о чем идет речь.

— Доверься Уолтерсу: он сам знает.

— Гардероб для молодого джентльмена, — сказал Брет.

Удивленная саркастической ноткой в его голосе, Беатриса бросила на него быстрый взгляд искоса.

ГЛАВА 18

Когда они приехали домой, Беатриса принялась разбирать дневную почту в гостиной. Вошла Элеонора и сказала:

— Она научилась привставать на стременах.

Беатриса подняла на нее отрешенный взгляд.

— Представь себе, целых пятьдесят ярдов она ехала, как порядочная.

— Шейла Парслоу? Поздравляю тебя, Нелл.

— Вот уж не думала, что доживу до этого дня. Может, выпьем на радостях хересу?

— Мы с Бретом влили в себя сегодня столько странных напитков, что нам одних воспоминаний о них хватит до конца недели.

— Ну и как тебя встретили, Брет? — спросила Элеонора, наливая себе в рюмку хересу.

— Я думал, будет хуже, — ответил Брет, глядя, как ее тонкие руки уверенно открывают бутылку и наливают херес. Такая рука не станет мягкой лапкой вкрадчиво шевелиться у тебя в ладони.

— Докет рассказал тебе, как его ранило?

— Докет уехал на рынок, — сказала Беатриса. — Зато миссис Докет угостила нас горячими пышками.

— Миссис Докет — милашка. А чем вас угощала мисс Хассел?

— Печеньем. Она не собиралась нам его давать, но поддалась чарам Брета.

Ага, значит, и Беатриса это заметила.

— Ничего удивительного, — сказала Элеонора, глядя на Брета поверх рюмки. — А как вас встретили в Вигселле?

— Ты помнишь каракового жеребца, на котором выступал Дик Поуп? Который в прошлом году завоевал все призы в Бате?

— Конечно.

— Гейтс купил его для Пегги.

Элеонора на минуту задумалась, осмысливая эту новость.

— Пегги будет на нем выступать?

— Да.

— Любопытно, — медленно проговорила Элеонора. На ее лице мелькнула улыбка. Она переглянулась с Беатрисой и отвела взгляд.

— Любопытно, — повторила она и отпила хересу. Некоторое время в гостиной раздавался лишь треск разрезаемых Беатрисой конвертов. Потом

Элеонора проговорила:

— По-моему, Гейтс тут оплошал.

— По-моему, тоже, — отозвалась Беатриса, читая очередное письмо.

— Я пойду вымою руки. А что на обед?

— Гуляш.

— То есть, тушенная картошка с мясом, которую наша миссис Беттс именуется гуляшом.

Тут вошли Сандра и Джейн, у которых кончились уроки. Из конюшни вернулся Саймон, и все пошли в столовую.

Утром Саймон так поздно вышел к завтраку, что они с Бретом успели только поздороваться. За обедом Саймон дружелюбно и вроде бы с искренним интересом расспрашивал о том, как Брета встретили арендаторы. Беатриса взяла рассказ об их поездке на себя, лишь изредка обращаясь к Брету за подтверждением своих слов. Когда речь зашла о Гейтсах, Элеонора спросила Саймона:

— Ты знаешь, что Гейтс купил Пегги новую лошадь?

— Нет, — без особого интереса отозвался Саймон.

— Он купил у Дика Поупа его каракового жеребца.

— Что? Райдинг Лайт?

— Да, Райдинг Лайт. Пегги будет выступать на нем в Бьюресе.

Впервые со дня приезда Брет увидел, как лицо Саймона потемнело от гнева. Секунду он сидел молча, затем опять взялся за вилку и нож. Кровь постепенно отлила от его лица, и к нему вернулось обычное выражение безмятежного спокойствия. Беатриса и Элеонора на него не смотрели, но Сандра с интересом наблюдала за впечатлением, которое на него произвела эта новость.

Брет, склонившись над тарелкой с гуляшом миссис Беттс, раздумывал над характером Саймона. Говорят, что он влюблен в Пегги Гейтс. Но его совсем не обрадовало, что отец купил девушке хорошую лошадь. Наоборот, эта новость привела его в ярость. Более того, его тетка и сестра заранее знали, что он придет в ярость, обнаружив, что Пегги будет ему серьезным соперником. Они знали, что он ей не простит. Им, разумеется, очень не хотелось, чтобы роман Саймона с Пегги Гейтс перерос во что-то серьезное, и они сразу поняли, что приобретение Гейтсом каракового жеребца обещает выход из затруднения. Что же за человек Саймон Эшби, если он не может стерпеть поражения от девушки, в которую влюблен?

Брет вспомнил, какой довольный вид был у Беатрисы, когда она увидела каракового коня. Он вспомнил, как усмехнулась Элеонора, узнав эту новость. Они обе сразу поняли, что на этом роман Саймона с Пегги

пришел к концу. Гейтс купил Райдинга Лайта, чтобы «сравниться» с Лачетом, чтобы у его дочери была лошадь не хуже тех, какие были у человека, за которого она надеялась выйти замуж. Вместо этого он лишил Пегги всякой возможности когда-нибудь стать хозяйкой Лачета.

Ну, Саймон больше не хозяин Лачета, так что его неудовольствие не так уж важно для Гейтсов. Но что за скотина этот Саймон, если соперничество на соревнованиях способно убить в нем любовь!

— А на ком будет выступать в Бьюресе Брет? — услышал он вопрос Элеоноры и поднял голову.

— Да на ком угодно, — ответил Саймон и, увидев вопросительный взгляд Элеоноры, добавил. — Это же его лошади.

Таких высказываний англичане обычно себе не позволяют. Видимо, Саймон разозлился не на шутку, если забыл манеры, привитые ему с детства.

— Я вообще не собираюсь «выступать», — сказал Брет. — Я не знаю, как это делается.

— Но раньше ты знал, — заметила Беатриса.

— Да? Ну, это было давно. Я все забыл. Нет, я не буду выставять лошадей в Бьюресе.

— До выставки еще почти три недели, — сказала Элеонора. — За два-три дня Беатриса тебе все покажет. Тут нет ничего трудного.

Но Брет был непреклонен. Конечно, ему было бы интересно померяться силами с наездниками-англичанами, особенно в скачках с препятствиями, и, может быть, выиграть на лачетских лошадях приз-другой, но он твердо решил избегать всяких публичных выступлений в роли Патрика Эшби.

— Может, выступишь в скачках с препятствиями, Брет? — сказала Сандра. — В самом конце соревнований. Ты обязательно возьмешь приз на Тимбере.

— Если мое слово еще что-то значит, — глядя в тарелку, проговорил Саймон, — то Тимбер не будет тратить силы в каких-то захудалых сельских скачках. Его место в Олимпии.

— Я тоже так считаю, — согласился Брет.

Напряжение за столом сразу спало. Джейн спросила, чем простые дробы проще сложных. Сандра заявила, что ей нужна новая велосипедная шина, и разговор принял спокойный домашний характер.

Не успели они кончить обедать, как один за другим стали приезжать соседи, и их поток не прерывался до вечера. Сначала их поили кофе, потом чаем, а в шесть часов подали херес. Все они приехали поглядеть на Брета, и

он заметил, что те из них, которые знали Патрика Эшби, были искренне рады его возвращению. Каждый вспоминал какой-нибудь случай из детства Патрика. Все они хранили эти воспоминания, потому что хорошо относились к Патрику Эшби и горевали об его кончине. И Брета странным образом тешили их добрые слова о Патрике, и он гордился им, словно хвалили его протеже. Открывшаяся ему за обедом грань характера Саймона еще больше расположила его к Патрику. Саймон не заслуживал того, чтобы владеть Лачетом. Имение по праву принадлежало Патрику, и то, что его лишили права владеть Лачетом, было огромной несправедливостью. Патрик был славный мальчик. Он не впал бы в ярость от того, что у любимой девушки появилась лошадь лучше его собственной. Патрик был хороший парень.

И Брет с искренним удовольствием принимал адресованные Патрику маленькие словесные подарки.

Вскоре после шести часов приехал доктор. Брет перестал ощущать удовольствие и принялся следить за поведением Элеоноры. Судя по всему, доктор ей очень нравился, и Брет, который о нем ничего не знал, сразу проникся убеждением, что тот ее не стоит. К этому времени из гостей остались только полковник Смолетт, начальник полиции графства, две незамужние сестры Памела и Элизабет Брайн, которые жили в элегантном старом доме на краю деревни, и доктор Спенс. Этот последний был рыжеволосый худой молодой человек с веснушчатым лицом и дружелюбной манерой обращения. Он унаследовал практику старого сельского врача, который пестовал все семейство Эшби. Разливая чай, Беатриса шепнула Брету, что доктор Спенс — талантливый врач, и не имеет права похоронить себя в деревне. «Не из-за Элеоноры ли он здесь задержался?» — подумал Брет. Доктор был явно неравнодушен к Элеоноре.

— Много же вы нам попортили крови, молодой человек, — сказал полковник Смолетт, когда ему представили Брета. Наслушавшись за вечер вежливо-уклончивых фраз, Брет обрадовался прямоте полковника. Если свои представления о среднем английском дворянстве он почерпнул из кинофильмов, то представление об английской полиции он вынес из английских газет. И то и другое, как он обнаружил, не имело ничего общего с действительностью. Полковник Смолетт был худенький человек маленького роста с огромным носом. Он старался держаться в тени и, если в нем что-нибудь и бросалось в глаза, так это безукоризненного покроя костюм и веселые голубые глаза.

Полковник уехал, забрав с собой двух мисс Брайн, но доктор Спенс засиделся в гостях и заставил себя встать и откланяться, когда Беатриса

пригласила его поужинать с ними.

— Бедняжка доктор Спенс, — сказала Беатриса за столом. — Жаль, что он не остался с нами ужинать. Мне кажется, домохозяйка морит его голодом.

— Ничего подобного, — заявил Саймон, к которому вернулось хорошее расположение духа и который был очень мил с гостями. — Рыжие всегда тощие. У них всегда такой вид, словно их морят голодом. Да он и не стал бы ничего есть — сидел бы и смотрел на Элеонору.

Его слова подтвердили опасения Брета.

— Не говори вздор, — спокойно и равнодушно отозвалась Элеонора.

К ужину все устали и мало разговаривали за столом. Семейство уже привыкло к присутствию Брета, и с ним больше не обращались, как с гостем. Даже упорно не идущая на сближение Джейн больше не смотрела на него осуждающим взглядом. Он уже был своим. У Брета перестали скрести кошки на сердце, и он впервые со дня приезда почувствовал, что проголодался.

Но, готовясь ко сну, он продолжал ломать голову над загадкой Саймона. Саймон убежден, что Брет вовсе не Патрик, но, по-видимому, не собирается говорить об этом вслух. Почему? Потому что ему не поверят и сочтут, что он не может смириться с потерей наследства? Потому что собирается разоблачить Брета так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений? Потому что намерен по-своему разделаться с самозванцем, которого не может изобличить? Как разгадать Саймона, который так хорошо умеет притворяться, что ему ничего не стоит заморочить голову даже близким людям? Который так тщеславен, так сосредоточен на себе, что принимает за личное оскорбление все, что затмевает блеск его особы? Который наделен огромным обаянием и так убедительно изображает легко ранимого человека? Который, короче говоря, так похож на Тимбера?

Брет стоял в темноте у открытого окна и смотрел на едва различимую вдали гряду холмов. Ему уже не было так страшно, его отпустило напряжение. Но многое в его жизни теперь зависело от Саймона, который оставался загадкой.

Если Саймон пришел в такое бешенство от того что Пегги подарили лошадь, которая лучше его собственной, что же он должен чувствовать к самозванцу, который отнял у него Лачет?

Брет долго размышлял над этим, глядя в темноту.

И когда он наконец отошел от окна, чтобы зажечь свет, у него в уме четко прозвучал вопрос:

«Интересно, где был Саймон, когда Патрик покончил с собой?»

Но Брет тут же себя одернул. Что это за дикое предположение? Убийство? В Лачете? В деревне Клер? Убийство, совершенное тринадцатилетним мальчиком? Нет уж, его антипатия к Саймону выходит за пределы разумного.

В конце концов, полиция расследовала самоубийство Патрика Эшби. Допросила свидетелей и убедилась, что Патрик действительно покончил с собой.

Убедилась? Или никакой другой версии просто не было?

Где можно найти отчет о коронерском дознании? Наверное, в архиве полиции. Вряд ли гражданскому лицу удастся убедить полицию вскрывать архив для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Они люди занятые.

Но наверняка об этом деле писали в местных газетах. Это же была сенсация местного масштаба. В подшивках должно быть сообщение о дознании. Брет решил при первой же возможности добраться до подшивок «Вестовер таймс».

Плевать на антипатию, плевать, выходит она за пределы разумного или нет. Брет хотел знать, где был Саймон Эшби, когда его брат бросился с обрыва.

ГЛАВА 19

В четверг ожидали мистера Сэндела, который собирался переночевать в Лачете и уехать в Лондон в пятницу после обеда.

В четверг утром Беатриса объявила, что собирается в Вестовер купить чего-нибудь вкусенького для мистера Сэндела. А чем хочет заняться Брет?

— Можно поехать с тобой поглядеть, каким стал Вестовер?

— Конечно, — ответила Беатриса, — я буду рада, если ты составишь компанию».

— Заедем в Клере на почту и покажем тебя миссис Глум. Будет одним рукопожатием меньше после воскресной службы.

Они действительно остановились возле почты и предъявили Брета миссис Глум, которая с упоением ахала по поводу его драматического воскрешения. Потом они весело посмеялись над ее страстью к трагедии.

— Люди, которые не умеют петь, чувствуют себя ущербными, — изрекала Беатриса.

Брет на секунду задумался, потом выдал тезис, так же мало относящийся к теме разговора:

— Самая высокая гора в Англии — Бен Невис.

Беатриса рассмеялась.

— Просто мне хочется громко запеть, а у меня вместо пения получается воронье карканье. А ты умеешь петь?

— Нет, я тоже каркаю. Может, скаркаем вместе?

— Боюсь, что в городской черте каркать запрещено. Сейчас везде навешаны объявления со всевозможными запретами. Да вон, пожалуйста!

Она показала на предупредительную надпись на стене большого здания:

«Больница! Просьба не подавать звуковых сигналов!»

Брет взглянул на больницу, стоящую на склоне холма над городом, и заметил:

— Какое красивое здание — совсем не похоже на больницу.

— Да, обычно больница наводит страх одним своим видом. Жаль только, что городские власти допустили вот это.

И Беатриса кивнула на ряд дешевых лавчонок по другую сторону дороги. У некоторых был совсем непотребный вид. Обшарпанные закусочные, сапожная мастерская, прокат велосипедов, лавочка, торгующая венками и крестами, лавочка-конкурент, торгующая цветами, овощная

лавчонка и какие-то непонятные конторы с замазанными наполовину окнами, на которых были наклеены объявления.

Дорога шла под уклон к городу, и эта жалкая торговая улочка заканчивала собой бедный район пригорода. Дальше начинался сам Вестовер — чистый, прибранный, сверкающий в отраженном блеске моря.

Заехав на автомобильную стоянку, Беатриса сказала Брету:

— Тебе незачем таскаться за мной по рыбным магазинам: мистер Сэндел обожает разные «дары моря». Иди погуляй по городу, а без четверти час приходи в «Ангел», там пообедаем.

Брет пошел к выходу, но тут Беатриса окликнула его:

— Я забыла спросить, а деньги у тебя есть? Могу ссудить несколько фунтов.

— Спасибо, не надо. Я еще не истратил то, что мне выдали «Коссет, Тринг и...» кто там еще?

Сначала он направился на пристань посмотреть на то место, где он, восемь лет назад якобы пробрался на корабль. Гавань кишела рыбацкими лодками и каботажными судами. В ярком солнечном свете и блеске волн все это выглядело очень красиво. Брет облокотился о теплую каменную стенку пирса и задумался. Здесь сидел Алекс Лодинг и рисовал «старое корыто» в последний день жизни Патрика Эшби. А вон там вдали виднеется утес, с которого Патрик бросился в море.

Брет оттолкнулся от стенки и пошел искать редакцию «Вестовер таймс». Он нашел ее не сразу: хотя каждый житель Вестовера читал местную газету, никто понятия не имел, где находится ее редакция. Она помещалась в маленьком старом домике совсем близко от пристани. Домик стоял на узкой улочке, все еще мощенной булыжником. Дверь была такой низкой, что Брет, входя, невольно пригнулся. После яркого солнца на улице казалось, что в прихожей совсем темно. Однако из темноты раздался мальчишеский голос, очевидно, принадлежавший подростку-курьеру:

— Что вам угодно, сэр?

Брет сказал, что ему нужен мистер Макаллан. Голос ответил, что мистера Макаллана нет на месте.

— А где его можно найти?

— Четвертый столик слева на втором этаже «Синей птицы».

— Очень точный адрес.

— Да уж так. В это время дня он всегда там.

Кафе «Синяя птица» было за углом. Оно глядело окнами на море. Мистер Макаллан действительно сидел за четвертым столиком слева на втором этаже, возле окна в дальнем углу. Перед ним стояла недопитая

чашка кофе, и он хмуро смотрел на освещенную солнцем набережную. Однако он дружески приветствовал Брета и пододвинул ему стул.

— Кажется, моя история не принесла вам лавров, — сказал Брет.

— Наверно, я попаду на первую страницу «Клариона», только если меня самого засунут в сундук.

— В сундук?

— В расчлененном виде. А это, пожалуй, будет слишком дорогая цена.

Макаллан развернул утренний выпуск «Клариона». На первой странице под огромным кричащим заголовком продолжалось обсуждение убийства с расчленением. За три дня интерес публики к обнаруженному в сундуке трупу ничуть не угас, тем более, что всплыло весьма загадочное обстоятельство: две ноги, найденные в сундуке, принадлежали разным людям. В результате это дело оказалось вне конкурса в классе убийств с расчленением.

— Больше всего нас ужасает в убийстве не то, что где-то кого-то убили, но что убили нашу собственную тетю Агнессу, — задумчиво сказал Макаллан.

— Послушайте, мисс! Принесите, пожалуйста, чашку кофе моему другу. Ваш брат Джонни уходит на войну и его там убивают. Конечно, все очень огорчены, но никто особенно не потрясен — наша цивилизация приучила нас к подобным происшествиям. Но если кто-то кокнет тетю Агнессу на темной улице — вот тогда вы потрясены. Чтобы подобное случилось со знакомым вам человеком!

— Но, наверно, еще хуже, когда знакомый вам человек кокнет чью-то тетю Агнессу.

— Это верно, — отозвался Макаллан, кладя в чашку полуостывшего кофе одну ложку сахара и старательно его размешивая. — Такое мне тоже встречалось. И всегда реакция родственников одна и та же: они отказываются в это поверить. Как, их родной Джонни? Не может быть! В этом весь ужас убийства. В том, что оно врывается в ваш дом.

Макаллан достал портсигар и предложил Брету сигарету.

— Ну и как вам нравится быть героем дня в Клере? Вы рады, что вернулись?

— Вы даже себе не представляете, как я рад.

— После привольной жизни в Аризоне или Техасе, или где вы там были? И вам на самом деле больше нравится здесь? — Макаллан кивнул головой в сторону набережной, заполненной домохозяйками, торопливо переходящими из одного магазина в другой. Брет кивнул. — Святые угодники! Поверить не могу!

— Почему? А вам здесь не нравится?

Макаллан окинул взглядом жителей Южной Англии, наслаждающихся своим южно-английским солнышком, и весь искривился от отвращения.

— Они так собой довольны, что на них смотреть противно.

— Довольны жизнью? А что в этом плохого?

— А что хорошего когда-либо получилось из самодовольства?

— Ну, например, человеческий род.

Макаллан широко улыбнулся.

— Пожалуй, тут я с вами соглашусь.

Но он тут же нахмурился, глядя на залитую солнцем набережную.

— Я смотрю на них и думаю: «И эти люди завоевали мою Шотландию и не поленились потратить на это четыреста лет!» Я просто не могу найти ответа на эту загадку.

— А ответ очень простой: эти люди никогда не завоевывали Шотландию.

— Не завоевывали? Если хотите знать, моя страна...

— Этим людям было некогда завоевывать Шотландию: в течение тысячи лет они отбивали нападения врагов на берега Англии. Если бы не они, ваша Шотландия была бы сегодня испанской провинцией.

Такая мысль, видимо, никогда не приходила Макаллану в голову. И он не стал спорить с Бретом.

— Вы сюда случайно зашли или искали меня?

— Искал вас. Я был у вас в редакции и мне сказали, что вы здесь. Я хотел вас кое о чем попросить.

— Надо полагать, не о том, чтобы я поподробнее написал о вашем возвращении? — сухо осведомился Макаллан.

— Нет. Я хочу прочитать свой некролог.

— Еще бы, кто этого не хочет! Тут вам повезло, мистер Эшби, не всякому это удается.

— Надеюсь, у вас есть подшивки «Вестовер таймс» за прошлые годы?

— Ну конечно — начиная с 18 июня 1827 года. Или 28 июня? Точно не помню. Значит, вы хотите просмотреть подшивки газеты? Ну что ж. О вас писали не так уж много, но вам, конечно, будет очень интересно это почитать. Что может быть увлекательнее собственной смерти?

— А вы, значит, эти материалы читали?

— Разумеется! Прежде чем отправиться в Лачет, я прочитал все, что о вас тогда писали.

Таким образом, когда они спустились по темной лестнице в подвал, где хранились архивы «Вестовер таймс», Макаллану не пришлось рыться в

пыли, накопившейся за сто двадцать лет, и он легко нашел нужные номера газет.

— Я пойду, а вы себе читайте, — сказал он, положив подшивку, открытую на нужном месте, на старинное бюро, над которым висела на шнуре лампа. — Желаю всяческого удовольствия. Если вам еще что-нибудь понадобится, я к вашим услугам. Заходите, всегда буду рад вас видеть.

Взбежав по каменным ступеням, Макаллан закрыл за собой дверь, ведущую в сегодняшний мир, и Брет остался наедине с прошлым.

Газета выходила два раза в неделю: в среду и субботу. Патрик Эшби умер в субботу, так что оба сообщения — о его смерти и о коронерском дознании — были напечатаны в одном номере за среду. Кроме обычного извещения от имени семьи в колонке смертей на средней странице, небольшая заметка. Со дня основания газета принадлежала семье вестоверского предпринимателя и до сих пор сохранила достоинство, воспитанность и сдержанность, которые отличали эпоху короля Эдуарда. В заметке сообщалось о скорбном происшествии и выражалось соболезнование семье, которую вслед за гибелью мистера и миссис Эшби постигла новая потеря. Никаких подробностей газета не сообщала: Патрик Эшби погиб в субботу вечером, упав с обрыва в море к западу от города, — и отсылала читателя на пятую страницу, где он найдет сообщение о коронерском дознании.

Дознанию была отведена целая колонка на пятой странице. Разумеется, это не был стенографический отчет, но основные факты были изложены достаточно полно, а также приведено несколько цитат из показаний свидетелей.

По субботам в семействе Эшби дети не учились, и летом они обыкновенно брали с собой бутерброды и расходились по своим делам. Домой они обычно возвращались только к ужину. Когда Патрик не пришел к ужину, семейство не особенно обеспокоилось: они решили, что он просто ушел в лес наблюдать за повадками птиц — в последнее время это было его главное увлечение — и зашел дальше, чем собирался. Когда наступила темнота, а Патрика все не было родные подняли тревогу, и полиция стала обзванивать окрестных жителей, спрашивая, не видел ли его кто. Это делалось, чтобы установить, куда направлять поиски: видимо, с мальчиком что-то случилось. Однако ничего узнать не удалось, и его стали искать во всех местах, куда он, по предположениям, мог направиться. Пешие и конные прочесывали окрестности, а по дорогам его искали на автомобилях, но Патрика нигде не удалось обнаружить.

На рассвете следующего дня береговой охранник Альберт Поттикари

обнаружил куртку мальчика на вершине обрыва. Он сообщил суду, что нашел куртку примерно в пятидесяти ярдах от края обрыва, там, где тропинка, ведущая от Десяти буков, начинает спускаться к Вестоверу. Куртка была придавлена камнем и покрыта росой. В кармане он нашел только написанную чернилами записку, ту самую, которая сейчас лежит на столе среди вещественных доказательств. Поттикари позвонил в полицию и принялся искать тело на берегу. Тела он не обнаружил. Прошлым вечером высшая точка прилива приходилась на 7:29, и если мальчик упал в воду или, если он упал на берег до наступления прилива и его тело унесло в море, то его уже не выбросит на берег в Вестовере. Утонувших в районе Вестовера обычно выбрасывало на берег не ближе Кастлтауна, а чаще гораздо дальше. Поэтому Поттикари не надеялся найти тело, а обыскал берег, просто выполняя предписанную процедуру.

Оказалось, что последним Патрика видел пастух Абель Таск. Он встретил мальчика на тропинке, ведущей от Десяти буков к обрыву, где-то около двух часов пополудни.

Вопрос: Что он делал?

Ответ: Лежал в траве на животе.

Вопрос: Зачем?

Ответ: Ждал, когда появится жаворонок.

— Какой жаворонок?

— Английский жаворонок.

— То есть он наблюдал за птицами. Как он вам показался?

По мнению Абея, Патрик был такой, как всегда. Он вообще-то не любил зря болтать. Что, тихий был мальчик? Да, очень приятный тихий мальчик. Они немного поговорили о птицах, и Абель пошел дальше в Вестовер. После обеда в субботу Абель был на выходном. Домой он вернулся поздно вечером. Узнал о том, что Патрика ищут, лишь утром в воскресенье.

На вопрос, много ли народу ходит по этой тропинке, Абель ответил отрицательно. Из деревни в Вестовер можно за пятнадцать минут доехать автобусом, но сам он не любил автобусы. Спускаться по скалистой тропинке к берегу довольно тяжело, и в городской обуви не пройти. Так что никто по ней в Вестовер не ходит, разве что, как он сам, человек окажется на склоне Десяти буков, спускающемся к побережью.

Беатриса показала, что смерть родителей, конечно, потрясла Патрика, но в последние дни, как ей казалось, он начал приходить в себя. У нее не было оснований думать, что он может покончить с собой. Во второй половине дня в субботу дети разбежались кто куда, потому что у них были

разные интересы, и ничего необычного в том, что Патрик оказался один, не было.

Вопрос: А его брат с ним не ходил?

Ответ: Нет. Патрик очень интересовался птицами, а Саймон увлекается разными машинами.

Вопрос: Вы видели записку, которую нашли в куртке мальчика? Считаете ли вы, что она написана рукой вашего племянника Патрика?

Ответ: Да, несомненно. Это его заглавные буквы. Кроме того, он один у нас писал стилографом.

Беатриса описала ручку Патрика. Она была сделана из черного вулканиста и вокруг ствола вилась желтая спираль. Да, она пропала. Патрик всегда носил ее с собой: это была одна из его любимых вещей.

Вопрос: У вас есть какое-нибудь объяснение, почему Патрик вдруг решился на самоубийство, хотя в два часа дня, когда с ним разговаривал его друг-пастух, у него было хорошее настроение?

Ответ: Единственное объяснение, которое мне приходит в голову, следующее: он действительно был в хорошем настроении, пока не подошло время идти домой, и тут ему показалось невыносимым возвращаться в опустевший дом, где уже не было любимых родителей, и он поддался минутному отчаянию.

К такому же выводу пришел и суд. Что мальчик покончил с собой в приступе отчаяния и был в этот момент в невменяемом состоянии.

На этом кончался газетный отчет, и на этом окончилось земное существование Патрика Эшби. Брет перелистал страницы следующего номера газеты, но не нашел ничего, кроме разных пустяковых новостей летнего сезона: о выставках, игре в шары, состязании по теннису, заседании муниципалитета, пикнике. Патрик Эшби нигде не упоминался. Он уже был предан забвению.

Брет сидел в тишине подвала, представляя себе, как это все случилось. Мальчик лежит на траве, ожидая, когда его любимые жаворонки начнут садиться на ночлег. Наступает вечер. И никто не спускается по тропинке со стороны Десяти буков.

Беатриса сказала, что Саймон увлекался машинами. Скорее всего, двигателем внутреннего сгорания. Именно в тринадцать лет мальчишки начинают интересоваться машинами. Очень может быть, что Саймон просто возился в гараже. Во всяком случае, из сообщения в газете не вытекало, что его не было дома.

Встретившись с Беатрисой в кафе, Брет едва удержался от того, чтобы не спросить ее, где был Саймон. Но не мог же он задать такой

бессмысленный вопрос: «Где был Саймон в тот день, когда я убежал из дома?» Надо как-то иначе навести на это разговор. Брет обратил внимание на старика-официанта, который знал всех молодых Эшби и, по-видимому, был глубоко потрясен внезапным возвращением Патрика. Он ставил перед Бретом блюда трясущимися руками, каждый раз говоря ломким голосом: «Пожалуйста, мистер Патрик», точно ему доставляло удовольствие просто произносить его имя. Его возбуждение достигло высшей точки, когда пришло время подавать сладкое. Он уже принес Беатрисе с Бретом по куску фруктового торта, но тут же вернулся и с выражением особой значительности поставил перед Бретом серебряный подносик, на котором было большое пирожное безе. Брет посмотрел на него с изумлением, затем, подняв глаза, увидел, что старик выжидательно смотрит на него с гордой улыбкой и слезами в глазах и явно чего-то ждет. Мысли Брета были настолько поглощены Саймоном, что он не сразу сообразил, в чем дело, и положение спасла Беатриса.

— Подумать только, Даниель помнит, как ты любил безе, — сказала она. Брет рассыпался в благодарностях, и старый официант ушел чрезвычайно довольный и растроганный, вытирая глаза ослепительно белым носовым платком, который, казалось, был размером с простыню.

— Спасибо, — сказал Брет Беатрисе. — Я совсем забыл про безе.

— Какой милый старик. Он так рад, будто это его собственный сын вернулся домой. У него погибли на первой мировой войне трое сыновей, а на следующей войне погибли один за другим все внуки. Он всегда любил маленьких Эшби, и, по-видимому, счастлив, что хоть один из дорогих ему людей возвратился из мертвых. А что ты делал все утро?

— Читал свой некролог.

— Господи, зачем тебе это нужно? Хотя вообще-то мы все с удовольствием прочитали бы свой некролог. Ты что, отыскал Макаллана?

— Да. Он просил вас кланяться. Тетя Беатриса...

— Ты уже взрослый. Не надо называть меня тетей.

— Беатриса, а какими машинами увлекался Саймон?

— Насколько я помню, Саймон никогда не увлекался никакими машинами.

— А на дознании вы сказали, что увлекался.

— Разве? Понятия не имею, что я имела в виду. А в связи с чем я это сказала?

— Чтобы объяснить, почему мы в ту субботу не были вместе. А что делал Саймон, когда я наблюдал за птицами?

Брет сделал вид, будто он просто старается вспомнить, как в Лачете

протекала жизнь.

— Да так, наверно, возился с какой-нибудь ерундой. Он ничем надолго не увлекался: то за одно возьмется, то за другое. И самое большее через две недели бросит.

— Значит, вы не помните, чем занимался Саймон в ту субботу?

— Как это ни странно, дорогой, я не помню. Я даже не помню, видела ли я его в тот день. Знаешь, когда случается что-нибудь ужасное, то стараешься обо всем этом забыть и никогда не вспоминать. Я помню, что он всю ночь разыскивал тебя верхом на своем пони. Бедный Саймон. Ты ему очень навредил, Брет. Не знаю, понимаешь ли ты это. После твоего исчезновения Саймон очень изменился. То ли потому, что перенес такой удар, то ли потому, что потерял такого уравновешенного здравомыслящего товарища. Так или иначе, он стал другим человеком.

На это у Брета не было ответа, и он промолчал. Через некоторое время Беатриса сказала:

— Ты и со мной обошелся очень плохо. Почему ты ни разу не написал, Брет?

Лодинг неоднократно говорил Брету, что это — самое слабое место во всей их афере.

— Я не знаю, — сказал Брет. — Я просто не могу этого объяснить.

В его голосе прозвучало отчаяние, которое неожиданно для него само по себе послужило своего рода объяснением.

— Ну ладно, — сказала Беатриса, — не буду к тебе приставать, мой милый. Я и не хотела об этом говорить. Просто все как-то не укладывается у меня в голове. Я так тебя любила маленького, мы были такими друзьями. Как-то совсем не похоже на тебя: уехать, жить новой жизнью и ни разу не вспомнить про нас.

На это у Брета был ответ, основанный на его собственном опыте:

— Вы просто себе не представляете, как легко в четырнадцать лет окунуться в новую жизнь и забыть про старую. С тобой постоянно случается что-то новое. Прошлое теряет всякую реальность: кажется, что ты просто видел его в кино и оно не имеет к тебе никакого отношения.

— Надо как-нибудь тоже сбежать из дома, — весело сказала Беатриса. — У меня в прошлом много такого, о чем я хотела бы забыть навсегда.

Тут подошел Даниель с сыром, и они заговорили о другом.

ГЛАВА 20

Для Брета было полной неожиданностью найти в пятницу утром рядом с тарелкой подарки ко дню рождения. Он вообще забыл, что предстоит день рождения. «Празднование совершеннолетия отложено до приезда мистера Чарльза Эшби», — сказал ему мистер Сэндел в Лондоне. Только когда ему об этом напомнила Беатриса, он осознал, что независимо от того, будет празднование или нет, вскоре наступит день, когда ему официально исполнится двадцать один год. Плохо представляя себе, как справляют день рождения в семьях, он решил, что раз не будет празднования, все ограничится поздравлениями. Поэтому, увидев около своей тарелки гору свертков, Брет совсем растерялся. Ему стало просто нехорошо при мысли о том, что сейчас ему придется при всех их распечатывать.

Но, увидев в глазах Саймона насмешливый огонек, он взял себя в руки. Ему пришло в голову, что Саймон против своего обыкновения явился к завтраку вовремя не столько из уважения к мистеру Сэнделу, сколько из желания насладиться его, Брета, смущением при виде подарков.

— С днем рождения, Брет! — раздался хор поздравлений, осыпавших его, как конфетти.

Как жаль! Как бы ему хотелось, чтобы это на самом деле была его семья, чтобы эти подарки принадлежали ему по праву и чтобы сегодня действительно был день его рождения! Оказывается, это очень приятно — праздновать день рождения в кругу семьи!

— Ты как привык, Брет, — спросила Элеонора, — открывать подарки до или после завтрака?

— После, — не раздумывая, ответил Брет. По крайней мере, у него будет время собраться с духом.

Может быть, выпив несколько чашек крепкого кофе, он наберется храбрости.

Возле тарелки Саймона, кроме подарков, лежала стопка поздравительных телеграмм от многочисленных знакомых, которые ещё не знали о возвращении его старшего брата. Саймон открывал одну за другой, читал их вслух и вкратце комментировал содержание каждой:

— Машинка для нарезания сыра! Стоит шиллинг, и ни пенни больше. Это от Вивиен. Стоило приглашать ее в дорогой ресторан, когда я в прошлый раз был в Лондоне! Интересно, что Бобби делает в Шотландии?

Он ненавидит горы, и его всегда поедом едят комары.... Гор и Бауман. С чего это они вздумали меня поздравлять? Напоминают про неоплаченный счет? Кто это — Берт Бурт? Я такого не знаю. Может, букмекер?

Когда Брету пришлось, наконец, распаковывать свертки — дальше тянуть уже было неприлично — оказалось, что все не так уж страшно. В основном, ему дарили то же, что и Саймону. Мистер Сэндел подарил обоим по старинному ситечку для чая, Беатриса — по серебряной фляжке, Элеонора — по хлысту, а близнецы — по записной книжке. Только чета Пеков сделала им разные подарки. Брет обнаружил в их свертке маленькую деревянную шкатулку, которая, когда поднимали крышку, наигрывала нехитрую мелодию. Брет, никогда в жизни не видевший музыкальной шкатулки и даже не знавший про их существование, пришел от нее в такой восторг, что совсем забыл про свое смущение.

— Это из Клер-парка, — сказала Беатриса.

Ее слова напомнили Брету о Лодинге, он вспомнил, кто он и почему здесь, и опустил крышку. Нежные колокольчики умолкли.

Сегодня днем ему предстоит окончательно продать душу черту. Так что нечего слушать трогательные наигрыши.

Процедура продажи души оказалась совсем не такой, как Брет ее себе представлял. Он наивно предполагал, что перед ним положат бумаги, он их подпишет, и на этом все кончится. Всего и дела-то минут на двадцать. Но церемония заняла несколько часов. Они с мистером Сэнделом уселись рядом за большим столом в библиотеке, и на рассмотрение Брета была представлена полная история экономической жизни Лачета. «Коссет, Тринг и Ноубл» отчитывались перед своим юным клиентом в том, как они управляли его состоянием прошедшие восемь лет.

У Брета голова шла кругом, но все же он с интересом следил за объяснениями мистера Сэндела и не мог не отдать ему должное: старик очень четко излагал все юридические и математические тонкости дела.

— Состояние вашей матушки уже, естественно, не так велико, как оно было в те старые добрые времена, когда оно ей досталось. Но состояние вполне обеспечит вам безбедную жизнь в Лачете. Как вы, конечно, заметили, положение дел в имении порой приближалось к критическому, но мисс Эшби категорически отказывалась занимать деньги под ваше будущее наследство. Она считала, что оно должно остаться в целости до вашего совершеннолетия.

Мистер Сэндел выкладывал перед Бретом различные финансовые документы, и тот впервые осознал, какие героические усилия приходилось делать Беатрисе, чтобы сводить концы с концами и поддерживать

видимость благополучия, которую являл постороннему глазу Лачет.

— А что случилось вот в этот год? — спросил он, показывая пальцем на особенно низкую цифру общего дохода.

Мистер Сэндел полистал бумаги.

— А, помню! Это был неудачный год. Очень неудачный. Одна кобыла погибла, у двух других не было приплода, очень хороший жеребчик сломал ногу, Ужасный был год. Вообще, конный завод — дело очень ненадежное. Вот, например, в этом году, — костлявый палец мистера Сэндела ткнул в еще одну низкую цифру, — дела в Лачете шли замечательно, но никто не хотел покупать лошадей, и за однолеток на ярмарке не дали даже гарантированной цены. Тут уж как повезет. В тот раз не повезло. Но зато были и удачные годы, когда удавалось покрыть потери прежних лет.

На этом мистер Сэндел покончил с конным заводом и перешел к фермам: условия их аренды, повышение плодородия почв, характеристика арендаторов, основные культуры. Наконец, он дошел до финансового положения отдельных членов семьи.

— Ваш отец получал очень большое жалованье как инженер-консультант и предполагал получать его до конца своих дней. Поэтому он много тратил на имение и на лошадей, которыми увлекался как любитель. Покупал дорогих чистокровных кобылиц и тому подобное. А когда он погиб, оказалось, что ценных бумаг у него не так много, и все эти деньги ушли на оплату налога на наследство.

Мистер Сэндел показал Брету еще один документ, где было показано, как удалось заплатить этот налог, не закладывая имение.

— У мисс Эшби есть собственные средства, и себе она никакого жалованья из доходов Лачета не положила. Не считая, конечно, денег на домашние расходы. Двое старших детей получали содержание на свои личные нужды, которое с годами постепенно увеличивалось. Не считая нескольких личных лошадей, например пони, на которых ездят дети, конный завод является семейной собственностью. Посылая Саймона или Элеонору покупать лошадей для последующей перепродажи, мисс Эшби давала им на это деньги, а доходы от продажи тренированных лошадей шли на поддержание Лачета. Правда, Саймон за последнее время купил не то одну, не то две лошади на деньги, выигранные на скачках, а Элеонора покупала лошадей на свои заработки инструктора верховой езды. Мисс Эшби вам, без сомнения, скажет, которые лошади принадлежат лично им. В наших документах они не значатся. Шотландских пони начала разводить мисс Эшби, и они — ее собственность. Вам все ясно?

— Да, — сказал Брет.

— Теперь обратимся к будущему. Банк советует вам оставить капитал вашей матери нетронутым — в виде акций. У вас есть против этого возражения?

«Мне не надо сразу большого куска, — говорил Брету Лодинг. — Я все равно пушу его на ветер. Это во-первых. А во-вторых, в банке все придут в страшное волнение. Нам вовсе ни к чему пугать банкиров. Я хочу получать небольшое недельное содержание до конца своей жизни, чтобы мне можно было плевать на наш профсоюз и на зануд-режиссеров с их придирками. А также на квартирных хозяек. Богатство, мой мальчик, состоит не в том, чтобы иметь много имущества, а в том, чтобы иметь возможность не делать того, чего делать не хочется. Не забывай этого. Богатство привлекательно тем, что можно на всех плевать с высокого дерева».

— И какой я буду получать доход с этих акций? — спросил Брет. Мистер Сэндел назвал цифру предполагаемого дохода.

Ну что ж, вполне достаточно. От этой суммы можно будет отстегнуть Лодингу его долю и еще останется достаточно на содержание Лачета.

— Не забудьте, что детям полагается содержание. А Джейн и Сандра к тому же скоро уедут в школу, и надо будет в течение нескольких лет платить за их обучение.

Брет удивился, узнав, какие незначительные суммы получают на свои расходы Саймон и Элеонора.

«Ну и ну, — подумал он, — на своем ранчо я получал больше за три месяца, чем им полагается на год». У него даже возникло немного снисходительное чувство к Саймону, который был так ограничен в деньгах, гораздо более ограничен, чем он сам.

— Не много же им положено, — сказал он мистеру Сэнделу. Старый адвокат посмотрел на него с удивлением и сухо сказал:

— Их содержание определяется общей суммой дохода.

— Я считаю, что теперь нужно будет его увеличить.

— Я с вами вполне согласен. Но вы не обязаны содержать двух взрослых людей. Это будет разбазариванием фамильного капитала. Они вполне способны зарабатывать себе на жизнь.

— Что же вы предлагаете?

— Я предлагаю немного увеличить содержание Элеоноры и выплачивать его до тех пор, пока она не выйдет замуж или не уедет из Лачета.

— Разве она собирается замуж?

— Мой мальчик, все девушки собираются замуж, особенно, если они так хороши собой, как ваша сестра. Но, насколько мне известно,

конкретной кандидатуры у нее пока нет.

— Ясно. А как насчет Саймона?

— С Саймоном сложнее. До недавних пор он считал себя владельцем Лачета. Наверно, он скоро отсюда уедет, но пока он работает на конном заводе, можно сохранить его содержание — немного, как вы предлагаете, его увеличив.

— Нет, так не пойдет, — сказал Брет, которого удивило предположение мистера Сэндела, что Саймон обязательно уедет из Лачета. Саймон ни разу не выражал такого желания. — Я считаю, что он имеет право на долю капитала.

— Вы хотите сказать — моральное право?

— Да, моральное.

— Может быть, и так, но я с этим согласиться не могу. Нельзя раздавать капитал. Одно дело — назначить содержание; оно выплачивается из доходов. Но отдать часть основного капитала — это значит, разрушить финансовую структуру имения.

— В таком случае я предлагаю — если Саймон захочет уехать и завести собственное дело — дать ему заем из суммы основного капитала под номинальный процент. Я бы предпочел вообще не брать с него процентов, но вы ведь, наверно, скажете: только через мой труп!

Старик улыбнулся.

— Против этого у меня возражений нет. Я считаю, что все трудности у вас позади, и Лачет прочно стоит на своих ногах. Полагаю, что заем Саймону не вызовет особых затруднений. Зато мы не будем выплачивать ему содержание. Так какую же сумму мы им назначим?

Этот вопрос они решили очень быстро.

— Теперь о пенсионерах, — сказал мистер Сэндел.

— Пенсионерах?

— Речь идет о престарелых служащих, которые больше не могут работать и получают пенсии от Лачета.

Брет опять несказанно удивился. Глядя на длинный список пенсионеров, он подумал: неужели во всех английских поместьях тратят так много денег на стариков? Мистер Сэндел как будто считал это само собой разумеющимся: такая же простая порядочность, как платить подоходный налог. Он был против чрезмерной помощи молодым и здоровым членам семьи: пусть сами зарабатывают себе на жизнь. Но он считал естественным, что имение должно содержать стариков-служащих. Например, няню, которой исполнилось девяносто два года и которая живет в Шотландии; или старого конюха восьмидесяти девяти лет, живущего в

Клере; или другого старого конюха, который живет в Гессгейте. Кроме того, в списке была повариха, которая работала в Лачете, пока ей не исполнилось шестьдесят восемь лет, а потом переехала к дочери в Хоршем. Дочери самой уже шестьдесят девять лет. И так далее.

Брет подумал о развязной блондинке в цветастом платье, которая так радостно приветствовала его в Лачете. Кто будет платить пенсию ей? Правительство?

Брет согласился продолжать выплату пенсий. Затем в библиотеку пригласили Саймона — ему тоже следовало подписать документы. Уставший за долгий и трудный день, Брет внутренне усмехнулся, заметив, как расширились глаза Саймона при взгляде на его, Брета, подпись. Саймон уже почти десять лет не видел этих характерных прописных букв — и вот они вызывающе смотрели на него со стола библиотеки. Вот так, приятель, будешь знать, как развлекаться по поводу смущения человека, которому приходится принимать подарки на чужом дне рождения.

Потом в библиотеку пришла Беатриса, и мистер Сэндел сказал ей об увеличении содержания старших детей и о намерении Брета предоставить Саймону заем на обзаведение. Когда Саймона посвятили в этот план, он задумчиво поглядел на Брета, и взгляд его ясно сказал: «Подкупить хочешь? Ничего не выйдет, приятель. Никуда я отсюда не уеду, и будешь как миленький платить мне содержание». Нет, Саймон явно предполагал и дальше жить в Лачете.

А вот у Беатрисы был довольный вид. По дороге в столовую она взяла Брета под руку и пожала ему локоть со словами: «Молодец, Брет!».

— За завтраком я поздравил вас обоих и пожелал всего наилучшего, — сказал мистер Сэндел, подняв бокал. — А сейчас мне хочется произнести тост. За Патрика, который не только вступил во владение своим наследством, но и принял на себя все вытекающие из этого обязательства.

— За Патрика! — хором повторили сидящие за столом.

— За Патрика! — последней сказала Джейн.

Брет посмотрел на нее. Она улыбнулась.

ГЛАВА 21

После обеда Саймон повез Сэндела на станцию. Когда они уехали, Беатриса сказала Брету:

— Если тебе не хочется весь день принимать поздравления, я возьму визитеров на себя. Мне все равно надо заняться счетами. А ты не хочешь помочь Элеоноре проездить лошадей? По-моему, она опять ушла на конюшню.

Брету очень хотелось поехать на прогулку с Элеонорой, но у него было еще более сильное желание: сегодня, в день, когда Патрик Эшби вступил бы в права наследования, ему хотелось пройти пешком на холм Десять буков по тропинке, по которой Патрик шел к морю в последний день своей жизни.

— Я тоже поеду с Бретом, — сказала Сандра, и Брет заметил, что Джейн остановилась в дверях, чтобы услышать, как он отнесется к этому предложению. Похоже было на то, что и она не прочь поехать с ними. Но Беатриса решительно пресекла домогательства Сандры, сказав, что Брет и так весь день провел в их обществе и, наверно, хочет от них отдохнуть.

— Почему же он не хочет отдохнуть от Элеоноры? — возразила Сандра.

Но Брет уверил ее, что собирается пройти пешком один.

Чтобы не столкнуться с визитерами, он сразу завернул за угол дома и пошел мимо выгонов. В одном из них Элеонора гоняла на корде молодого жеребчика. Брет простоял под деревьями, наблюдая за ней и восхищаясь ее выдержкой и терпением, ее умением успокоить и заставить слушаться удивленного и негодующего однолетка, даже находясь от него на расстоянии длинного поводка. А ее воздыхатель-доктор что-нибудь понимает в лошадях?

Холм Десять буков был покрыт ковром удивительно мягкой пружинистой травы. По такой траве Брет не ходил с детства. Он медленно шел вверх по склону, вдыхая напоенный травами воздух, глядя на бегущие по земле тени больших облаков. Потом он свернул с тропинки к вершине холма, где росли буки. Оттуда должен быть виден весь противоположный склон до обрыва над морем. Здесь лежал на траве Патрик Эшби наедине с жаворонками.

Проходя мимо заброшенной каменоломни, Брет увидел сидящего в тени кустов старика, который уплетал толстый ломоть хлеба, намазанный

вареньем. Брет поздоровался с ним и прошел было мимо.

— Что-то ты зазнался, парень! — крикнул тот ему вслед.

Брет резко повернулся и вперился в лицо старика.

— Съездил в заморские страны и от старых друзей нос воротить!

Старик откусил еще кусок, разжевал, проглотил и сказал, глядя на Брета из-под полей своей бесформенной фетровой шляпы:

— Много бы ты без меня нашел гнезд!

— Абель!

— Ага, узнал! — сердито сказал старик.

— Абель! Как я рад тебя видеть!

— Лежать! — прикрикнул старик на собаку, которая высунулась у него из-под полы обнюхать чужака.

Абель!

Брет никак не мог привыкнуть к мысли, что перед ним во плоти сидит человек, о котором он вчера читал в газете восьмилетней давности.

Видя, что Брет искренне рад встрече, Абель постепенно смягчился и признался, что узнал Брета издалека.

— Что, охромел?

— Да, прихрамываю.

— Сломал ногу?

— Да.

— Ну и ладно, ты, парень, никогда не был нытиком, — сказал Абель одобрительным голосом: дескать, сломал, так сломал, нечего об этом распространяться.

Брет сел на землю, оперся спиной о прочный забор, которым была обнесена каменоломня, чтобы овцы ненароком не упали в карьер, вынул портсигар и решил пока никуда дальше не ходить.

За следующий час он многое узнал о Патрике Эшби, но ничто из этого, что ему поведал Абель, не объясняло его самоубийства. Как и все, Абель был поражен смертью мальчика и отказывался верить, что тот наложил на себя руки. И сейчас радовался, что оказался прав.

Патрик никогда не был нытиком, даже если житуха совсем была невмочь.

Потом Брет проводил Абеля до купы буков и остался там сидеть, глядя вслед старику и собаке. После того, как они скрылись из вида, он еще долго сидел под буками, чувствуя, как в этом безлюдном месте, где слышался лишь шорох ветра в кронах деревьев, у него делается легче на душе. Потом он встал и пошел по зеленому склону вниз, пока не вышел на тропинку, которая вывела его назад к деревне.

Когда Брет спустился на дорогу, ветер донес до него знакомый звон железа, бьющего по железу. На секунду ему даже показалось, что он опять на ранчо Уилсона, что в горне краснеют угли, а за сараем — как ее? — Кора, ждет, когда он приберется в кузнице. Потом Брет вспомнил, откуда идет звон: вон из того домика у подножья холма. До вечера было еще далеко, и он решил пойти посмотреть английскую кузню.

Изнутри она мало отличалась от кузницы Уилсона, Только потолок был значительно ниже. Кузнец был один — его помощник наверняка был наемным работником и защищен законом о максимальной продолжительности трудового дня — и ковал подкову. Он кивнул Брету и продолжал заниматься своим делом Брет какое-то время молча глядел, как он работает, потом прошел в кузницу и стал качать меха. Кузнец поднял на него глаза и улыбнулся. Закончив подкову, он сказал:

— А я вас сначала против света не узнал. Очень рад опять видеть вас у себя в кузне, мистер Патрик.

— Спасибо, мистер Пилбим.

— Вы, вроде, ловчей обращаетесь с мехами, чем раньше.

— Мне пришлось довольно долго работать в кузнице.

— Да? Подумать только!

Кузнец вынул из горна раскаленную докрасна подкову и хотел заняться ею, но передумал и с ухмылкой протянул ее Брету. Тот принял вызов, взял молот и ловко выковал подкову. Мистер Пилбим, выступая в роли подручного, наблюдал за его действиями с критическим одобрением.

— Чудно! — сказал он, когда Брет бросил готовую подкову в ведро с водой. — Скорее уж ваш брат должен был бы добывать себе хлеб работой в кузнице.

— Почему?

— Да вы ведь никогда особенно не интересовались этим делом.

— А Саймон интересовался?

— Одно время его нельзя было выгнать из кузницы. Чего он только ни собирался выковать: от подсвечника до чугунных ворот для Лачета. Только ничего, помнится, не сделал, кроме крюка для ловли овец, да и то не очень-то хороший вышел крюк. Но в кузнице он околачивался целое лето.

— А которое лето, не помните?

— То самое лето, когда вы уехали. Я бы, может, и не вспомнил, которое, да только он был здесь — смотрел, как мы чиним колеса от телеги — в тот день, когда вы убежали. Я его вечером прогнал домой ужинать.

Брет стоял, разглядывая сделанную им подкову, а мистер Пилбим, видимо, решил, что пора и пошабашить.

— Надо бы ее повесить на стену, — сказал он, кивая на изделие Брета, — и под ней подписать: «Сделано Патриком Эшби». Хорошая работа. Лучше я и сам бы не выковал.

— Отдайте ее старому Абелю — пусть прибьет над дверью.

— Господь с вами, Абель железа в дом не допустит. Отпугнет его гостей.

— Дружит с домовыми, да?

— Послушать людей, так они ему стирают белье и убирают дом.

— С него станется, — сказал Брет. И пошел домой.

Значит, у Саймона есть алиби. Саймон в тот день на утесе не был. Он провел весь день в кузнице.

И никуда от этого не денешься.

По дороге домой Брет встретил возле выгонов Джейн. Ему показалось, что она специально его поджидала — зачем еще ей там околачиваться? Она разговаривала с Хани и ее жеребенком, и при появлении Брета не попыталась, как обычно, тут же удрать.

— Привет, Джейн, — сказал Брет и тоже остановился возле кобылы с жеребенком. Лицо у Джейн пылало, и она явно была сильно взволнована. Пусть соберется с духом.

— Ну что, пошли домой? Скоро ужин, — наконец сказал Брет, видя, что Джейн не в силах заговорить сама.

Девочка перестала гладить кобылу и решительно повернулась к Брету.

— Я хотела тебе что-то сказать. Можно?

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет-нет, ничего не нужно. Просто, когда ты приехал из Америки, я вела себя нехорошо по отношению к тебе и хочу извиниться.

— Ну что ты, моя девочка, — проговорил Брет. Ему хотелось прижать ее к груди.

— Я не то чтобы нарочно это делала, — продолжала Джейн, умоляюще глядя на него, — я просто... это потому что...

— Я знаю почему.

— Знаешь?

— Конечно, знаю. И вполне тебя понимаю.

— Правда?

— Ты была обижена за Саймона. Это говорит о том, что у тебя справедливое сердечко.

— Так ты принимаешь мои извинения?

— Конечно, принимаю, — с серьезным видом сказал Брет и протянул ей руку.

По дороге Джейн чинно шла рядом и, как взрослая, обсуждала, какую цену дадут на ярмарке за жеребенка Хани и как его надо назвать. Они так увлеклись, придумывая разные клички, что Джейн скоро забыла свое смущение, и к дому они подошли, весело и непринужденно болтая.

В дверях показалась Беатриса.

— Не очень-то вы спешите, ребятки, — сказала она, окинув их внимательным взглядом. — А ужин уже на столе.

ГЛАВА 22

Итак, Брет завоевал Лачет и расположение всех его обитателей — всех, кроме Саймона.

В воскресенье он пошел со всеми в церковь и героически вынес полуторачасовой обстрел любопытными взглядами. Кроме нонконформистов и трех детей, заболевших корью, в церковь явилось все население Клера. Беатриса даже показала Брету нескольких прихожан, которые по воскресеньям обычно собирались для молитв в кирпичном сарае на другом конце деревни, но которые на этот раз решили смириться с ненавистным ритуалом и порядками английской церкви, чтобы самолично разглядеть восставшего из мертвых Патрика Эшби. Что касается ортодоксальных англичан, то и среди них в церкви были такие, которые не переступали ее порога с крестин своего последнего ребенка. Явилась даже Лана Адамс, которая, по общему мнению, не была ни в церкви, ни в молельне со времени своих собственных крестин, состоявшихся в кирпичном сарае лет двадцать тому назад.

Брет сидел на скамье между Беатрисой и Элеонорой, а Саймон — по другую руку от Беатрисы. Сандра и Джейн сидели за Элеонорой. Сандра упивалась всеобщим вниманием и с увлеченным видом пела гимны. Джейн взирала на прихожан с холодным неодобрением. Брет перечитывал надписи над урнами предков Эшби и слушал, как викарий тихим голосом потчевал жителей Клера очередной порцией абстрактных рассуждений. То, что он говорил, нельзя было назвать проповедью в обычном смысле слова. Скорее, он размышлял вслух. Если закрыть глаза, покажется, что сидишь в кресле перед камином и слушаешь его рассуждения. Брет вспомнил проповедников, служивших воскресные службы в приюте: одни громко зывали к Всевышнему, другие как бы беседовали с ним один на один, третьи разыгрывали целое представление, то повышая, то понижая голос, как декламаторы-любители, четвертые были с Богом вроде бы на ты и за руку, а пятые ломались и эстетствовали. Джордж Пек выигрывал по сравнению со всеми ними. Казалось, что он совсем не думает о себе, что в церковной карьере его меньше всего привлекает обязанность выступить перед паствой с амвона.

После службы Брет был приглашен в дом викария на обед. Но сначала ему пришлось выслушать поздравления жителей Клера. Беатриса вышла из церкви вместе с ним, чтобы помочь ему вынести это нелегкое испытание,

но ее отвлекла миссис Глум, и Брет оказался брошенным на произвол судьбы. При виде устремившихся к нему незнакомых людей его охватила паника. Впереди наступала женщина с румяным лицом и в шляпе, украшенной букетиком искусственных розочек. Кто это? Как ему себя с ней вести? Он же понятия не имеет, кто она такая и кто такие все эти люди, явно ожидающие своей очереди поздравить его.

— Это — Сара Гудвин, которая приходила к нам помогать при большой стирке, помнишь? — услышал он голос Элеоноры. Со светской непринужденностью она провела его от одной группы прихожан к другой, вполголоса представляя каждого: «Гарри Уоттс. Чинил наши велосипеды»; «Мисс Марчант. Учительница нашей школы»; «Миссис Степли. Акушерка»; «Томми Фит. Работал у нас в саду»; «Миссис Стэк. Совет сельских ремесел».

Элеонора благополучно проводила Брета до калитки, которая вела в сад викария, открыла ее, легонько подтолкнула его в спину и сказала:

— Ну вот и все. Добрались до «укромки».

— До чего?

— Неужели забыл? Когда мы играли в прятки, место, где никто не мог тебя найти, называлось «укромка».

«Рано или поздно, — думал Брет Фаррар, идя по дорожке к дому викария, — ты споткнешься на чем-нибудь таком, от чего не отговоришься забывчивостью».

За обедом Брет и викарий больше помалкивали и слушали Нэнси, но Брет чувствовал себя легко и непринужденно. После обеда он пошел с викарием прогуляться в саду. Тот расспрашивал его, как он жил эти восемь лет вдали от Лачета и внимательно слушал ответы. Одним из многочисленных достоинств Джорджа Пека было умение слушать собеседника.

В понедельник Брет поехал в Лондон в ателье Гора, Бауена и Уолтерса, где его усадили в кресло и сначала показывали рулоны тканей издалека, а потом подносили их поближе, чтобы он мог пощупать и разглядеть ее рисунок и оценить качество. Уолтер снял с него мерку, а Гор и Бауен заверили его, что через одну-две недели у него будет гардероб, которого не постыдится самый взыскательный английский джентльмен. Брет с изумлением узнал, что рубашки Эшби шьют на заказ. Он был рад, что смог явиться в ателье в приличном костюме, который ему сшил портной мистера Сэндела. Но он никак не ожидал, что ему выразят сочувствие по поводу дорогой американской рубашки, которую он надел под этот костюм. Однако, в чужой монастырь...

Брет заказал и рубашки.

Он пообедал с мистером Сэнделом, а потом они вместе съездили в банк, где их принял управляющий. Брет снял со своего счета изрядную сумму денег и послал пачку банкнотов заказным письмом Алексу Лодингу. Так они договорились: никаких переводов, наличные в конверте. И никаких телефонных разговоров. Ничего, кроме анонимных пачек денег в конверте.

Этот первый платеж своему соучастнику оставил во рту Брета неприятный вкус. И это не был только вкус клея на конверте, который он лизнул, прежде чем его запечатать. Он зашел в пивную и выпил кружку пива, но неприятное чувство не проходило. Тогда он сел на автобус двадцать четвертого маршрута и поехал в Пимлико взглянуть на свою прежнюю квартиру. И ему сразу стало легче.

Брет уехал поездом, отходившим в 16.10, и на станции Гессгейт его встретила Элеонора на «блохе». Как это было не похоже на тот первый день! Он уже не страшился встречи с Элеонорой, и она не представляла собой неведомой опасности.

— Думаю, ну зачем ему дожидаться автобуса, когда я могу его встретить, — сказала Элеонора, когда он сел в машину рядом с ней и они тронулись в путь. — Теперь тебе долго не надо будет никуда уезжать.

— Это верно. Только вот на примерку и к зубному врачу.

— Ну, это на один день: утром туда, вечером обратно. Может быть, еще надо будет поехать встречать дядю Чарльза. А до тех пор можно жить потихоньку и никуда не спешить.

И Брет стал потихоньку жить в Лачете.

По утрам он проезживал лошадей или тренировал их на препятствиях. Ездил на верховые прогулки с Элеонорой и ее учениками из Клер-парка и так благотворно повлиял на Тони Тоселли, что тот в один прекрасный день явился на урок в новеньком с иголочки костюме для верховой езды, который отец наконец купил ему, не устояв перед пространными и пылкими телеграммами, подобных которым еще никто не отправлял с почты Клера. Брет гонял на корде жеребчика-однолетку и наблюдал, как Элеонора приучает молодого чистокровного скакуна элегантно ступать и красиво держать голову. Почти весь день Брет проводил рядом с Элеонорой, а по вечерам они обсуждали, чем займутся завтра с утра. Беатриса радовалась их дружбе, но она жалела, что они мало общались с Саймоном, который все чаще отлучался из дома от завтрака до ужина. Утром он тренировал Тимбера или Скапу, а потом под тем или иным предлогом уезжал в Вестовер и там обедал в ресторане. Иногда, когда он заявлялся к ужину, Беатрисе казалось, что он не совсем трезв. Но дома он

пил мало — разве что вместо обычно одной выпьет две рюмки. И она решила, что ей мерещится. Саймон был то мрачен, то чрезмерно весел, но в этом не было ничего нового, он всегда отличался непостоянством настроения. Беатриса считала, что он сбегает из дома от трудной для него ситуации, и надеялась, что с течением времени он поладит с Бретом так же хорошо, как и Элеонора.

— Тебе надо выступить в каком-нибудь виде соревнований в Бьюресе, — как-то сказала Брету Элеонора. — А то будет выглядеть очень странно.

— Я могу выступить на пони — как предлагала Сандра.

— Ну, это просто забава. Никто не принимает этот забег всерьез. Тебе надо выступить в скачках с препятствиями на какой-нибудь нашей лошади. К тому времени будет готов твой собственный костюм для верховой езды. Ну так как?

— А на какой лошади мне выступить?

— Ну, после Тимбера самая резвая лошадь у нас — Шеврон.

— Но Шеврон же принадлежит Саймону!

— Ничего подобного. Его купила Беатриса на заводские деньги. А ты вообще когда-нибудь выступал на скачках?

— Да, много раз. Но это были небольшие местные скачки. И призы там были пустяковые.

— Кажется, Беатриса собирается записать Шеврона на забег полукровок, но это не значит, что ему нельзя будет под конец дня выступить в скачках с препятствиями. Он — комок нервов, но прыгает прекрасно и резвость у него отличная.

За ужином они сообщили свой план Беатрисе, и она с ними согласилась.

— Какой у тебя жокейский вес, Брет?

— Шестьдесят два килограмма.

Беатриса задумчива поглядывала на орудующего ножом и вилкой Брета. Слишком уж он худ. Правда, Эшби вообще не склонны к полноте, но у Брета какая-то нездоровая худоба. А по вечерам у него особенно утомленный вид. Как разделаемся с совершеннолетием, надо будет показать его хирургам — может быть, можно что-нибудь сделать с ногой. Наверно, это из-за нее он кажется не прости худым, а изможденным. Хромота его, конечно, беспокоит — и физически, и морально. Надо посоветоваться с Питером Спенсом: он наверняка знает хорошего хирурга.

Беатриса с радостью обнаружила, что у Брета есть то, чего явно не хватало Саймону — широкий интерес к животному по имени «лошадь».

Саймон неплохо разбирался в разведении, но только постольку, поскольку это касалось его личных интересов, теоретически же его знания исчерпывались информацией, почерпнутой из журнала «Бега и скачки». Брет же читал книги по коневодству с таким увлечением, словно это были детективные романы. Как-то вечером, зайдя в библиотеку, чтобы выключить свет, который кто-то, видимо, оставил гореть, Беатриса нашла там Брета с племенной книгой в руках. Он сказал ей, что пытается проследить родословную Хани.

— Это не та книга, — сказала Беатриса и нашла ему нужную.

Занятая своими делами, она вскоре забыла про Брета и родословную Хани. Но через два часа она заметила, что в библиотеке все еще горит свет, и пошла посмотреть, чем занят Брет. Он обложился книгами и был так поглощен своими изысканиями, что даже не услышал, как вошла Беатриса.

— До чего же это интересно, — сказал он, разглядывая фотографию жеребца Бенд-ора. Другие тома тоже были раскрыты на фотографиях лошадей, которые ему особенно нравились, и стол в библиотеке был похож на развал букиниста, старающегося привлечь внимание покупателей.

— Тут нет моей любимой фотографии, — сказала Беатриса, окинув взглядом разложенные на столе племенные книги, и сняла с полки еще один том. Обнаружив полнейшее невежество Брета в истории английской чистокровной верховой лошади, она рассказала ему, как выводилась эта порода и показала фотографии исходного материала: арабских, текинских и берберийских верховых лошадей. В полночь на полу библиотеки оказалось больше книг, чем на полках, а Брет с Беатрисой были страшно довольны друг другом.

После этого, если Брет исчезал из вида, его находили в библиотеке, где он или прослеживал по племенным книгам родословную какой-нибудь лошади или просто разглядывал фотографии знаменитых скакунов.

Брет любил разговаривать с Греггом и прислушивался к каждому его слову. Вскоре Грегг начал оказывать ему такое уважение, которого никогда не удостоивался Саймон. В его отношении к Брету не было и следа настороженности, которую главный конюх мог бы проявлять по отношению к новичку в коннозаводческом деле, который к тому же был его хозяином. Грегг видел, что Брет искренне увлечен лошадьми, понимает, что многого о них не знает, и готов учиться. Беатриса улыбалась, когда, проходя мимо сбруйной, слышала монотонный голос Грегга и редкие односложные замечания Брета.

— Черта два, говорю, я дам вам ее застрелить: через месяц эта лошадь будет здоровехонька. Еще не хватало пустить на корм вашим проклятым

собакам такую прекрасную кобылу — слишком жирно им будет. И что вы думаете?

— Что?

Беатриса благодарила судьбу за то, что не только вернула ей племянника, но и за то, что она вернула его именно в таком виде. Перебирая в уме возможные обличья взрослого Патрика, она не переставала удивляться, что он получился как по заказу — именно таким, каким бы ей хотелось его видеть. Конечно, он чересчур молчалив и скрытен. Но в его обществе, даже не зная его как следует, чувствуешь себя спокойно. И уж конечно, легче иметь дело с его бесстрастностью, чем со взрывчатой переменчивостью Саймона.

Беатриса написала длинное письмо дяде Чарльзу, которое он должен был получить в Марселе. В письме она подробно описала его нового внучатого племянника, ведь в телеграммах так мало можно было сказать, и конечно, Чарльз вряд ли оценит то, что Брет любит лошадей и умеет с ними обращаться. Сам он лошадей терпеть не мог, считая их безгранично тупыми, неуравновешенными и лишенными всякого соображения животными. Чарльз как-то заявил, что любой трехмесячный ребенок, не страдающий врожденными дефектами умственного развития, скорее сообразит, что к чему, чем самый умный чистокровный конь. Чарльз любил кошек и, если его удавалось заманить в конюшню, он тут же отыскивал кошку, брал ее на колени и сидел с ней где-нибудь в сторонке, пока не заканчивался осмотр лошадей. Он и сам был похож на кота: большой, мягкий, с пухлым круглым лицом. У него почти не было морщин, и он лишь слегка щурился, чтобы удержать монокль, который он поочередно вставлял то в один глаз, то в другой в зависимости от того, какая рука у него была свободна. И хотя Чарльз был высок ростом, он так мягко ступал на своих больших ногах, словно ничего не весил.

Чарльз любил родной дом в Англии и родных людей, но говорил, что сам он принадлежит к прошлому, более мужественному веку, когда лошадь была просто средством передвижения и могла переносить большие тяжести, и когда не нужны были жокеи с цыплячьими костями, чтобы никчемные чистокровки могли перепрыгивать через бессмысленные и никому не нужные препятствия.

Голодный кот все равно прыгнет выше и дальше любой лошади, и его к тому же не надо этому специально обучать.

Но внуков своего брата Чарльз обожал до последней цыплячьей косточки. И потому-то Беатриса так подробно писала ему, каким замечательным парнем оказался Патрик.

«Всего за две недели он превратился из незнакомца в своего человека — настолько своего, что мы его просто не замечаем. И дело вовсе не в том, что он сознательно держится в тени. Нет, он совсем не тушуетя — он просто чувствует себя дома. Даже наши деревенские соседи уже перестали поглядывать на него с нездоровым интересом и ведут себя с ним так, точно он никогда никуда не уезжал. Он неразговорчив, но у него живой ум и порой он может отпустить прямо-таки уничтожающую реплику. Однако его собеседник не чувствует себя обиженным, потому что сарказм облечен в чрезвычайно мягкую форму. Речь у него правильная с небольшим американским акцентом, то есть он немного растягивает гласные. Но у него это совсем не похоже на то, что иногда делает Саймон. Брет растягивает гласные просто потому, что он привык так говорить, а не для того, чтобы выразить пренебрежение.

Брет покори нас, но, главное, он покорил Джейн, которая считала, что его возвращение — несправедливость по отношению к Саймону. Несколько дней она избегала Брета, но потом капитулировала. Сандра же с самого начала приняла его с распростертыми объятиями, но Брет реагировал на это довольно прохладно. По-моему, ему не нравилось, что она с такой готовностью переметнулась к нему от Саймона, и сейчас Сандра умерила свои восторги.

Джордж Пек вроде бы вполне его одобряет, но, кажется, не может простить ему многолетнего молчания. Конечно, мне тоже нелегко это простить. Честно говоря, я нахожу это молчание необъяснимым. Видимо, надо попытаться понять, как велико было смятение, которое выгнало его из дома.

Саймон ведет себя безукоризненно. Он воспринял случившееся с поразительным мужеством и благородством. Но мне кажется, что в глубине души он очень несчастлив и не узнает в оттеснившем его на второе место Патрике брата, которого он так любил. Своим молчанием Патрик навредил больше всего Саймону. Остается думать, что он вообще не собирался к нам возвращаться. Я пыталась его расспрашивать, но мне не удалось вызвать его на откровенность. Он ребенком был склонен к замкнутости, а сейчас стал еще более сдержанным. Может быть, он будет более откровенным с тобой.

Мы тут готовимся к выставке в Бьюресе. Могу тебя порадовать — она состоится за три дня до прибытия твоего парохода. Мы надеемся не ударить в грязь лицом на соревнованиях. У нас есть три новые, очень приличные лошади. Посмотрим, как они себя покажут. Лачету реклама не повредит. Патрик отказался выступить на соревнованиях, предоставив

пожинать лавры Саймону и Элеоноре — да, собственно, они им по праву и принадлежат. Этот жест, на мой взгляд наиболее полно выражает суть Патрика».

ГЛАВА 23

Поскольку на скачках на Тимбере собирался выступить Саймон, Брет предоставил ему тренировать жеребца, а сам занялся другими лошадьми. Но бывали дни — и в последнее время это происходило все чаще — когда Саймона весь день не было дома и кому-то надо было проезживать Тимбера. Сам себе в том не признаваясь, Брет радовался каждой такой возможности. Ему нравились почти все лошади в конюшне, хотя некоторых он и презирал, но с особой симпатией относился к впечатлительному Шеврону, доброй благоразумной Скапе и старому Бастеру, который утратил иллюзии молодости, сохранив добрый нрав. Но Тимбер стоял особняком. Единоборство с коварной лошадью приносило Брету огромное удовольствие. Тимбер задавал загадки и Тимбер рождал в нем восторг победы.

Брет был твердо намерен отучить Тимбера от его повадки сбрасывать седока с седла, но пока ничего не предпринимал. Нельзя было подорвать в лошади уверенность в себе перед соревнованиями в Бьюресе. Придет день — Брет уж об этом позаботится — когда Тимбер получит жестокий урок. А пока что пусть Саймон выступает на лошади, исполненной высокомерной самоуверенности. Поэтому Брет обращался с Тимбером весьма мягко, но исподволь присматривал место, где Тимбера, когда придет время, можно будет вылечить от его преступных замашек. У буков на холме не было достаточно низко нависших ветвей, да к тому же на вершине холма не удастся развить нужную скорость. Брет искал открытое место и отдельно растущие деревья с низко нависшими ветвями, которые прельстили бы Тимбера возможностью расправиться с седоком. Тут-то Брет его и проучит. Брет вспомнил, что Тимбер совершил свое самое гнусное деяние в Лерридж-парке: надо поискать похожее место в Клер-парке и его окрестностях.

— А что, директор школы разрешает нам ездить верхом в парке? — спросил он Элеонору, когда до выставки в Бьюресе еще оставалось семь дней.

— Он не возражает против этого, только просит не заезжать на спортивные площадки. Собственно говоря, они не устраивают спортивных игр; по их мнению, всякое организованное предприятие вредно для детской психики, если только его не организовали русские у себя в России. Но в целях рекламы они поддерживают спортивные площадки в порядке.

В следующий раз Брет направил Тимбера на противоположный склон долины и проскакал с ним легким галопом по мягкой ухоженной траве Клер-парка, зорко следя за тем, чтобы не оказаться около деревьев. Потом он шагом проехал мимо некоторых из них, прикидывая высоту нижних ветвей. Тимбер воспринял этот маневр с недоумением и одновременно жадным интересом. Казалось, можно было проследовать ход его мыслей: «Что это значит? Зачем человек разглядывает большие деревья?» Наделенный, как все лошади, выдающейся памятью, Тимбер отлично помнил, какие восхитительные возможности таят в себе большие деревья, но, будучи всего только лошадью, не мог понять, с чего вдруг седок проявляет к ним интерес.

Изячно выступая, Тимбер послушно подходил к каждой группе деревьев, пока они не приблизились к большому дубу, представлявшему собой гордость Клер-парка. Оказавшись в тени его широко раскинувшейся кроны, Тимбер вдруг уперся в землю передними ногами и испуганно фыркнул. «Странно, — подумал Брет. — Что помнит конь об этом дереве? Что его в нем пугает?» Брет поглядел на сторожко стоявшие уши лошади. А может быть, он ничего не помнит? Может быть, он увидел что-нибудь в траве?

— Вы всегда так подкрадываетесь к девушкам? — Раздался голос, и из травы приподнялась Шейла Парслоу. Опершись на локоть, она оглядела лошадь и всадника. Брет был удивлен, застав ее одну. — Вы ездите только на этой черной бестии?

— Да нет, — ответил Брет. — На других лошадях тоже.

— Вы случайно не меня искали в парке?

Брет ответил, что он искал место, где можно было бы отучить Тимбера от вредных замашек.

— А какие у него вредные замашки?

— Он имеет обыкновение нырять под низко нависшие ветви деревьев и сбрасывать таким образом седока с седла.

Мисс Парслоу села повыше и с интересом посмотрела на лошадь.

— Да! А я и не думала, что бывают такие сообразительные животные. А как вы собираетесь его от этого отучить?

— Я хочу сделать так, чтобы ему неповадно было нырять под низкие ветки.

— То есть вы его побьете, если он попытается это сделать?

— Нет-нет. Это нисколько не поможет.

— Отхлещете после?

— Нет. У него может не возникнуть никакой связи между трепкой и

деревом. — Брет провел хлыстом по холке Тимбера, и тот пригнул голову.

— Вы не представляете, какие странные ассоциации возникают у лошадей.

— Очень может быть. Ну и как же вы собираетесь его проучить?

— Я позволю ему промчаться во весь опор мимо какого-нибудь соблазнительного дерева, а когда конь под него свернет, изо всех сил хлестну его по животу — так, чтобы он это запомнил на всю жизнь.

— Ой, так нельзя! Ему же будет больно. Бедняжка Тимбер!

— Больно будет мне, если я не успею вовремя соскользнуть с седла, — сухо сказал Брет.

— И вы думаете, это его образумит?

— Надеюсь. Когда он в следующий раз увидит подходящее дерево, он вспомнит, как ему было больно.

— Но он вас возненавидит.

Брет улыбнулся.

— Скорее всего он не поймет, что это моих рук дело. Вряд ли он даже свяжет эту боль с хлыстом. Лошади не умеют думать логически, как люди.

— И что же он подумает? Кто причинил ему эту боль?

— Скорей всего он подумает, что это сделало дерево.

— Я всегда считала, что лошади — очень глупые животные.

Тут Брет сообразил, что он давно не видел Шейлу на верховых прогулках, которые организовывала Элеонора. Да и вообще он за последнее время ни разу не встречал девушку в конюшне.

— Ну и как продвигаются уроки верховой езды? — спросил он.

— Никак. Я их бросила.

— Совсем?

— Ага.

— Но у вас же начало получаться! Элеонора говорила, что у вас дело пошло на лад.

— Да не очень-то пошло. — Шейла принялась жевать травинку, с усмешкой глядя на Брета. — Кроме того, мне нет больше нужды околачиваться на конюшне. Если мне надо повидать Саймона, я знаю, где его найти.

— Где же? — спросил Брет, не в силах превозмочь любопытства.

— В баре на втором этаже «Ангела».

— В Вестовере? Разве вам разрешают ездить в Вестовер, когда вам вздумается?

— Я езжу в Вестовер к зубному врачу. — Шейла хихикнула. — То есть, ездила. Конечно, в первый раз директор сам записал меня на прием. А

потом я просто стала ему говорить, когда доктор велел мне прийти в следующий раз. У меня тридцать зубов, и пока он их все вылечит, тут и каникулы начнутся. — Она засмеялась. Зубы у нее были на редкость белые и здоровые. — А тут я жду автобуса в Вестовер. Можно было поехать на предыдущем, но на этом очень симпатичный кондуктор. Уже приглашал меня в кино. Если бы Саймон по-прежнему притворялся, что не замечает моего существования, может быть, я и занялась бы этим кондуктором — видели бы вы, какие у него ресницы! — но раз уж Саймон перестал заноситься, пожалуй, кондуктору ничего не перепадет. — Она жевала травинку, вызываясь глядя на Брета. — С Саймоном у нас теперь дружба.

— Да?

— А вы случайно не соблазнили дочку Гейтса, как я вам советовала?

— Нет.

— Странно. Он явно ее сторонится. Да и к вам не очень-то расположен. Вот я и подумала, что вы отбили у него Пегги. Но, наверно, дело в том, что вы отбили у него Лачет.

— Вы так опоздаете на автобус.

— Вы тоже умеете поставить человека на место, только по-другому, чем Саймон.

— Я просто хотел сказать, что автобус уже показался около кузницы. Еще три-четыре минуты — и он будет у ворот Клер-парка.

— Что?! — взвизгнула Шейла и так стремительно вскочила на ноги, что Тимбер шархнулся в сторону. — Господи! Как же я так? Ой-ой-ой!

Подвывая от отчаяния, она помчалась к воротам парка. Брет смотрел, как большой зеленый автобус проехал мимо Лачета и замедлил ход у ворот Клер-парка. Кажется, она на него все-таки успеет, и ее день не пройдет зря. Она найдет Саймона в «Ангеле». В баре на втором этаже.

Оказывается, Саймон проводит дни в кабачке в Вестовере. Тут нечему радоваться, но нечему и удивляться. Чему Брет удивлялся, так это внезапной «дружбе» между Саймоном и Шейлой Парслоу. Раньше Саймон считал Шейлу низкоорганизованной формой материи. Каждый раз, когда о ней заходила речь, он бросал какую-нибудь уничтожающую реплику, а в ее присутствии делал вид — как она справедливо отметила — что не замечает ее существования. Что же заставило Саймона не только терпеть ее общество, но даже вести с ней «дружбу»? Девчонка явно говорила правду. Ее слова подтверждала ее самодовольная мина. И, в конце концов, если бы Саймон хотел от нее избавиться, ему достаточно было бы сменить питейный дом. Пивных в Вестовере хватало, причем в большинство из них женщинам — и тем более девушкам — не было доступа. Однако Саймон

околачивался в «Ангеле», где собиралось дамское общество.

Брет попытался представить себе, о чем Саймон разговаривает с Шейлой, но это ему не удалось.

Что же случилось с Саймоном, который очень разборчив в своих знакомствах? Почему он вдруг стал терпеть общество Шейлы? И проводить с ней по несколько часов подряд?

Может быть, он пытается таким образом отомстить семье за крушение своих надежд? Дескать, вам я не нужен, ну и пусть, чем мне Шейла Парслоу не подружка? Как говорят обиженные дети: «Вот умру, тогда пожалеете!» В Саймоне много ребяческого.

Кроме того, судя по всему, в Саймоне сильна и практическая жилка. Шейла Парслоу — богатая наследница, а Саймон нуждается в деньгах. Но все же Брету не верилось, чтобы Саймон мог продаться за деньги и связать жизнь с безмозглой потаскушкой.

Брет пустил Тимбера шагом и всю дорогу домой размышлял над странностями характера Саймона, но, как всегда, не смог прийти к какому-нибудь выводу.

Брет сдал Тимбера на руки Артуру, приказав ему хорошенько растереть лошадь, и пошел с Элеонорой посмотреть на жеребенка, только что родившегося у Регины.

— Ну не молодец ли старуха! — воскликнула Элеонора, глядя на новорожденного, который, шатаясь, переступал на тонких длинных ножках. — Еще один чудный жеребенок! То-то у мамы такой самодовольный вид. Вот уж лет двадцать на ее жеребят приходят полюбоваться будущие покупатели. По-моему, она для того их и рожает, чтобы ею каждый год заново восхищались. Сами-то жеребята ей совсем ни к чему.

— По-моему, он ничем не лучше жеребенка Хани, — сказал Брет, без особенного восторга разглядывая новорожденного.

— Далась тебе эта Хани!

— Подожди, еще увидишь, какое чудо она принесет от нового жеребца. Это будет не жеребенок, а событие.

— Ты просто до неприличия влюблен в Хани.

— Ты повторяешь слова Беатрисы.

— А ты откуда знаешь?

— Я сам слышал, как она это сказала.

Они посмеялись. Потом Элеонора проговорила:

— Как хорошо, что ты живешь с нами, Брет.

Естественней было бы сказать: «Как хорошо, что ты вернулся,

Патрик», — подумал Брет. Но Элеонора, видимо, не заметила, как странно она выразилась.

— А этот доктор поедет в Бьюрес? — спросил Брет.

— Вряд ли. Он слишком занят. А почему ты о нем вспомнил?

Этого Брет и сам не знал.

Они так долго ходили по выгонам, что опоздали к чаю. Джейн старательно и точно играла на рояле вальс Шопена и с нескрываемым облегчением прекратила свои музыкальные занятия, когда Брет и Элеонора вошли в столовую.

— Как ты думаешь, Элеонора, двадцать пять минут сойдут за полчаса? — спросила она. — Даже двадцать пять минут с половиной.

— Сойдут, сойдут, дай только нам спокойно поесть.

Джейн слезла со стула, сняла очки, которые придавали ей сходство с совой, и мгновенно исчезла в дверях.

— Сандра больше заботится о «выразительности», а фальшивые ноты ее не волнуют, а для Джейн главное — точность. Уж не знаю, что бы сказал Шопен: кто из них хуже, — сказала Элеонора, намазывая толстый слой масла на толстый кусок хлеба, похоже, она сильно проголодалась.

Брет с удовольствием смотрел, как изящно и неспешно она разливает чай. Рано или поздно этой жизни придет конец: либо Саймон осуществит свой план разоблачения, либо он сам выдаст себя неосторожным словом, — и тогда больше не будет Элеоноры.

Этого он, кажется, боялся чуть ли не больше всего.

Они ели молча, как близкие люди, которым не надо поддерживать разговор, время от времени высказывая какое-нибудь пришедшее в голову соображение.

— Ты узнал у Беатрисы, в чем ты будешь выступать на скачках? — спросила Элеонора.

Брет ответил, что забыл.

— Давай сходим в сбруйную, посмотрим, в каком состоянии экипировка.

И они пошли обратно на конюшню. В сбруйной никого не было: Грегг ушел домой ужинать. Но Элеонора знала, где он прячет ключи.

— Свитер совсем истрепался, — сказала она, разложив свитер и бриджи на столе. — Экипировку вообще-то шили для папы, а потом ее немного ушили для Саймона — он тогда был тоньше, чем сейчас. А когда он вырос и раздался, опять пришлось ее расставлять. Да, свитер и бриджи совсем износились. Может быть, теперь мы сможем...

Элеонора оборвала себя на полуслове.

— Конечно, надо сшить новую.

— По-моему, лиловый с желтым — очень хорошее сочетание цветов, но когда краски линяют, то делаются совсем безобразными. Саймон зимой синеет от холода, и он уверяет, что наши цвета задуманы в тон его физиономии.

Они рылись в сундуке, доставая оттуда один за другим сувениры прежних соревнований. Потом обошли сбруйную, разглядывая приколотые к стене розетки, под каждой из которых была бумажка, сообщающая, где эта розетка была завоевана. Наконец Элеонора закрыла сундук и сказала:

— Пора идти ужинать.

Она заперла сундук и повесила ключ на гвоздик.

— Свитер и бриджи возьмем с собой. По-моему, они тебе будут как раз впору — вы с Саймоном примерно одного сложения. Надо только их погладить.

Элеонора взяла экипировку и они вместе вышли из сбруйной. На пороге они столкнулись с Саймоном.

— А, ты вернулся, Саймон, — сказала Элеонора и осеклась, увидев лицо брата.

— Кто ездил на Тимбере? — задыхаясь от ярости, спросил Саймон.

— Я, — ответил Брет.

— Тимбер — моя лошадь. Кто тебе дал право хватать его?

— Надо же было кому-то его проездить, — спокойно ответил Брет.

— Никто, кроме меня, не смеет проезжать Тимбера. Никто, ясно? Раз я буду на нем выступать, то я и решаю, когда его надо проездить, и я делаю это сам.

— Послушай, Саймон, что за вздор ты несешь? — вмешалась Элеонора. — Во всяком случае...

— Заткнись! — злобно прошипел Саймон.

— Нет, не заткнись! Все эти лошади принадлежат Брету, и решать, кому, когда и что с ними делать — это его право.

— Я сказал, заткнись! Я не допущу, чтобы какое-то неотесанное бревно из американского захолустья портило чистокровную лошадь!

— Саймон, опомнись!

— Явился Бог знает откуда и лезет командовать в конюшне, словно прожил здесь всю жизнь!

— Саймон, ты, наверно, пьян. Как можно так говорить с родным братом?

— Братом? Это ничтожество — мой брат? Дуреха, Да он вообще никакой не Эшби. Бог знает, кто он и откуда взялся. Небось, чей-нибудь

конюх. Вот пусть и чистит навоз, а не разъезжает по округе на моих лучших лошадях. Слышишь, шваль, не смей касаться моих лошадей! Я сам распорядюсь, чтобы их проездили, и проезживать их будешь не ты. У нас хватает конюхов и без тебя.

Саймон бросал злобные слова в лицо Брету, стоя прямо перед ним, и у того руки чесались двинуть ему в скулу так, чтобы он полетел через двор. Но его сдерживало присутствие Элеоноры. Да и момент был неподходящий. Пожалуй, не стоит совершать поступков, последствия которых непредсказуемы.

— Ну! Ты слышишь? — крикнул Саймон, окончательно выведенный из себя молчанием Брета.

— Слышу, — ответил Брет.

— Так вот, заруби себе на носу: Тимбер — моя лошадь, и не смей к нему приближаться!

Саймон круто повернулся и зашагал к дому.

— Господи, Брет, какая кошмарная сцена, — растерянно проговорила Элеонора. — Он с самого начала твердил, что ты никакой не Патрик. Вбил себе это в голову. А что у трезвого на уме... Да к тому же разозлился. Он всегда, когда разозлится, говорит много такого, чего на самом деле не думает.

По опыту Брета, дело обстояло как раз наоборот: разозлившись, люди говорят как раз то, что на самом деле думают. Но он не стал спорить с Элеонорой.

— Он выпил, это сразу видно, — продолжала она. — По нем, вроде, не скажешь, но я по глазам узнаю. В трезвом виде он никогда бы себе такого не позволил, даже если бы и рассердился. Извини его.

— Кому не случалось, выпивши, наделать глупостей, — ответил Брет. — Не расстраивайся, Элеонора.

Они пошли к дому. На душе у обоих было тяжело. Исчезло радостное чувство, которое переполняло их все те часы, что они провели вместе.

Переодеваясь в свой «новый костюм» (он все еще так называл про себя костюм, который ему сшил портной мистера Сэндела), Брет думал, что Саймон начинает терять выдержку. Можно надеяться, что он как-нибудь раскроет карты. Тогда Брет узнает, что он против него замышляет. Интересно, сможет ли Саймон держать себя в руках за ужином?

Но Саймон не вышел к ужину, а когда Элеонора спросила про него, Беатриса ответила, что он ушел в Гессгейт. Ему перед самым ужином позвонил по телефону приятель, который остановился там в гостинице, и они назначили встречу.

У Беатрисы был спокойный вид, видимо, с ней Саймон вел себя нормально, и она поверила в его историю о приятеле, остановившемся на ночь в Гессгейте.

На другое утро Саймон спустился к завтраку как ни в чем не бывало.

— Боюсь, что я вчера перебрал, — сказал он. — И, кажется, отвратительно себя вел. Приношу свои искренние извинения. Он глядел на Брета и Элеонору — больше за столом никого не было — с выражением дружеского доверия. — Мне нельзя пить джин. От него у меня мутится в голове и делается очень скверно на душе.

— Ты вел себя ужасно, — сердито сказала Элеонора.

Однако, напряжение разрядилось, и все пошло своим чередом. Пришла из конюшни Беатриса и налила себе вторую чашку кофе. Вошла Джейн, держа в руках тарелку с овсяной кашей, которую она, как у них было заведено, сама взяла на кухне. Сандра влетела с опозданием. В волосах у нее сверкала «бриллиантовая» заколка, и Беатриса велела ей пойти и снять «это».

— Где она взяла эту мерзость? — спросила Беатриса, когда Сандра выбежала, громогласно жалуясь, что она опоздает на уроки к викарию.

— Она ее купила в Вестовере, когда мы туда в прошлый раз ездили, — сообщила Джейн. — Это, конечно, не настоящие бриллианты, но правда ведь красиво? И стоит всего шиллинг и шесть пенсов.

— Почему же ты себе такую не купила, Джейн? — спросила Беатриса, глядя на старую заколку, которой Джейн стягивала волосы.

— Да я как-то не люблю бриллиантов.

В доме опять воцарился мир и спокойствие. Эшби готовили лошадей к соревнованиям в Бьюресе, не зная, что там произойдут события, которые перевернут всю их жизнь.

ГЛАВА 24

Бьюрес, небольшой городок к северу от Вестовера, расположенный почти в центре графства, был похож на любой другой городок южной Англии, разве что его окрестности были красивее и меньше испорчены цивилизацией. Однако сельскохозяйственная выставка в Бьюресе, хотя она и не отличалась размахом, пользовалась большим уважением за пределами графства. Получившие на ней призы животные впоследствии часто побеждали и на более крупных выставках. Кто-нибудь из зрителей, присутствуя на престижных конных соревнованиях, не раз говаривал:

— Помню, видел я эту лошадь в Бьюресе три года назад. Она тогда выступала в классе двухлеток.

Приятный благоустроенный городок, в котором был кафедральный собор, несколько отличных старых гостиниц и нарядная главная улица, — Бьюрес легко справлялся с наплывом гостей на выставку. Макаллан наверняка впал бы в сильное раздражение, поглядев на приезжавших в Бьюрес на рынок окрестных фермеров, которые были вполне довольны своей участью и не помышляли о том, чтобы покорить мир за пределами графства. В Бьюресе все дышало благополучием. Случались, конечно, плохие годы, когда фермеры и торговцы терпели убытки, но неудача в делах подстерегает каждого. Главное — жизнь в целом была хороша.

На выставку в Бьюрес приезжали не только с деловыми целями, но также и для того, чтобы встретиться со старыми знакомыми, и день заканчивался «балом» в зале гостиницы.

В ту пору, когда в Бьюрес приезжали на лошадях и поездка занимала довольно много времени, возник обычай после выставки оставаться в городе на ночь, и его гостиницы едва вмещали многочисленных гостей, которым приходилось спать чуть ли не по трое в одной кровати. Однако с пришествием автомобиля все это изменилось. Теперь многие предпочитали уезжать на рассвете, набившись по девять человек в машину. Конечно, поездка в автомобиле после целой ночи возлияний не всегда оканчивалась благополучно. Не одному молодому фермеру приходилось после выставки в Бьюресе провести лето в больнице, но молодому поколению казалось нелепым ночевать в гостинице, когда до дома было всего сорок миль. Так что на ночь в Бьюресе теперь оставались лишь верные традициям представители старшего поколения или те участники выставки, которые жили далеко, или которые не успели до вечера отправить, своих животных

домой. Большинство из них ночевало в гостинице «Чекерс».

Семейству Эшби в гостинице каждый год отводились те же самые номера, которые снимал еще Уильям Эшби VII, тот самый, что вступил в вестоверское ополчение, чтобы отражать ожидаемое вторжение Наполеона Бонапарта. Эти номера не были лучшими в гостинице, потому что в те дни лучшие номера доставались Ледингемам. Когда Ледингемы пришли в упадок, их комнаты стали отдавать семействам Ширли и Халландов. Халланды, на чьих землях располагалась выставка, использовали забронированные в гостинице номера только для гостей, не поместившихся в их собственном доме, но любой гость Халландов котирировался выше, чем семейство Эшби.

Впрочем, если бы Эшби захотели, они давно могли бы договориться, чтобы им давали номера получше, но им это просто не приходило в голову. Конечно, комнаты за номером три были хорошо обставлены и выходили окнами в парк, а их семнадцатый номер находился в задней части дома и из его окон была видна лишь крыша залы, но зато это был их «собственный» номер. Так что они по-прежнему помещались в трех маленьких комнатах в старом крыле, а после того, как в конце коридора была пристроена ванная, чувствовали себя здесь как в собственной квартире.

Грегг привез лошадей в Бьюрес во вторник. В среду утром туда же отправился Артур с пони и Бастером, который терпеть не мог находиться в незнакомом стойле и мог за ночь разнести его копытами в щепки. Саймон и близнецы поместились в машине Беатрисы, а Брет поехал с Элеонорой на «блохе», куда также взяли Тони Тоселли, уговорившего Элеонору позволить ему выступать в детских состязаниях («Отец покончит с собой, если вы меня туда не пустите!»). Брет был отнюдь не в восторге от того, что между ним и Элеонорой сидел этот головастик. Его ни на минуту не покидало ощущение, что ему не долго еще суждено общаться с Элеонорой, и была дорога каждая минута, которую он с ней проводил. Но Элеонора была в таком прекрасном настроении, что даже согласилась дать поблажку несносному Тони Тоселли.

— Погода обещает быть отличной, — сказала она, глядя на синее, без единого облачка, небо. — Вообще я помню только один случай, когда в день выставки Шел сильный дождь. Им всегда везет на погоду. Я положила в чемодан нитяные перчатки?

— Да.

— Что ты собираешься делать утром?

— Я собираюсь пройти пешком по дистанции.

— Ну ты хитрец, Брет, — одобрительно сказала Элеонора, — так и

сделай.

— Все другие наверняка знают на ней каждую ямку.

— Ну, разумеется. Почти все приезжают сюда каждый год. Лошади до того привыкли к маршруту, что, наверно, прибегут к финишу, даже если их пустить одних. А Беатриса не забыла дать тебе билет на трибуну?

— Нет.

— Он у тебя с собой?

— Да.

— Что-то я сегодня нервничаю по пустякам. Но в твоём обществе как-то успокаиваешься. Ты что, никогда не волнуешься, Брет?

— Волнуюсь. Так, что внутри все переворачивается.

— Интересно. А снаружи не заметно.

— Видимо.

— Как удобно иметь такое невозмутимое лицо. А я, когда волнуюсь, пылаю, как пион.

По мнению Брета, тёплый румянец, осветивший её обычно бесстрастные черты, очень украшал Элеонору. В нём было даже что-то по-детски трогательное.

— Говорят, отец купил Пегги новый костюм, чтобы выступать на выставке. Ты её когда-нибудь видел верхом?

— Нет.

— Она великолепно смотрится на лошади. И прекрасно ездит. Думаю, она хорошо выступит на своём новом жеребце.

Это было типично для Элеоноры. Как бы она ни относилась к человеку, это не мешало ей признавать его достоинства.

Освещённая утренним солнцем главная улица Бьюреса пестрела рекламными щитами. «Покупайте комбикорм для телят у Карра!» — призывал один из них. «Саффо — безопасное дезинфицирующее средство!» — кричал плакат, перекинутый поперек улицы. «Жидкость Петта», — спокойно заявлял третий, предполагая, что эта жидкость против паразитов настолько хорошо известна, что в более подробной рекламе не нуждается.

В полутёмном вестибюле гостиницы их поджидала Беатриса. «Саймон пошел на конюшню», — сказала она.

— Брет, наши номера: семнадцатый, восемнадцатый и девятнадцатый. Ты будешь вместе с Саймоном в семнадцатом. Я с Элеонорой в восемнадцатом, а Сандра и Джейн в смежном с нами девятнадцатом.

Брет не ожидал, что ему придется ночевать вместе с Саймоном, но делать было нечего. Он взял саквояж Элеоноры и свой чемодан и

направился к лестнице. В вестибюле народу все прибывало. Элеонора пошла с Беатрисой показать, где находятся их номера.

— Я была наверху блаженства, когда меня в первый раз взяли в Бьюрес и оставили в гостинице на ночь, — говорила она. — Поставь саквояж вот здесь, Брет. Спасибо. Надо скорей вынуть платье, а то оно совсем изомнется.

В семнадцатом номере уже повсюду валялись вещи Саймона, в том числе и на кровати Брета. «Удивительное дело, — подумал он, — как заносчивы эти неодушевленные пожитки даже в отсутствие своего владельца».

Брет убрал вещи Саймона со своей кровати, распаковал чемодан и аккуратно повесил свой новый парадный костюм в пока еще пустом шкафу. Сегодня вечером он впервые в жизни наденет смокинг.

— Если ты от нас отколешься, Брет, — сказала Беатриса, когда он спустился в вестибюль, — приходи обедать в кафетерий в полпервого. Наш столик крайний слева по проходу. А что ты собираешься делать утром?

Он собирался пройти пешком по дистанции.

— Прекрасная мысль. Только не забреди на территорию заповедника, а то тебя арестуют.

Тони отдали под надзор миссис Стек, которая интересовалась только сельскими ремеслами, и потому ее легко было найти в соответствующем павильоне. Все остальные участники выставки находились в непрерывном движении.

— Если он вам скажет, что его отец при смерти и ему надо срочно ехать домой — не верьте, — Элеонора предупредила миссис Стек.

— А что, его отец болен?

— Нет, но если Тони станет скучно, он может попытаться удрать. Я сама за ним приду в половине первого.

Брет пошел по главной улице Бьюреса. Ему казалось, что с него свалились оковы. Впервые почти за месяц он был предоставлен сам себе и мог делать, что хотел. Он уже и забыл, как это бывает: не чувствовать постоянного напряжения. В течение трех часов можно будет ходить, где вздумается, спрашивать о чем угодно и отвечать на вопросы, не опасаясь проговориться.

Он сел на автобус, на котором было написано «Халландс парк». Ему никогда раньше не приходилось бывать на сельскохозяйственных выставках, и он прошел по рядам, рассматривая экспонаты заинтересованным и в то же время критическим взглядом, сравнивая их с тем, что ему доводилось видеть в других странах: домотканым полотном в

Аризоне, сельскохозяйственными орудиями в Нормандии, баранами в Сакатекесе, скотом херефордской породы на Западе Америки, гончарными изделиями в Нью-Мексико. Иногда он ловил на себе недоуменный взгляд, и несколько раз незнакомые люди здоровались с ним и тут же осекались, осознав, что это не Саймон. Да, человек с лицом Эшби не мог быть совершенно свободен в Бьюресе. Но в целом посетители выставки были слишком увлечены экспонатами или заняты собственными делами, чтобы уделять особое внимание случайному прохожему.

Осмотрев выставку, Брет вышел в парк, где красными флажками была обозначена дистанция для скачек с препятствиями. Первые полмили скаковая дорожка шла по прямой через парк: там были расставлены препятствия. Затем она выходила на открытое пространство, плавно закруглялась и примерно через милю возвращалась в парк, и здесь на протяжении примерно полмили, оставшейся до финиша, стояли еще препятствия. Финиш был перед трибуной. Если не считать крутых поворотов и нескольких плотных заборов, которые лошадям надо было преодолеть, дистанция не представляла особых трудностей. Барьеры, расставленные в парке, соответствовали обычным нормам, а сама дорожка была замечательно ухожена. Брет повеселел.

В парке было тихо и спокойно, и Брету не хотелось возвращаться на выставку. И он не ожидал, что будет так рад видеть знакомые лица за столом в кафетерии, так рад сесть на оставленное ему место и опять оказаться в кругу семьи.

Незнакомые Брету люди подходили к их столику и поздравляли его с возвращением. Люди, которые знали Билла и Нору Эшби и даже отца Билла. Они не ждали, что Брет их узнает, и от него требовалось только вежливо отвечать на приветствия.

ГЛАВА 25

— Ой, меня сейчас стошнит, — сказала Сандра, когда они с Бретом остались на трибуне вдвоем.

— Ничего удивительного, — отозвался Брет.

— То есть как? — изумленно спросила Сандра, ожидавшая совсем другой реакции.

— Салат из крабов, а потом три порции мороженого.

— Это вовсе не от того, что я что-то съела, — сердито возразила Сандра. — Просто у меня тонкая нервная организация. Когда я волнуюсь, я делаюсь совсем больной. Меня даже может стошнить.

— Лучше пойд и сунь два пальца в горло, — посоветовал Брет.

— То есть, пусть стошнит?

— Конечно. Почувствуешь огромное облегчение.

— Нет, я лучше посижу не шевелясь, может, станет полегче, — сказала Сандра, убедившись, что Брета так просто не проймешь.

Сандра была в плохом настроении. На нее никто не обращал внимания. Поскольку она весь год отказывалась иметь какое-нибудь дело с лошадьми, у нее не было морального права требовать, чтобы ей позволили выступать в Бьюресе. Так что ей оставалось только сидеть на трибуне в своем изящном сером костюмчике и смотреть, как выступают другие. Надо отдать ей должное: она не завидовала Джейн, которая вполне заслужила право участия в скачках, и сестра от всей души желала ей победы.

— А вон Роджер Клинт разговаривает с Элеонорой.

Брет отыскал взглядом Элеонору.

— А кто такой Роджер Клинт?

— У него тут неподалеку большая ферма.

Роджер Клинт, молодой человек с густыми черными бровями, по-приятельски болтал с Элеонорой.

— Он в нее влюблен, — сказала Сандра, решив донять Брета не мытьем так катаньем.

— Ну что ж, почему бы ему не влюбиться в такую милую девушку? — отозвался Брет, но сердце его сжалось.

— Пусть бы она выходила за него замуж. У него полно денег, красивый большой дом и Бог знает сколько лошадей.

— А Элеонора всерьез собирается за него замуж? — не удержался и спросил Брет.

Сандра ответила не сразу, прикидывая, как бы изобразить все это в наиболее драматическом свете.

— Она считает, что он должен служить семь лет чтобы получить ее в жены. Как Иаков. Бедняга Роджер просто помирает от любви, а Элеонора ведет себя, как немилосердная красавица.

«Немилосердная красавица» тем временем распрощалась с мистером Клинтом и поднялась на трибуну к Сандре и Брету. На ринге начинались состязания юных наездников в возрасте до десяти лет.

— Знаешь, Тони чудом пробился в этот класс, — сказала Элеонора, садясь рядом с Бретом. — Ему исполнится десять лет послезавтра.

Всего юных наездников было одиннадцать человек. Самая маленькая, толстая девочка четырех лет в черной бархатной жокейке сидела верхом на крупном пони, который крутился по рингу и совершенно ее не слушался.

— По крайней мере, Тони, даже когда он совсем еще не умел ездить, не болтался на лошади таким мешком, — заметила Элеонора.

— Тони выглядит просто замечательно, — сказала Сандра, и это была чистейшая правда. Как раньше сказала Элеонора, у Тони была хватка.

Судьи снисходительно поглядывали на юных наездников, которые сначала проехали на своих пони шагом, потом трусцой, потом пустили их в галоп. Потом судьи принялись выбраковывать слабейших. Даже с трибуны был виден фанатичный огонь в глазах Тони. Или он победит, или умрет! На ринге осталось шесть кандидатов на призы, потом четыре. Но из этих четырех судьи никак не могли выбрать победителей: призовых мест было только три, а детей четверо. Эту четверку снова и снова посылали проскакать по рингу галопом. И тут Тони разыграл, как он, по-видимому, считал, свою козырную карту. Проезжая мимо судей, он вдруг вскарабкался в седле на колени, потом встал на ноги и гордо выпрямился.

— Господи! — ахнула Элеонора.

По трибуне прокатился смех. Но у Тони в запасе был еще один номер. Он опустился на колени, ухватился руками за седло и встал на голову, покачивая в воздухе тонкими кривыми ногами.

Тут трибуна взорвалась хохотом и аплодисментами. Тони с довольным видом опять сел в седло и послал в галоп своего пони, который от изумления замедлил было бег.

Этот фортель очень удачно разрешил сомнения судей, а Тони пришлось с тоской смотреть, как розетки победителей вручают его соперникам. Но его страдания не шли ни в какое сравнение со страданиями, которые он причинил своей наставнице.

— Если он посмеет показаться мне на глаза до того, как я остыну, я его

в порошок сотру, — грозились Элеонора.

Но Тони, не чувствуя за собой никакой вины, пришел к Элеоноре на трибуну, как только сдал пони Артуру.

— Слушай, ты, балбес, как тебе могло такое взбрести в голову? — сурово спросила она.

— Я хотел показать им, что я умею делать.

— А где ты выучился этим цирковым номерам?

— Я упражнялся на пони, который у нас в школе возит косилку для газонов. Но у него спина гораздо шире, чем у Маффета, поэтому мне трудно было сохранять равновесие. Эти судьи, видно, не отличают хорошей езды от плохой.

Элеонора не нашла, что ему возразить. Брет дал Тони шиллинг и сказал, чтобы он купил себе мороженого.

— Если бы мне не хотелось посмотреть, как будет выступать Джейн, я бы спряталась от стыда в женском туалете, — сказала Элеонора. — Он меня опозорил.

Джейн, одетая в элегантный костюм, отлично смотрелась верхом на Радже. Брет раньше видел ее только в старых бриджах и бесформенной фуфайке и сейчас с удивлением и удовольствием разглядывал ее ладную фигурку.

— У Джейн замечательная посадка, лучше, чем у любого из нас, — нежно сказала Элеонора, глядя, как Джейн сосредоточенно и умело управлявшая лошадью, заставила Раджу сменить ногу. — У нее только одна серьезная соперница — та девочка в сером.

«Той» девочке было пятнадцать лет, на ней был очень красивый серый костюм, но судьи отдали предпочтение Джейн на Радже. Джейн бесстрастно выслушала решение судей — можно было подумать, что выиграла ее соперница, — но Сандра прыгала от восторга.

— Молодчина, Джейн, — проговорил вынырнувший откуда-то Саймон. — Она уже в девять лет была ассом.

— Ой, Саймон, а ты видел, что творил этот олух? — воскликнула Элеонора, вспомнив про свой позор.

— Не расстраивайся, Нелл, — сказал Саймон, сочувственно похлопывая ее по плечу, — могло бы быть хуже.

— Куда уж хуже?

— По крайней мере, он не вопил под Тарзана.

Тут Элеонора рассмеялась и никак не могла остановиться.

— Наверно, это все ужасно смешно, — сказала она, вытирая слезы, — и я, надо полагать, буду со смехом рассказывать про Тони своим внукам, но

сейчас мне очень хотелось бы провалиться сквозь землю и провести остаток дня в Австралии.

— Пошли, Нелл, — позвал Саймон, — пора забирать лошадей.

Они ушли, а мести Элеоноры заняла Джейн. В ответ на поздравления Брета она пожала плечами.

— Вот сейчас будет интересно. А выиграть в классе от десяти до пятнадцати лет — не велика честь. Вот когда-нибудь я буду выступать вместе со всеми ними: с тетей Беа, Элеонорой, Саймоном, Пегги, Роджером Клинтон, — со всей компанией.

Да, вон и Роджер Клинт. Элеонора выставяла гнедую кобылу Скапу, а Роджер Клинт был рядом с ней верхом на кауром жеребце в белых чулках. Брет никогда не видел таких длинных белых чулок. Пока судьи обходили выстроенных лошадей, Элеонора и Роджер тихо разговаривали.

— Как ты думаешь, кто займет первое место? — спросила Джейн.

Брет оторвал ревнивый взгляд от Элеоноры с Роджером и заставил себя обдумать вопрос Джейн. Судья послал Беатрису показать галоп Шеврона — рыжего жеребца, на котором Брет собирался выступать в скачках с препятствиями, — и сейчас она, сделав круг, скакала мимо трибуны. Брет еще ни разу не видел Беатрису в костюме наездницы и опять удивился, как и при виде Джейн. Эта сосредоточенная, суровая Беатриса была совсем не похожа на себя.

— Так кто, по-твоему, займет первое место, Брет? — опять спросила Джейн.

— Конечно, Тимбер.

— А не лошадь Пегги?

— Райдинг Лайт? Нет. Может, он выиграет скачки с препятствиями, но тут ему Тимбера не победить.

Он оказался прав. Тимбер произвел огромное впечатление на судей, которые видели его в первый раз. Так что даже безупречные статья и репутация Райдинга Лайта не дали ему перевеса.

Их мнение разделяли и зрители. Когда Саймон, уже получив призовую розетку, скакал на Тимбере мимо трибун, его встретили аплодисментами и приветственными криками.

— Уж не тот ли это жеребец, который убил старого Феликса? — раздался голос за спиной Брета. — Застрелить его надо было, а не призы ему давать.

Второй приз получил Райдинг Лайт под седлом Пегги. У девушки был довольный вид, щеки разгорелись, глаза сияли: отец недаром истратил деньги на дорогую лошадь. Третий приз неожиданно для Брета получила

Беатриса на Шевроне.

— Эшби, как всегда, гребут призы лопатой, — сказал кто-то. На него зашикали, видимо, показывая на сидящих поблизости Эшби.

Но наибольшего накала страсти достигли, когда начались соревнования в конкуре. Беатриса пришла на трибуну смотреть их вместе с Бретом, Сандрой и Джейн.

— Номер первый, на ринг! — объявили через мегафон, и Элеонора выехала на Скапе. Скапа прыгала спокойно и чисто, но у нее была скверная привычка вплотную приближаться к препятствию. Элеонора потратила много сил, чтобы ее от этого отучить, помещая впереди препятствия специальный барьер, и надеялась, что Скапа исправилась. Действительно, полкруга все шло благополучно, но затем Скапа заметила, что перед препятствиями нет этого противного барьерчика, и опять стала прыгать со слишком близкого расстояния. Это не замедлило сказаться на чистоте прыжка. Элеонора ничего не могла с ней поделать. Скапа отлично прыгала, но каждый раз сбивала копытами белые рейки.

— Бедняжка Нелл, — сказала Беатриса. — Сколько она на нее убила сил, и все зря.

Лошади, выступавшие под вторым и третьим номерами, вообще прыгали, как Бог на душу положит.

— Номер четвертый, на ринг! — На старт выехала Пегги верхом на Райдинге Лайте. На ней был новый костюм: табачного цвета сюртук, пожалуй, чересчур тесный в талии, и бежевые бриджи, пожалуй, немного бледноватые, но выглядела она на караковом жеребце изысканно и умело с ним управлялась. Вернее ей и не нужно было с ним управляться. Она просто сидела в седле, а Райдинг Лайт делал все, что нужно сам. Он великолепно брал препятствия, безо всякого усилия, казалось, взлетая в воздух, поджимая задние ноги, как кошка, и плавно опускаясь по другую сторону. Его выступление было безупречным.

— Номер пятый, на ринг! — провозгласил мегафон.

Пятый номер был Роджер Клинт на своем кауром жеребце в белых чулках.

— Знаешь, как он его назвал? — сказала Беатриса. — Белый чулок.

— Некрасивый жеребец, — отозвался Брет. — Такое впечатление, точно он попал ногами в корыто с известкой.

— Но прыгает он неплохо.

Прыгал жеребец неплохо, но боялся воды.

— Бедный Роджер, — со смехом сказала Беатриса, глядя, как его жеребец уперся всеми четырьмя ногами перед ямой с водой.

— Роджер гонял его дома через прудик для уток, чтобы приучить к воде, и вот полюбуйтесь, пожалуйста!

Белый чулок продолжал упираться, и Роджеру пришлось увести его с ринга. Публика похлопала ему в знак сочувствия.

Номера шестой и седьмой тоже не смогли взять ни по одному препятствию.

Восьмым был Саймон на Тимбере.

Вороной жеребец вышел на ринг с точно таким же самодовольным видом, как и в день приезда Брета в Лачет, когда конюх вывел его из денника во двор. Увидев барьеры, он начал возбужденно прядать ушами. Саймон послал его в галоп и они приблизились к первому препятствию. Даже издалека, с трибуны, Брету было видно, как легко и плавно взял его жеребец. Эта легкость ошеломила его еще в тот первый день в Лачете. Вороной плавно взмыл в воздух и плавно опустился по другую сторону препятствия.

Трибуна ахнула, восхитившись почти кошачьей грацией лошади. На Брета не меньшее впечатление произвела посадка Саймона, который, казалось, слился с лошастью воедино. Да, конечно, на Тимбере следовало выступать Саймону. Самому Брету и за сто лет не достичь такого совершенства. Зрители, затаив дыхание, смотрели, как вороной уверенно берет одно препятствие за другим. Неужели этот красавец все-таки где-нибудь ошибется? Впереди у него была яма с водой. На трибунах стало так тихо, что можно было расслышать голос продавца газет, выкрикивающего последние новости у главного входа. Когда Тимбер четко приземлился с другой стороны ямы, трибуна вздохнула, как один человек. Нет, лошадь не обманула их ожиданий: лучше взять это препятствие было просто невозможно.

Оцепенев от восторга, публика взорвалась громом аплодисментов с запозданием, когда Саймон уже выезжал с ринга.

Саймон был последним в конкуре, и после него участники пошли по второму кругу.

Элеонора опять появилась верхом на Скапе, и на этот раз, призвав на помощь грозный голос и шпоры, сумела заставить кобылу прыгать с нужного расстояния. Тем самым она, хотя бы отчасти, вернула себе самоуважение. Зрители, которые отлично понимали, в чем было ее затруднение в первом круге и чего она сумела добиться во втором, от души ей похлопали.

Второй номер проскакал по кругу без руля и без ветрил, но сумел взять все препятствия. Номер третий вел себя так же необузданно, но всех

препятствий взять не смог. Затем на ринге появилась Пегги, лицо ее все еще светилось счастьем после успеха в первом заезде.

И на этот раз у нее хватило ума не мешать Райдингу Лайту делать свое дело. Жеребец оттолкнулся сильными задними ногами, перелетел через первое препятствие и с уверенным видом поскакал ко второму. Казалось, он может так прыгать до вечера. Ему, по-видимому, не требовалось для этого никаких усилий, поэтому и смотреть на него было даже немного скучновато. Всем было очевидно, что караковый жеребец опять без труда возьмет все препятствия. Он безошибочно рассчитывал расстояние для прыжка. Ему ни разу не пришлось укоротить шаг, чтобы оказаться в нужной точке для отталкивания. Казалось, что в нем сидит счетное устройство. Он перепрыгивал через заборы и канавы с такой легкостью, словно это были невысокие барьерчики. Сейчас он приближался к глухой стене, и все с интересом ждали — неужели он и ее возьмет с ходу, как маленький барьерчик?

И тут раздался барабанный бой, и в воротах показался духовой оркестр Бьюреса, который по традиции давал концерт в перерыве между скачками. Райдинг Лайт вопросительно повел ушами: что это? На секунду он отвлекся от препятствий. Но вдруг увидел прямо перед собой стену, и в панике запрядал ушами. Он укоротил шаг, пытаясь занять нужное положение для отталкивания, но не рассчитал. Прыгая, он резко вскинул круп, чтобы не задеть за стену задними ногами. Но при этом он зацепил ее копытом правой передней ноги. Одна плашка сдвинулась с места, секунду покачалась и упала на землю.

Толпа сочувственно ахнула, а Пегги оглянулась, чтобы посмотреть, что случилось. Она увидела выемку на верхней кромке стены, но это не смутило ее. Она похлопала лошадь по шее и направила ее к следующему препятствию.

— Молодец, Пегги, — проговорила Беатриса.

Духовой оркестр теперь уже играл на полную мощь своих инструментов, но Райдинг Лайт больше не обращал на него внимания: оркестры ему были не в новинку. Они не раз сопровождали его выступление. Он опять принялся спокойно брать одно препятствие за другим и под конец с таким запасом перепрыгнул канаву с водой, что толпа ахнула от восторга.

— Саймону ее не опередить, — сказала Беатриса. — То, что Тимбер не сделал ни одной ошибки в первом круге — это само по себе чудо.

Белые чулки жеребца Роджера Клинта с веселой готовностью замелькали по кругу и остановились как вкопанные перед живой

изгородью, за которой была канава с водой. Жеребец как бы задумался, не решаясь на последний трудный прыжок. Клинт ласково его уговаривал, но тот не поддавался на уговоры. «Знаю я, что за этими кустиками, — казалось, говорил он, — и мне это совсем не нравится». Но потом — как это часто случается с лошадьми — неожиданно и без видимой причины передумал и поскакал к препятствию. Роджер мягко его направлял, и жеребец мчался к канаве, по-видимому, решившись взять препятствие или умереть. Но в последнюю секунду он так же неожиданно струсил, уперся передними ногами и проехал на них, пока не сунулся мордой в кусты.

Зрители расхохотались, и Роджер Клинт, которого инерция бросила на шею жеребца, тоже. Он сполз назад в седло, послал жеребца в обход живой изгороди и дал ему подойти поближе к воде и внимательно оглядеть канаву. Затем поехал с ним на другой конец ринга и повернул его мордой в нужном направлении. «Ну ладно, раз уж ты пристал», — казалось, сказал про себя жеребец, ринулся вперед и с огромным запасом перепрыгнул канаву.

Зрители весело захохотали, а на загорелом лице Клинта сверкнула белозубая улыбка. Он поднял шляпу и уехал с ринга весьма довольный собой: все-таки ему удалось, притворившись, что он не видит сурового взгляда судьи, который готовился снять его с ринга, заставить жеребца взять ненавистное препятствие.

Шестой номер получил два штрафных очка, седьмой — два с половиной.

— Номер восьмой, на ринг, — объявил судья. Джейн вздрогнула и взяла Беатрису за руку. На этот раз Сандре не было нужды придумывать драматические осложнения: открыв рот и совершенно забыв о своей персоне, она напряженно смотрела на ринг.

Тимбер уступал Райдингу Лайту в опыте соревнований, в автоматизме и мощи движений. Его надо было направлять. Удастся ли им победить Райдинга Лайта, который безупречно взял все препятствия, кроме одного, зависело столько же от Саймона, сколько и от жеребца. Брету показалось, что у Саймона побелели скулы. Для него это был вопрос самолюбия: он должен отобрать приз у девчонки, которая посмела подложить ему свинью, выступив против его ненадежной лошади на уже зарекомендовавшем себя победами жеребце, которого ей не надо было ничему учить.

У Тимбера был несколько удивленный вид. Он как будто хотел сказать: «Но я же все это сделал!» Увидев препятствия, он насторожил уши, потом вопросительно ими дернул. Ему уже не было так интересно, как в первый раз. Однако он послушно поскакал к первому препятствию и легко взял его. Брету казалось, что он слышит, как рядом колотятся сердца членов

семейства Эшби. Его сердце, во всяком случае, колотилось очень громко, почти заглушая духовой оркестр. Сандра закрыла и рот, и глаза и, похоже, возносила мольбы к Всевышнему. Она открыла глаза, когда Тимбер блестящей черной лавиной переливался через белый барьер, и проговорила: «Спасибо тебе, Боже!». Оставались только стена и канава с водой.

Когда Тимбер повернул в конце ринга и направился к стене, порыв ветра сдул с головы Саймона шляпу, которая покатила по земле позади лошади. Брету показалось, что Саймон этого даже не заметил. Даже Тони Тоселли не был так сосредоточен во время своего выступления. Было очевидно, что для Саймона сейчас на всем свете существует только он сам, вороной жеребец и препятствия. Нет уж, Саймон не позволит никому — никому! — позариться на то, что по праву принадлежит ему.

Весь опыт верховой езды, все, что Саймон узнал с тех пор, как в возрасте двух лет он впервые сел на пони, все было направлено к одной цели — благополучно перепрыгнуть стену. Тимбер не любил глухие препятствия.

Жеребец уже скакал по направлению к стене, когда с трибуны на ринг с бешеным лаем вылетел фокстерьер и бросился вдогонку за шляпой Саймона. Как футбольный мяч, запущенный могучим ударом, собака промчалась перед самым носом у Тимбера. Тот в ужасе шарахнулся от белого комка.

Сандра опять закрыла глаза и воззвала к Всевышнему. Саймон старался успокоить Тимбера, послав его еще раз по кругу и похлопывая по холке. Тем временем собаку убрали с ринга и вернули ее владельцу (который жалостливо сказал: «Бедняжка, чуть тебя совсем не затоптали!»). Саймон терпеливо ждал, чтобы Тимбер успокоился, хотя истекали последние секунды. Он, конечно, знал, что его время идет на убыль, что эпизод с фокстерьером считается исчерпанным и его шансы на победу уменьшаются с каждой секундой.

Брет и раньше поражался самообладанию Саймона, но на этот раз он превзошел себя. Как ему, наверно, хочется послать коня на препятствие. Но Саймон знал, что с Тимбером нельзя рисковать. И он жертвовал секундами, чтобы дать лошади лишний шанс.

Затем, видимо, рассчитав оставшееся у него время с точностью до доли секунды, Саймон послал взмыленного, но успокоенного коня на препятствие. Перед самым прыжком Тимбер слегка замедлил бег.

Саймон не шелохнулся в седле.

Предоставленный сам себе, вороной сосредоточился и, поджав ноги,

перебросил себя через ненавистную стену. Затем, радуясь, что самое трудное позади, весело помчался к канаве с водой и взмыл над ней, как огромная черная птица.

Саймон победил.

Джейн отпустила руку Беатрисы и вытерла ладони скомканным платком.

Беатриса пожала локоть Брета.

Трибуны ревели.

Когда они затихли, Сандра вдруг сказала с видом человека, вспомнившего о неприятной обязанности:

— Ой! Я обещала все свои карманные деньги!

— Кому? — спросила Беатриса.

— Богу, — ответила Сандра.

ГЛАВА 26

Брет оглядел себя в маленьком треснутом зеркале в мужской раздевалке и решил, что сочетание лилового и желтого идет ему так же мало, как и Саймону. Только человеку с загорелым лицом Роджера Клинта могут пойти подобные цвета. Роджер Клинт, может, и смотрелся бы в этом наряде. Брет думал о Роджере Клинте без особой приязни. Весь день Элеонора попадалась ему на глаза в обществе этого джентльмена — и к тому же выказывала тому явные знаки расположения.

Брет потянул вниз желтый козырек жокейки. На душе у него было скверно.

«Тебе-то какое дело? — спрашивал его внутренний голос. — Не забывай, что ты ей брат».

— Заткнись!

— Либо Лачет, либо Элеонора, так-то.

— Заткнись, сказал!

Брет вышел из почти пустой раздевалки и пошел искать Шеврона. Главные соревнования закончились, и напряжение заметно спало. Недавние соперники прогуливали своих лошадей в тени деревьев или сидели в кафе, дожидаясь скачек пони. Брет увидел Пегги Гейтс. Она сидела на буланом пони в полном одиночестве и явно искала кого-то глазами в толпе. У нее был усталый и грустный вид. Поравнявшись с ней, Брет сказал:

— Не повезло вам.

— А, здравствуйте, мистер Эшби. В каком смысле не повезло?

— Да, этот оркестр не вовремя вышел на поле.

— А, вы про это, — с улыбкой сказала Пегги. — Что ж, бывает, тут уж ничего не поделаешь.

Судя по этим словам, она совсем не была огорчена проигрышем, однако Брет мог бы поклясться, что в ее глазах поблескивают слезы.

— Желаю вам удачи, — сказала Пегги.

Брет поблагодарил ее и уже пошел дальше, но тут Пегги вдруг спросила:

— Вы не знаете, мистер Эшби, за что на меня обиделся Саймон?

Брет ответил, что понятия не имеет. А разве Саймон на нее обиделся?

— Он меня почему-то избегает, а я просто понять не могу, что я такого сделала?.. за что?..

Опять у нее в глазах сверкнули слезы — на этот раз ошибки уже быть

не могло.

— Ну, ладно, — сказала Пегги и попыталась улыбнуться, но это у нее не получилось. Она махнула рукой и отъехала от Брета.

Значит, красотка Пегги не просто хотела выйти замуж за владельца Лачета — она была всерьез влюблена в Саймона. Бедняжка Пегги! Саймон никогда не простит ей покупку Райдинга Лайта.

В тени деревьев Брет увидел Элеонору верхом на Бастере. Рядом, стремя в стремя, находился Роджер Клинт, который тоже нашел себе пони. Роджер что-то подробно рассказывал, а Элеонора сочувственно ему кивала. Брет обошел их стороной и направился к конюшне. Там он нашел Беатрису и Грегга. Брет прошел взвешивание, и Грегг оседлал ему Шеврона. Жеребец нервно переступал ногами и прядал ушами. Его явно что-то беспокоило.

— Он не любит шума, — объяснил Грегг. — Особенно, когда ему непонятно, что это за шум. Советую вам, мистер Патрик, вывести его наружу. Покажите ему трибуну и зрителей, и он тогда перестанет нервничать.

Брет вывел Шеврона в парк, и, как и предсказывал Грегг, там он постепенно успокоился. Тут появился Саймон и сказал, что скоро начнется его заезд.

— Ты расписался в книге? — спросил он Брета.

— В какой книге? — удивился Брет.

— От владельцев требуется подпись, что они согласны на выступление своей лошади.

— Понятия не имел, что надо в чем-то расписываться. Лошадь же заявлена для соревнований.

— Это верно, но за последние годы было несколько случаев, когда охотники повеселиться выступали на чужих лошадях, да еще тех, владельцы которых и не собирались их выставить в этом виде состязаний. Почему не прокатиться на чужой лошадке? А один раз загнали уже уставшую лошадь.

— Ну ладно. А где книга?

— Там, где проводят взвешивание. Пойди распишись, а я присмотрю за Шевроном, незачем тащить его в этот кавардак.

В конторе за столом сидел полковник Смолетт.

— Ну как, Патрик, дела у Эшби идут неплохо, а? По крайней мере, три первых приза. Вы не собираетесь заработать четвертый? Что, расписаться? В чем? А, что вы согласны. Да-да. Вот, распишитесь на этом листке.

Он протянул Брету отдельный листок бумаги, и Брет, расписавшись,

сказал, что никогда раньше не слышал о такой процедуре.

— Не слышали? Я тоже. Но это действительно является некоторой гарантией для администрации. Хозяин лошади, которую в прошлом году включили в заезд без его ведома, подал на администрацию в суд, требуя возмещения убытков. И чуть не выиграл дело. Вот ваш брат и предложил, чтобы мы брали у хозяев расписку.

— Мой брат? Это идея Саймона?

— Ну да. У него голова хорошо варит. Теперь никто не скажет, что на его лошадь сели без разрешения.

— Так-так.

Брет вернулся к Шеврону, которого держал на поводу Артур.

— Мистер Саймон сказал, что больше не может ждать, мистер Патрик, и велел передать, что желает вам успеха. Он пошел со всеми на трибуны.

— Хорошо, Артур, спасибо.

— Мне пойти с вами на линию старта, сэр?

— Нет, спасибо, не надо.

— Тогда я тоже поищу местечко, откуда будет хорошо видно. Ни пуха ни пера, сэр. Мы все поставили на вас.

И Артур исчез в толпе.

Брет перекинул повод через голову Шеврона и совсем уже собрался вспрыгнуть в седло, но вдруг подумал, что надо еще раз взглянуть на подпругу. Не слишком ли туго он ее затянул?

И обнаружил, что ее кто-то ослабил.

Брет стоял, подняв крыло седла, и недоуменно глядел на подпругу. Кто-то ее ослабил за то время, пока он ходил подписывать разрешение. Брет сунул руку под ремень. Подумал, что сумел бы выехать со старта и взять одно-два препятствия. Потом седло сползло бы набок, и нервная лошадь пришла бы в панику.

Не мог же это сделать Артур? Да нет, конечно, не Артур. Саймон.

Брет затянул подпругу и поехал к стартовой линии. По дороге его догнал Роджер Клинт верхом на Белом Чулке. Его цвета были синий и алый.

— Вы ведь Патрик Эшби, да? — спросил Клинт. — Меня зовут Роджер Клинт. — Он перегнулся из седла и пожал Патрику руку. — Очень рад опять видеть вас в Бьюресе.

— Кто победил на пони?

— Я. На голову опередил Нелл.

«Как вам это понравится, — подумал Брет. — «Нелл!»»

— В прошлом году она пришла на Бастере первой. Но надо же и

другим дать возможность выиграть. А мне как раз очень нужно было завоевать серебряный кубок.

Брет не успел его спросить, зачем ему так уж понадобился серебряный кубок. Дали команду: «На старт». У Брета был пятый номер, а Клинт стартовал слева от него. Всего в забеге участвовало четырнадцать лошадей, и образовалась порядочная толкучка, прежде чем все заняли свои места. Никаких ворот, разумеется, не было, и сигнал к старту дали резким взмахом флага.

Брет не спешил на старте, пропустив вперед других лошадей, чтобы оценить их возможности. По крайней мере пятерых из них можно было не принимать во внимание — они уже участвовали в нескольких заездах и совсем выдохлись, так что только занимали место на дорожке и мешали остальным. Еще троих лошадей он видел в конкуре и считал, что они вряд ли дойдут до финиша. Оставалось пять более или менее серьезных соперников, из которых трое могли претендовать на первое место: гнедой кавалерийский конь, на котором скакал его владелец-офицер, крупный караковый жеребец под седлом молодого фермера и Белый Чулок.

К первому барьеру лошади подлетели на большой скорости, и две из тех, которые сильно устали за день, столкнулись перед препятствием и покатались на землю под ноги третьей. На выходе из парка один жеребец упал по другую сторону препятствия, и об него столкнулись и тоже упали еще две переутомленные лошади. На дорожке сразу стало просторней.

Шеврону нравилось, когда впереди были лошади, которых надо было догонять, и он скакал с большим подъемом. Он любил прыгать через препятствия, а потому легко и уверенно брал одно за другим. Казалось, что он при этом мурлыкает про себя веселую песенку. Он на секунду задержался, когда две молодые лошади остановились перед забором, и потом мелькнул копытами у них перед носом.

Участников стало еще меньше.

«Очень хорошо, — подумал Брет, — пора их нагонять». Он легко обошел пятую лошадь. Четвертая громко, натужно дышала, но пока, видимо, не собиралась сходить с дистанции. Впереди скакал офицер, за ним шел фермер, и третьим был Клинт. После Шеврона Белый Чулок был, пожалуй, самым резвым скакуном. Но у офицера явно был большой опыт, а у фермера полное отсутствие чувства самосохранения.

Дорожка изгибалась направо, и жеребец фермера на каждом препятствии сдвигался направо, так что обойти его с внутренней стороны дорожки ни у кого не было возможности. А так как никому не хотелось уходить налево, всадники держались позади фермера, ожидая выхода на

прямую, где они смогут его обойти без потери в расстоянии. «По-видимому, все решится на последней полумиле», — решил Брет.

Наконец сиплое дыхание, которое долгое время звучало в левом ухе Брета, затихло позади. К финишной прямой через парк подошли четыре всадника: офицер, фермер, Клинт и Брет. Первые двое не слишком интересовали Брета, но ему очень хотелось побить Роджера Клинта.

Клинт оглянулся и дружески улыбнулся Брету. Дальше им уже было не до любезностей. Все четверо резко прибавили скорости и неслись по зеленой аллее, украшенной красными флажками так, будто на финише их ожидал большой приз Дерби. Караковый жеребчик начал раскидывать ноги, а кавалерийский конь, хотя у него сохранилось достаточно сил и он вообще казался неутомимым, все же, видимо, не был способен на финишный рывок. Брет решил держать Шеврона на корпус позади Белого Чулка и ждать дальнейшего развития событий. Они вдвоем неуклонно нагоняли гнедого и каракового. Фермер пустил в ход хлыст, и его жеребчик с каждым ударом еще дальше разбрасывал ноги. Офицер не подгонял своего гнедого, очевидно, он надеялся на его выносливость.

Брет видел, что Белый Чулок быстро теряет силы и Клинт, который никак его не подгоняет, это знает. Впереди осталось еще два препятствия. Брет не знал, сколько сил осталось у Шеврона и способен ли он на рывок, а потому решил прибегнуть к хитрости. Он пришпорил Шеврона и догнал каурого жеребца. Пусть Клинт подумает, что он делает финишный спурт. Клинт тоже пришпорил коня и последние два препятствия они перепрыгнули одновременно. Потом Брет на секунду придержал Шеврона, а Клинт, приняв это за признак усталости, обрадовался, что ему не придется заставлять своего жеребца напрягать последние силы перед финишем, и немного расслабился. Тут Брет резко послал Шеврона вперед и ракетой промчался мимо Клинта. Клинт вздрогнул и опять пришпорил свою лошадь, но было уже поздно. До финишной линии оставалось слишком мало. На это Брет и рассчитывал. Он сумел-таки перехитрить Клинта.

— Как же так я попался на эту удочку! — со смехом воскликнул Клинт, когда они вместе вели лошадей взвешиваться. — Такой старый трюк!

А Брет думал, что даже если Элеонора решит выйти замуж за Клинта, все равно надо признать, что Роджер Клинт хороший парень.

ГЛАВА 27

Брет предполагал, что победа Саймона на скачках укрепит его пошатнувшийся дух и наметившийся излом исчезнет. Но случилось как раз обратное. Напряжение, которому Саймон подвергся в течение дня, и триумфальная победа над Райдингом Лайтом еще больше подорвали его душевное равновесие.

— Никогда не видела, чтобы Саймон так петушился, — сказала Элеонора Брету во время танца, наблюдая за Саймоном через его плечо. В ее голосе прозвучали извиняющиеся нотки. — Обычно он принимает победы как нечто само собой разумеющееся.

— Возможно, Саймон слишком приналег на шампанское, — сказал Брет и развернул Элеонору так, чтобы она не видела брата.

Весь день он мечтал, как будет танцевать с Элеонорой, но на первый танец он пригласил Беатрису. Точно так же, как в день рождения он отказался от возможности поехать кататься с Элеонорой, а вместо этого пошел пешком на Десять буков, чтобы пообщаться с духом Патрика Эшби, — так и сейчас он вместо Элеоноры пригласил на первый танец Беатрису.

Они танцевали, не разговаривая, и им было хорошо непокойно. Беатриса задала ему только один вопрос:

— Кто научил тебя этому фокусу на финише?

— Меня не надо было учить. Это у меня как первородный грех.

Она засмеялась и тихонько похлопала его рукой, лежавшей у него на плече. Какая же она прелестная женщина! Брет понял, что любит ее всей душой. До этого он никогда никого не любил, кроме лошади по кличке Дымок.

— Где ты весь день прятался? — спросила Элеонора. — Я не видела тебя после этого кошмарного спектакля, который учинил Тони.

Брет ответил, что хотел поболтать с ней перед своим выступлением, но она была увлечена разговором с Роджером Клинтон.

— А да, помню. Его дядя хочет, чтобы он продал ферму и переехал жить к нему в Ольстер. Его дядя — Тим Коннел, известный коннозаводчик. Он хочет уйти от дел и предлагает Роджеру взять в аренду его конный завод в Килбарти. А Роджер не хочет уезжать из Англии.

«Его можно понять, — подумал Брет. — Уехать из Англии, от Элеоноры!»

— Что-то его не видно на танцах, — сказал он.

— Он уже уехал.

— Да? — удивился Брет.

— Он приезжал только для того, чтобы завоевать для жены серебряный кубок.

— Жены?

— Да. У них на прошлой неделе родился ребенок, и она послала Роджера в Бьюрес, чтобы он выиграл для него серебряную крестильную кружку.

Брет остановился как вкопанный.

— В чем дело? — спросила Элеонора.

— Надо будет намылить Сандре шею, — сказал Брет и снова начал танцевать.

Элеонора улыбнулась.

— Опять сочиняла романтические сказки?

— Она сказала, что Роджер хочет на тебе жениться.

— Ну, вообще-то у него такая мысль была, но с тех пор много воды утекло. Когда мы были в Бьюресе в прошлом году, он еще не был женат, так что Сандра, может быть, и не знает о его женитьбе. А мне что, надо будет у тебя как у главы дома спрашивать разрешения на то, чтобы выйти замуж?

— Ты собираешься замуж?

— Пока нет.

Весь вечер он танцевал только с одной Элеонорой, и в конце концов она сказала:

— Тебе надо потанцевать с кем-нибудь еще, Брет.

— Я танцевал.

— Только один раз с Пегги Гейтс.

— А ты, гляжу, за мной следишь. Тебе хочется потанцевать с кем-нибудь другим?

— Нет. Мне очень нравится танцевать с тобой.

— Ну вот и прекрасно.

Может быть, ему никогда больше не придется танцевать с Элеонорой. Где-то около двенадцати ночи они пошли в буфет, набрали, на тарелки еды и устроились за столиком на балконе. Под балконом был маленький садик, увешанный китайскими фонариками. Такие же фонарики висели над столиком на балконе.

— Мне так хорошо, что совсем не хочется есть, — мечтательно проговорила Элеонора, потягивая шампанское. — Тебе очень идет смокинг, Брет.

— Спасибо.

— А тебе нравится мое платье?

— Замечательное платье.

— Я надеялась, что оно тебе понравится.

— Ты уже ужинала?

— Нет. Только немножко выпила и съела пару сэндвичей.

— Тогда почему ты ничего не ешь?

Она поковыряла вилкой в тарелке, что было совсем не похоже на Элеонору, никогда не страдавшую отсутствием аппетита.

. — Семьдесят четвертая сельскохозяйственная выставка в Бьюресе прошла под знаком Эшби... Не шевелись — у тебя по воротнику ползет комар.

Элеонора наклонилась и легонько хлопнула Брета по шее.

— Ой, упал за шиворот!

С сестринской бесцеремонностью она одной рукой наклонила Брету голову, а другой вытащила у него из-за шивороты насекомое.

— Достала? — спросил Брет.

Элеонора не ответила. Брет вопросительно на нее посмотрел.

— Ты мне не брат! — сказала она. — В брата я никогда не могла бы... — и, ужаснувшись сказанному, она оборвала себя на полуслове.

Оба молчали. Из зала донесся бой барабана.

— Прости меня, Брет! Я не знаю, что говорю. Наверно, я слишком много выпила. — Элеонора всхлипнула. — Пожалуйста, прости меня, Брет. — Она вскочила и схватила сумочку. — Пойду прилягу, надо протрезвиться.

Нетвердыми шагами она поспешила с балкона. Брет не стал ее задерживать. Он пошел в буфет, надо было подумать над происшедшим. В полночь в зале должны были разыгрывать лотерею, и в буфете никого не было, кроме Саймона, который один сидел за столиком в дальнем углу. Перед ним стояла бутылка шампанского.

— А, мой старший брат, — проговорил он. — А лотерея тебя не интересует? Тогда давай выпьем.

— Спасибо. Мне не хочется шампанского.

Брет купил в баре рюмку коньяку и принес ее к столику, за которым сидел Саймон.

— Что тебе лотерея: шанс на выигрыш слишком мал, так ведь? — сказал Саймон. — Ты любишь играть краплеными картами.

Брет сделал вид, что не понял намек.

— Я еще не поздравил тебя с победой.

— Я не нуждаюсь в твоих поздравлениях.

Да, Саймон основательно напился.

— Что, не нравится? — спросил он с ребяческим злорадством. — А мне нравится резать всем правду в глаза. Я сегодня веду себя ужасно, ты не находишь? Тормоза отказали. Выпей шампанского.

— У меня есть, что выпить.

— Ты ведь меня терпеть не можешь, правда? — с довольным видом сказал Саймон.

— Пожалуй.

— А за что?

— Пожалуй, за то, что ты один не признал во мне Патрика.

— Ты, наверно, хочешь сказать, что я один точно знаю, что ты не Патрик.

Оба замолчали. Брет вглядывался в голубые глаза Саймона со странным темным ободком.

— Ты его убил.

Вдруг все его сомнения исчезли.

— Да, убил. — Саймон перегнулся через стол, устремив на Брета ликующий взгляд. — Но ты ведь меня не изобличишь! Как же! Патрик вовсе не умер. Он жив, и я с ним разговариваю.

— Как ты его убил?

— Что, хочешь знать? Ладно, так и быть, скажу. Все было очень просто. — Саймон опять наклонился вперед и сказал притворно доверительным голосом. — Просто я колдун. Могу быть в двух местах сразу.

Он откинулся на спинку стула, наслаждаясь разочарованием Брета.

— Я не так пьян, как ты воображаешь, приятель, — сказал он. — Я сказал тебе про Патрика, потому что ты мой посмертный соучастник. Прелестный эпитет, верно? Но если ты воображаешь, что я расскажу тебе все в подробностях, то ты ошибаешься.

— Тогда скажи, почему ты это сделал?

— Он был глуп как пробка, — отозвался Саймон своим излюбленным небрежным тоном. — Просто не достоин Лачета. — И затем добавил уже серьезным тоном: — И, если уж хочешь знать правду, я его ненавижу.

Саймон налил себе еще шампанского и выпил залпом. Затем тихонько засмеялся и сказал:

— Мы с тобой повязаны одной веревочкой — не смешно ли? Я тебя не могу вывести на чистую воду, а ты не можешь меня.

— У тебя, однако, есть одно преимущество передо мной.

— Да? Какое это?

— У тебя совсем нет совести.

— Нет. И это действительно преимущество.

— Я согласен терпеть тебя, но ты меня терпеть не собираешься. Вот и сегодня днем попытался меня укокошить.

— Ну, это было так, между прочим.

— Ты хочешь сказать, что намерен придумать что-нибудь получше?

— Обязательно.

— Не сомневаюсь. Человек, который способен быть в двух местах одновременно, может изобрести что-нибудь понадежнее расслабленной подруги.

— Да уж, гораздо понадежнее. Но нельзя пренебрегать и подручными средствами.

— Ясно.

— А как насчет того, чтобы в обмен на мою откровенность удовлетворить мое любопытство?

— В каком плане?

— Кто ты такой?

Брет долго молча смотрел на Саймона.

— Разве ты меня не узнаешь? — наконец спросил он.

— Нет. Так кто ты?

— Я — возмездие.

Брет ушел из буфета и некоторое время стоял на балконе, дожидаясь, пока у него перестанет колотиться сердце и подкатывать тошнота. Куда бы пойти, где никто не помешает хорошенько подумать над происшедшим? В отеле такого места нет: в номер в любую минуту может заявиться Саймон. Придется уйти из гостиницы, поискать какой-нибудь бар.

Он пошел в номер за пальто и на обратном пути встретил Беатрису.

— Вы что, все с ума посходили? — сердито спросила она. — Элеонора плачет у себя в номере, Саймон пьет в баре и не может остановиться, а у тебя такой вид, словно ты только что встретил привидение. Что с вами случилось? Вы поссорились?

— Поссорились? Вовсе нет. Наверно, Элеонора и Саймон просто устали за день.

— А с тобой что случилось? На тебе лица нет.

— Мне стало душно в танцевальном зале. Не забывайте, что я привык к простору прерий.

— А я слышала, что прерии кишат танцзалами.

— Можно, я возьму автомобиль, Беатриса?

— Куда ты собрался?

— Хочу съездить в Кенли Вейл поглядеть, как встает солнце.

— Один?

— Да, один.

— Надень пальто, — сказала Беатриса. — На улице прохладно.

Доехав до вершины холма, возвышавшегося над долиной Кенли Вейл, Брет остановил машину и выключил мотор. Было еще темно и до восхода солнца далеко. Брет вышел из машины, облокотился о капот и стал слушать тишину. Земля и трава, нагретые солнцем за день, издавали сильный запах во влажной прохладе ночи. Воздух был неподвижен. Вдали раздался свисток поезда.

Брет выкурил сигарету, и тошнота понемногу прошла. Но голова шла кругом.

Он был прав. Не зря он увидел в Саймоне сходство с Тимбером: аристократ с прекрасными манерами, но с сердцем убийцы. Саймон сказал ему в буфете правду. Сказал ее с наслаждением. Все убийцы любят хвастаться своей безнаказанностью. Все эти годы Саймону, наверно, хотелось кому-нибудь похвастаться, как ловко он отделался от брата-соперника. Но похвастаться было некому, и вот наконец у него появился «надежный» слушатель.

Этим «надежным» слушателем был он, Брет Фаррар.

Он, Брет Фаррар, завладел Лачетом, и Саймон был уверен, что он никогда от него добровольно не откажется. Что он будет держаться за Лачет любой ценой — даже ценой соучастия в убийстве.

Нет уж, на это Брет не пойдет. Хватит с него союза с Лодингом — там, в конце концов, речь шла только о мошенничестве. Но на союз с убийцей, хотя Саймон и считает, что они «повязаны» одной веревочкой, Брет никогда не пойдет. Это было бы чудовищно. Немыслимо.

Как же тогда поступить?

Пойти в полицию и сказать: вот что, я вовсе не Патрик Эшби. Патрика Эшби восемь лет назад убил его брат. Мне это стало известно с его собственных слов. Правда, он был немного пьян.

И ему скажут: в ходе расследования смерти Патрика Эшби было установлено, что в то время, когда Саймон мог бы убить Патрика, он неотлучно находился в кузнице в Клере.

Рассказав им правду о себе, Брет изменит лишь свою собственную судьбу. А Патрик Эшби останется самоубийцей.

Как же Саймон сумел это подстроить?

«Нельзя пренебрегать подручными средствами», — сказал он по

поводу подпруги.

Какие «подручные средства» оказались в его распоряжении восемь лет тому назад?

В случае с подпругой Саймон сочетал замысел и импровизацию. Предложение «расписаться в книге» было сделано по наитию. Саймону удалось усладить Брета и таким образом осуществить свой план. Если план не сработает, ну что ж. Никто, кроме Брета, ни в чем его не заподозрит.

Несомненно, Саймон использовал этот же метод и восемь лет назад. Все, наверняка, выглядело совершенно невинно, и никто ничего не заподозрил. В ход пошли «подручные средства».

Как же он сумел использовать невинное стечение обстоятельств для того, чтобы убить брата?

Брет все еще безрезультатно ломал голову над этой проблемой, когда на него пахнуло ветерком — приближался рассвет. Потом налетел еще порыв ветра. На деревьях зашелестели листья, по траве пробежала рябь. Восточный край неба посветлел. Занималась заря. Запели первые птицы.

Брет провел на холме уже несколько часов, но так ни до чего и не додумался.

На тропинке появился полисмен, который, не торопясь, вел велосипед. Увидев Брета, он остановился и спросил, не сломалась ли у него машина? Брет ответил, что он просто приехал сюда подышать свежим воздухом после бала в Бьюресе.

Полисмен посмотрел на его смокинг и накрахмаленную рубашку и принял его объяснение, только заметил, заглянув в машину:

— В первый раз вижу, чтобы молодой человек после танцев дышал свежим воздухом один, без дамы. Вы ее случайно не пристукнули, сэр?

«Интересно, — подумал Брет, — что бы он сказал, если бы я ответил: «Нет, даму я не пристукнул, но являюсь косвенным соучастником другого убийства».

— Она мне отказала, — сказал он.

— А, вот в чем дело. Приехали сюда погрустить в одиночестве. Поверьте мне, сэр, через неделю вы будете плясать от радости, что дешево отделались.

И он пошел дальше по тропинке, ведя велосипед за руль.

Брета вдруг стал бить озноб.

Он сел в машину, догнал полисмена и спросил:

— Где тут можно выпить чего-нибудь горяченького?

— На перекрестке есть ночное кафе, — сказал полисмен. — Всего две мили отсюда.

В кафе, которое после нескольких часов, проведенных в предрассветной пустыне, показалось Брету необычайно теплым, светлым и обыденным местом, он выпил чашку обжигающего горячего кофе. Дородная хозяйка жарила сосиски для двух водителей грузовиков, а их третий товарищ бросал монетки в щель стоявшего в углу игрового автомата. Они без интереса взглянули на смокинг Брета, ответили на его приветствие и больше не обращали на него внимания.

Брет вернулся в Бьюрес к завтраку и поставил машину в гараж. В холле гостиницы царил беспорядок. Было только полвосьмого утра, а веселье после выставки обычно продолжалось всю ночь. Брет поднялся в семнадцатый номер. Саймон крепко спал у себя в постели. Его одежда грудой валялась на полу. Брет стал переодеваться. Сначала он старался двигаться бесшумно, но вскоре понял, что Саймона ничто не разбудит — разве потрясти его за плечо. Он постоял над ним, глядя на его лицо. Удивительно! Тот спал сном младенца. Неужели он за эти восемь лет так привык к мысли о своем преступлении, что его совсем не мучает совесть? А может быть, он вообще не считает, что совершил преступление?

Какое красивое лицо, вот только рот сложен в капризную гримасу. Прекрасное лицо: правильные тонкие черты. Человека с таким лицом просто невозможно заподозрить в серьезном проступке, но ведь и красавца Тимбера ни в чем таком не заподозришь.

Брет спустился вниз и умылся, пожалев, что не принял ванну. Но он так спешил переодеться, опасаясь, что Саймон проснется, и ему придется с ним разговаривать.

В ресторане Беатриса завтракала вместе с близнецами, и Брет сел к ним за столик.

— Нелл и Саймон все еще спят, — сказала Беатриса. — Поедем домой с нами. А Элеонора привезет Саймона на «блохе», когда они проснутся.

— А где Тони?

— Его вчера увезла миссис Стек.

Как хорошо, что можно будет спокойно уехать в Лачет с Беатрисой.

Сандра и Джейн принялись осуждать выходку Тоби: было очевидно, что его подвиг останется в анналах Лачета. Брету не надо было участвовать в разговоре — Беатриса только спросила, красивая ли была заря, и заметила, что ночная поездка пошла ему на пользу.

По дороге домой в Клер Брет поймал себя на том, что смотрит на освещенные утренним солнцем зеленые поля, луга и рощи с болью в сердце — как человек, которому осталось жить считанные дни: все останется по-прежнему, а меня уже не будет.

Он никогда больше не приедет в Бьюрес. Может быть, ему даже никогда больше не придется ехать в машине вместе с Беатрисой.

Что бы он ни решил делать по поводу признания Саймона, одно было ясно: его жизни в Лачете наступил конец.

ГЛАВА 28

Был уже четверг, а в воскресенье Чарльз Эшби прибывает в Саутгемптон. Неумолимо надвигалось празднование совершеннолетия. Брет чувствовал себя как в мышеловке. Он вышел из столовой вслед за Беатрисой.

— Вы не возражаете, чтобы я съездил в Вестовер? — спросил он.

— Не возражаю. По-моему, тебе надо немного отдохнуть от нашего семейства. Саймон только и делает, что исчезает из дома.

Брет сел в автобус и приехал в Вестовер. Дождавшись, когда мистер Макаллан в обычное время уйдет пить кофе, он вошел в контору «Вестовер таймс» и попросил разрешения порыться в подшивках за прошлые годы. Мальчик на посылках, у которого был такой вид, словно он сроду не видел Брета, отвел его в подвал и показал, где лежат подшивки. Брет еще раз перечитал все, что там было о расследовании смерти Патрика, но ничего нового не нашел.

Где бы найти стенографический отчет?

Он отыскал в телефонной книге номер полковника Смолетта. Где находится стенографический отчет о коронерском дознании по поводу моей смерти? В полиции? Как бы мне его посмотреть? Вы не можете мне помочь?

Полковник Смолетт сказал, что позвонит начальнику полиции, но добавил, что не понимает, откуда у Брета этот нездоровый интерес. «Послушайте, Эшби, бросьте эту затею!»

Однако, заручившись ходатайством полковника, Брет отправился в полицию. Начальник полиции встретил его со смешинкой в глазах, усадил в кожаное кресло, предложил сигареты и с видом фокусника, вытаскивающего из шляпы кролика, положил перед ним на стол стенографический отчет восьмилетней давности.

Брет прочел его несколько раз. Это был тот же отчет, что поместил «Вестовер таймс», только более подробный.

Он поблагодарил начальника полиции, сам предложил ему сигареты и ушел, не узнав ничего нового и ни на шаг не приблизившись к разгадке смерти Патрика. Спустившись в гавань, он долго стоял у парапета, глядя на утес, с которого, якобы, бросился Патрик.

Все упиралось в незыблемый факт: Саймон Эшби этот день провел в Клере. Об этом свидетельствовал человек, у которого не было причин врать

и который не подозревал обо всей важности своих слов. Если Саймон и уходил из кузницы мистера Пилбима, то очень ненадолго, так что тот даже не успел заметить его отсутствия.

Патрик Эшби был убит после того, как с ним разговаривал старик Абель, и до того, как мистер Пилбим в шесть часов отправил Саймона домой ужинать.

Говорят, если Магомет не идет к горе...

Брет некоторое время обдумывал эту гипотезу, но тут было непреодолимое препятствие: куртка Патрика на обрыве. Записку, конечно, написал Саймон, но Саймон весь день провел в Клере.

Брет очнулся в два часа дня и пошел обедать в небольшую харчевню на пристани. К этому времени выбор блюд был невелик, но это не имело значения, поскольку он сидел и глядел себе в тарелку, пока официант не положил перед ним счет.

Он поехал в Лачет и, не заходя в дом, прошел в конюшню и велел Артуру оседлать одну из лошадей, которые не выступали в Бьюресе. Артур сообщил Брету, что все лошади благополучно вернулись и все здоровы, за исключением Бастера, который засек

— Поедете кататься в этой одежде, сэр? — спросил Артур, кивая на костюм Брета.

— Да, — подтвердил Брет.

Он направил лошадь к холмам, как в то первое утро, когда он ездил на Тимберс, и повторил тот же путь, но прежнего восторга не испытывал. Мир представлялся каким-то гиблым местом. Жизнь оставляла во рту горький вкус.

Брет слез с лошади и сел на землю на том самом месте, где он сидел месяц тому назад, глядя на зеленую долину. Тогда ему казалось, что он в раю. Даже та дурочка, которая несла такой вздор, не сумела испортить ему настроение. Он вспомнил, как она вытаращила глаза, когда поняла, что он не Саймон. Она пришла сюда, потому что Саймон любил проезжать здесь лошадой. Потому что...

Его рука, державшая повод, произвольно дернулась, и лошадь, почувствовав рывок мундштука, скинула голову.

Потому что...

Он услышал в уме слова Шейлы Парслоу. Потом медленно поднялся на ноги и долго глядел на холм Десять буков.

Все ясно. Брет понял, как Саймон убил Патрика. Понял и другое: почему Саймон боялся, что Брет каким-то чудом окажется настоящим Патриком.

Брет сел на лошадь и вернулся в конюшню. С юго-запада неслись огромные тучи, и начинал накрапывать дождь. Брет занес седло в сбруйную и написал записку: «Приглашен на ужин. Не запирайте, пожалуйста, входную дверь и не беспокойтесь, если задержусь допоздна». Он положил записку в конверт и попросил Артура по пути домой занести ее Беатрисе. Затем снял со стены свой непромокаемый плащ и вышел на улицу под дождь. Ну хорошо, он знает, как умер Патрик. И что теперь делать?

Брет шел, никуда сознательно не направляясь, ни о чем не думая, кроме стоявшей перед ним страшной дилеммы. Оказавшись около кузницы, он поздоровался с еще не окончившим работу мистером Пилбимом и поговорил с ним о заказах и о погоде — и все это время его мозг сверлил все тот же вопрос: что же делать с Саймоном?

Брет пошел по тропинке, поднялся по мокрой траве на холм Десять буков и стал шагать назад и вперед между огромными деревьями. Его ум был в растерянности, сердце ныло.

Причинить такое горе Беатрисе и Элеоноре? Покрыть позором Лачет? Разве мало он им уже навредил?

Так ли это важно? Что случится, если Саймон опять станет хозяином Лачета, которым он владел восемь лет?

Кому от этого было хуже? Только одному человеку — Патрику.

Суд над Саймоном за убийство Патрика будет страшным бедствием для Беатрисы и всей семьи.

И зачем ему разоблачать Саймона? Можно просто уехать. Можно инсценировать самоубийство. Инсценировал же Саймон самоубийство Патрика, и полиция ничего не заподозрила. Если это мог сделать тринадцатилетний мальчик, неужели он, Брет, не сможет сделать то же самое? Он исчезнет, и все вернется на круги своя.

А как же Патрик Эшби?

Но Патрик, если бы выбор зависел от него, не захотел бы обрушить на семью горе и позор лишь для того, чтобы покарать Саймона. Нет, Патрик был добрый мальчик и всегда думал о других...

А Саймон?

Неужели позволить ему, как он и предсказывал, безнаказанно пожинать плоды своего преступления? Позволить ему прожить безмятежную жизнь хозяином Лачета? Допустить, чтобы его дети унаследовали Лачет?

Но дети Саймона будут продолжателями рода Эшби. А если Саймона повесят за убийство, то у Лачета не останется наследников по мужской

линии.

Но неужели это правильно: обеспечить право на наследство тем, что позволить убийце разгуливать на свободе?

Может быть, судьба привела его таким странным путем в Лачет именно для того, чтобы он разоблачил убийцу?

Проехать полмира для того, чтобы встретиться на улице с Лодингом; с самого начала считал, что это было ему предназначено, иначе такую случайность никак не объяснишь. Но Брету и в голову не приходило, что предстоит пережить еще и такое. Что ему придется решать вопрос жизни и смерти.

Что же делать? С кем посоветоваться? Кто поможет ему принять правильное решение? Почему он должен нести такое бремя один? Тут нужны мудрость, жизненный опыт.

«Я — возмездие», — сказал он Саймону, и он действительно так считал. Но тогда у него не было в руках орудия возмездия.

Что же делать?

Пойти прямо сейчас в полицию? Или завтра?

Не делать ничего, дождаться приезда Чарльза Эшби и праздновать совершеннолетие?

Как же поступить?

Поздно вечером Джордж Пек сидел у себя в кабинете, углубившись в занятия по античной истории и лишь смутно сознавая, что за окном хлещет дождь. Услышав, что в окно легонько постучали, Пек вынужден был вернуться из древних Фив в XX век и пошел открывать дверь. Не в первый раз поздний посетитель стучался к нему в окно.

В дверях он увидел не то Саймона, не то Патрика Эшби — он не мог сказать, кто из них это был, потому что лицо гостя закрывали размокшие поля шляпы.

— Можно мне с вами поговорить, мистер Пек?

— Конечно, Патрик. Заходи.

Брет стоял в дверях. С него ручьями лилась вода.

— Боюсь, что я наслежу на полу, — сказал он.

Викарий посмотрел на его ноги: серые брюки почернели, под ботинками собралась лужа воды. Он взглянул в лицо юноши. Брет уже снял размокшую шляпу, с его мокрых волос по лицу катились струи воды.

— Снимай плащ и оставь его в прихожей, — сказал Джордж. — Я тебя отправлю домой в моем.

Он прошел в кладовую и вернулся с полотенцем.

— Вытри волосы.

Брет покорно выполнял его указания неверными, как у ребенка, движениями. Джордж принес из кухни чайник.

— Пошли в кабинет, — сказал он. — Полотенце брось на пол, туда же, куда и плащ.

Викарий прошел в кабинет и поставил чайник на электрическую плитку.

— Он быстро закипит. Я часто кипячу себе чай, когда засиживаюсь допоздна. О чем ты хочешь со мной поговорить?

— Про ров в Дофане.^[13]

— Как-как?

— Извините, у меня совсем ум за разум зашел, у вас нет чего-нибудь выпить?

Викарий, который собирался влить ему виски в горячий чай, налил Брету полную рюмку, и Брет опрокинул ее одним махом.

— Спасибо. Извините, что я явился к вам так поздно и в таком виде, но мне просто необходимо поговорить с вами. Надеюсь, вы не возражаете?

— Мое дело — выслушать людей. Налить еще виски?

— Спасибо, не надо.

— Тогда я дам тебе сухие ботинки.

— Нет-нет, не надо. Мокрые ботинки мне не в новинку. Мистер Пек, я хочу посоветоваться с вами по очень важному вопросу. Можно я вам как бы... исповедаюсь? Только не думайте, что от вас требуются какие-то действия.

— Что бы ты мне ни сказал, я обещаю соблюсти тайну исповеди.

— Тогда сначала я вам скажу, что я вовсе не Патрик Эшби.

— Я так и знал, — сказал викарий. Брет посмотрел на него с изумлением.

— Вы... вы... вы это знали?

— Скажем так — я это подозревал.

— Почему?

— Внешность человека — это не все. У каждого есть своя аура, своя неповторимая личность. С первого же дня у меня возникла уверенность, что я с тобой никогда прежде не встречался. Я тебя совсем не узнавал, хотя у тебя и помимо внешнего сходства много общего с Патриком.

— И вы ничего по этому поводу не предприняли?

— А что я мог предпринять? Твой адвокат, твоя семья и твои друзья — все приняли тебя. У меня не было никаких доказательств, что ты не Патрик. Ничего, кроме собственной уверенности. Какой был бы прок, если бы я выразил свои сомнения? Я считал, что все скоро выяснится и без

моего вмешательства.

— То есть, что меня выведут на чистую воду?

— Нет. Что ты не такой человек, который сможет вынести положение самозванца. Судя по твоему сегодняшнему приходу, я был прав.

— Но я пришел не только для того, чтобы признаться, что я не Патрик.

— Да? А для чего же еще?

— Дело в том... я должен был вам в этом признаться, чтобы вы поняли, в чем... У меня такой сумбур в мыслях. Я много часов ходил под дождем, дождался, когда у меня прояснится в голове.

— Может быть, если ты мне расскажешь, как оказался в Лачете, то, по крайней мере, у меня в голове что-нибудь прояснится?

— Я... я встретил в Америке человека, который жил в Клере. Он... она сказала мне, что я — вылитый Эшби и подала мне идею выдать себя за Патрика.

— И ты обещал отдавать ей часть денег, которые тебе достанутся?

— Да.

— Могу только сказать, что она заработала свою долю. Она замечательно тебя натаскала. Ничего подобного я в жизни не встречал. Значит, ты американец?

— Нет! — воскликнул Брет, и викарий улыбнулся его горячности. — Я вырос в сиротском приюте в Англии. Меня туда подкинули.

И Брет вкратце рассказал викарию историю своей жизни.

— Я слышал об этом приюте, — сказал Пек, когда Брет закончил рассказ. — Теперь я понимаю, откуда у тебя такие прекрасные манеры.

Он налил в чашку чаю и плеснул туда виски.

— Вот печенье, но, может быть, ты хочешь чего-нибудь более существенного? Нет? Тогда бери овсяное печенье, оно очень вкусное и сытное.

— Мне пришлось рассказать вам про себя, потому что я выяснил, что Патрик не покончил с собой. Его убили.

— Убили? Кто?

— Его брат.

— Саймон?

— Да.

— Но, Патрик! То есть... как тебя на самом деле зовут?

— Этого я не знаю. Сколько я себя помню, меня звали Брет. Это искаженное Бартоломео.

— Послушай, какой вздор! Чем ты можешь подтвердить свое невероятное обвинение?

— Саймон сам мне в этом признался.

— Саймон?

— Не просто признался, а похвастался. Сказал, что я никогда его не выдам, потому что этим я выдам сам себя. Он с самого начала знал, что я не Патрик.

— Когда у вас состоялся этот фантастический разговор?

— Вчера вечером, в Бьюресе. Это все произошло не так уж внезапно. Я давно уже подозревал что-то в этом роде. А вчера, когда он с ударением сказал, что я не Патрик, я спросил прямо, почему он так уверен в этом? А он засмеялся и похвастался, как ловко он убил Патрика.

— Тут, наверно, немалую роль сыграли обстоятельства вашего разговора.

— Вы хотите сказать, что мы оба были пьяны?

— Не совсем. Скажем, возбуждены. Ты бросил ему вызов, а Саймон — у него такое чувство юмора — дал тот ответ, который ты от него хотел.

— Неужели вы всерьез считаете, что мне можно так легко заморочить голову? — тихо спросил Брет.

— Должен признаться, что меня это удивляет. Я считаю тебя умным человеком.

— Тогда поверьте: я пришел к вам не потому, что Саймону вздумалось подшутить надо мной. Патрик не убивал себя. Его убил Саймон. Преднамеренно. Более того, я знаю, как он это сделал.

И Брет рассказал викарию о своей догадке.

— Но, Брет, у тебя же нет никаких доказательств. То, что ты мне рассказал — просто гипотеза. Очень остроумная и весьма вероятная гипотеза — это я признаю. У нее есть одно большое достоинство: она чрезвычайно проста. Но у тебя нет никаких доказательств в ее подтверждении.

— Если полиция узнает правду, доказательства можно будет найти. Я пришел к вам не за этим. Я пришел посоветоваться, как поступить: пойти в полицию или оставить все как есть.

Брет объяснил викарию стоявшую перед ним дилемму.

К его удивлению, викарий — хотя сам он, сомневаясь в личности Брета, оставил все как есть и никому не сказал о своих сомнениях — в этом вопросе никаких сомнений не имел. Если было совершено убийство, надо отдать дело в руки правосудия. Решать такой вопрос самому — это анархия.

Другое дело, что у Брета нет никаких доказательств вины Саймона. Ему в голову втемяшилась мысль об убийстве, он швырнул это обвинение в

лицо Саймону, а тот, в силу своей всем известной склонности к розыгрышу, оговорил себя. А потом Брет придумал стройную теорию, под которую подогнал это признание.

— И вы думаете, что я с четырех часов брожу под дождем просто из-за того, что Саймон меня разыграл? Вы думаете, я пришел бы к вам признаться, что я не Патрик, если бы Саймон просто надо мной пошутил? — Викарий молчал. — Скажите мне, мистер Пек, вас удивило самоубийство Патрика?

— Чрезвычайно.

— А вы знаете кого-нибудь, кто не удивился?

— Нет. Но самоубийство всегда захватывает людей врасплох.

— Ладно. Видно, мне вас не убедить, — сказал Брет.

Они помолчали. Потом викарий промолвил:

— Теперь мне ясно, что ты имел в виду, когда говорил про «ров в Дофане». Тебе дали в приюте прекрасное образование.

— Да, Библию мы выучили наизусть. Саймон, между прочим, тоже знает эту притчу.

— Наверно, знает. Но почему ты так думаешь?

— Когда он услышал, что Патрик возвращается домой, он стал кричать, что этого не может быть, но в глубине души боялся: вдруг это правда? Ведь там, в притче, жертва чудом осталась в живых. И он боялся — вдруг Патрик каким-то чудом тоже остался жив. Я это точно знаю, потому что в день моего приезда он вошел в гостиную напряженный, как струна, явно ожидая, что случится что-то ужасное. И какое же при виде меня он испытал облегчение! Смешно вспомнить.

Брет допил чай и вопросительно посмотрел на викария. Все-таки их разговор облегчил ему душу.

— Саймон, между прочим, сыграл надо мной не одну шуточку. В первый же день он отправил меня проездить Тимбера, не предупредив, что лошадь уже убила человека. Но вы, наверно, полагаете, что тут опять проявилась его «склонность к розыгрышу». А в Бьюресе он перед самым стартом ослабил подпругу на лошади, на которой я собирался выступать. Ну что ж, это, видимо, опять было «чувство юмора».

Викарий внимательно глядел на Брета.

— Я вовсе не защищаю Саймона — у него много слабостей и недостатков. Но одно дело подстроить ловушку — даже смертельно опасную ловушку — самозванцу, человеку, который отобрал у тебя состояние, и совсем другое — убить любимого брата. И почему, кстати, Саймон сразу не заявил, что ты не Патрик, раз он точно это знает?

— По той же причине, по которой этого не сделали вы.

— А... Все просто сочли бы, что он завидует.

— Да. А потом, безнаказанно избавившись от одного Патрика, он был уверен, что ему ничего не будет стоить избавиться и от второго.

— Брет, как бы мне хотелось убедить тебя, что все это плод твоего воображения.

— Вы слишком высокого мнения о моем воображении.

— Тебе надо окинуть честным и критическим взглядом все происшедшее — и ты поймешь, что это чудовищное обвинение выросло у тебя в уме из пустяков. Ты построил его своими собственными руками.

И на этом викарий стоял вплоть до ухода Брета в два часа ночи.

Он предложил ему остаться на ночь у себя в доме, но Брет попросил только сухой плащ и электрический фонарик. И под непрекращающимся дождем пошел по размытой тропинке в Лачет.

— Приходи ко мне, прежде чем что-нибудь предпринять, — сказал ему на прощанье викарий. Но он все-таки помог Брету. Он ответил на главный вопрос: интересы правосудия выше наших личных привязанностей.

Парадная дверь Лачета была не заперта, а на столике в прихожей лежала записка Беатрисы: «Суп в кастрюле на плите», и стоял серебряный кубок на подставке из черного дерева, в котором лежала визитная карточка. На ней рукой Элеоноры было написано: «Ты забыл забрать кубок, воображала!»

Брет потушил свет и прокрался на цыпочках в свою комнату. Кто-то положил ему в постель грелку. Он заснул, едва успев положить голову на подушку.

ГЛАВА 29

Утром в пятницу Саймон вышел к завтраку в самом лучезарном расположении духа и весело поздоровался с Бретом. Взяв газету, он прокомментировал расследование по делу «мертвеца в сундуке», высказался о Тэтти Тэкер (показания которой, по мнению суда, «не стоили ломаного гроша») и осудил отравление как способ избавиться от родственника, превратившегося в обузу. По нему никак нельзя было догадаться, что в их отношениях с Бретом наступил новый этап, разве что изредка в глазах у него мелькал злорадный огонек. Видимо, он не сомневался, что они с Бретом накрепко «повязаны одной веревочкой».

Элеонора тоже вела себя с Бретом как обычно, хотя в ней чувствовалась какая-то скованность, как у человека, сознающего, что он нарушил светские приличия. Она предложила поехать после обеда в Вестовер и заказать гравировку на выигранных кубках.

— Как приятно будет опять видеть на кубке имя «Патрик Эшби», — сказала она.

— Еще бы! — подтвердил Саймон.

Саймон, очевидно, собирался извлекать из жизни максимум удовольствия, изводя Брета намеками и насмешками. Но когда Брет на вопрос Беатрисы, где он провел вечер, ответил, что был у викария, Саймон насторожился. После этого Брет несколько раз ловил на себе его изучающий взгляд.

Когда после обеда Элеонора с Бретом садились в машину, чтобы ехать в Вестовер, появился Саймон и стал требовать, чтобы ему тоже позволили втиснуться в «блоху». «В конце концов один из кубков принадлежит мне, — заявил он, — и мое право решать, что на нем будет написано и каким алфавитом: латинским, арабским, древнееврейским, греческим или кириллицей, — или даже стенографическими значками».

Небрежному обаянию Саймона настолько трудно было противиться, что даже Брет на секунду усомнился: а не прав ли был викарий, уверяя, что все его обвинения построены на песке. Но он вспомнил про лошадь, которую Гейтс купил для своей дочки Пегги, и решил, что реакция Саймона на эту покупку больше говорит о его характере, чем его покоряющий юмор.

Договорившись с гравером о надписях, Саймон и Элеонора отправились в кафе пить чай, а Брет сказал, что ему надо кое-что купить.

Он уже решил, где искать выход из создавшегося положения. Идти в полицию не имело смысла — там ему поверят не больше, чем викарий. У него просто нет доказательств. Если даже Джордж Пек, который не питает иллюзий относительно Саймона, отказывается верить в его преступление без вещественных доказательств, то полиция, для которой Саймон — не юноша с сомнительными принципами, а мистер Эшби из Лачета — и подавно не поверит Брету.

И Брет решил добыть эти самые вещественные доказательства.

Он пошел в гавань, зашел в магазин, торгующий корабельным товаром, и там, хорошенько посоветовавшись с продавцом и перебрав несколько мотков, купил двести футов крепкой веревки. Она была очень тонкой — почти бечевка, — но по прочности не уступала стальному канату. Он попросил продавца упаковать ее в картонную коробку и доставить в гараж, где они оставили «блоху». Получив коробку в гараже, он положил ее в багажник, и, когда Элеонора и Саймон пришли, чтобы ехать домой, Брет сидел в машине и с невинным видом читал вечернюю газету.

Они втиснулись в машину, и Элеонора уже включила зажигание, когда Саймон воскликнул:

— погоди! Мы забыли отдать им старую покрывку.

Он вышел из машины, открыл багажник и вынул покрывку.

— А что в этой коробке, Нелл?

— Какой коробке? — спросила Элеонора. — Это не наша коробка.

— Это моя коробка, — сказал Брет.

— А что там?

— Секрет.

— «Джеймс Фрайер и сын. Корабельный товар», — прочитал Саймон.

Тьфу, черт! Брет и не заметил на коробке надпись. Саймон захлопнул багажник и влез в машину.

— Что ты там купил, Брет? Маленький кораблик в бутылке? Да нет, коробка для этого великовата. Просто модель судна — безо всякой бутылки? Галлеон в полной оснастке, которыми жители пригородов украшают свои буфеты, чтобы напомнить себе, что они принадлежат к нации мореходов и утешить морехода, который перевешивается через борт во время прогулки в Маргейт?

— Да ну тебя, Саймон! В самом деле, что там, Брет? Это и вправду секрет?

Если Саймон захочет узнать, что в коробке, он все равно так или иначе дознается. Не стоит секретничать и распалать его любопытство. Лучше сказать вроде как правду.

— Ну ладно, скажу. Мне кажется, что я разучился бросать лассо, вот я и купил веревку попрактиковаться.

Элеонора пришла в восторг.

— Брет, покажи мне, как это делается! Сегодня вечером, ладно?

— Нет уж. Сначала я поупражняюсь без свидетелей.

— Но ты меня научишь бросать лассо?

— Конечно, научу.

Если веревка сослужит свою службу, Элеонора его скоро возненавидит.

Когда они приехали в Лачет, Брет достал коробку из багажника и оставил ее на виду в прихожей. Беатриса спросила, что в ней, и была вполне удовлетворена его ответом. Больше на коробку никто внимания не обращал. «Как жаль, что в последние дни пребывания в Лачете мне приходится лгать дорогим людям», — подумал Брет. И сам удивился: почему у него так нехорошо на душе от этой маленькой лжи, когда все это время он лгал на каждом шагу?

А ведь еще можно оставить все как есть. Оставить веревку валяться в прихожей и не пытаться с ее помощью добыть улики. Эта веревка не годится для лассо, но можно поменять ее в магазине на такую, которая годится.

Однако, когда наступила ночь и Брет оказался у себя в комнате, он понял, что выбора у него нет. Он проделал путь через океан и обратно для того, чтобы изобличить убийцу. И он его изобличит.

Еще не оправившись от возбуждения скачек и ночного бала, все рано легли спать. Брет подождал до половины первого, потом вышел в коридор. Свет ни у кого не горел, и нигде не раздавалось ни звука. Брет спустился в прихожую и взял со столика коробку с веревкой. Открыл окно в столовой и вылез в темный сад. Потом тихо закрыл окно за собой. Подождал, не раздастся ли чей-нибудь голос, но все было тихо.

Осторожно ступая по усыпанной гравием дорожке, Брет дошел до травянистого выгона и сел на землю в тени деревьев, где его не было видно из окон. Там он достал из коробки веревку и начал навязывать узлы, на которые он будет опираться ногами во время спуска в карьер. Ему не нужно было освещения — его пальцы ловко делали привычное дело. Давно уже у него не было в руках веревки, и это знакомое ощущение придавало ему уверенности и спокойствия. Веревка была очень хорошего качества, вязать узлы было легко, и Брет чувствовал благодарность к фирме «Джеймс Фрайер и сын».

Закончив эту работу, Брет смотал веревку и перебросил моток через

плечо. Через полчаса взойдет луна. Это будет тоненький серп и света он даст немного, но Брет захватил с собой два сильных электрических фонарика, а яркого лунного света ему сегодня и не нужно.

Он шел, останавливаясь через каждые несколько шагов, оглядываясь и прислушиваясь: не идет ли кто-нибудь следом? Но в полумраке ночи он не заметил ни малейшего движения. Даже кошки.

Когда Брет достиг подножия холма Десять буков, небо посветлело; восходил месяц, и он нашел тропинку, которая вела в Вестовер, без помощи фонарика. Некоторое время он шел по ней, а потом, завидев на фоне неба силуэт буков, свернул вправо и вскоре дошел до кустов, которые росли по краю отвесного обрыва старой каменоломни. Там он сел на землю и стал ждать. Но и на этот раз не услышал никаких звуков — только где-то на склоне вдруг пробежала овца.

Брет обвязал конец веревки вокруг ствола самого большого из выросших здесь самосевом молодых буков и сбросил моток через край обрыва. У каменоломни был и пологий край, где раньше оставался узкий проход, но этот проход давно завалило и там росли непроходимые кусты колючего шиповника. Старый Абель рассказал ему об этом в тот день, когда они сидели на холме и разговаривали о детстве Патрика. Абелью однажды пришлось спасти угодившую в карьер овцу. И он сказал, что в каменоломню гораздо легче спуститься по веревке с отвесного края. Вернее, иначе на дно каменоломни вообще нельзя попасть. Когда Брет спросил, есть ли там вода, Абель сказал, что воды там нет; во всяком случае не было двадцать лет тому назад, когда он лазал туда за овцой: под холмом есть проток, через который вода вытекает в море.

Брет подергал веревку, попробовал, не перетирается ли она в том месте, где привязана к дереву. Но у дерева был гладкий ствол, а там, где веревка лежала на каменистом выступе, Брет подложил под нее охапку травы. Брет спустил ноги с края обрыва, нащупал ступнями первый узел. Теперь, когда его глаза были на одном уровне с землей, он отчетливее увидел силуэты кустов на фоне сильно посветлевшего неба, а сверху — тень больших деревьев.

Ногами он опирался об узел, но руками еще держался за натянувшуюся под его весом веревку поверх обрыва.

— Не хотелось бы, чтобы ты отбыл в мир иной, не услышав от меня слова прощания, — раздался вдруг насмешливый голос Саймона. — Я мог бы просто перерезать веревку, и пусть бы ты думал — если у тебя останется время подумать — что она оборвалась. Только это как-то неинтересно.

Брет увидел его силуэт. Саймон стоял на одном колене над натянутой веревкой почти на краю обрыва. Брет мог бы достать до него рукой.

«Какой же я дурак», — чертыхнулся про себя Брет. Он недооценил Саймона. Саймон действовал наверняка. Он не стал дожидаться, пока Брет выйдет из дома, не стал красться следом за ним. Он просто пришел сюда заранее и ждал.

— Тебе ничего не прибавится от того, что ты перережешь веревку, — сказал Брет. — Я зацеплюсь за кусты на склоне и буду кричать, пока кто-нибудь не придет.

— Ничего подобного. Я эту каменоломню знаю, как свои пять пальцев. Прямо-таки сроднился с ней. — Саймон тихонько засмеялся. — Никаких кустов тут нет — летишь до дна без задержки.

А что, если соскользнуть на дно каменоломни прежде, чем Саймон перережет веревку? Собственно говоря, узлы Брет навязал для того, чтобы легче было карабкаться вверх. На них можно просто не обращать внимания. Сколько ему останется до дна, когда Саймон разгадает его замысел?

А, может, лучше... Да! Оттолкнувшись ступнями от узла, Брет резко подтянулся и занес колено над краем обрыва. Но Саймон, видимо, держался рукой за веревку, потому что он почувствовал, как она дрогнула.

— Нет, шалишь, — проговорил он и с силой наступил каблуком на руку Брета. Брет схватил его другой рукой за ногу, вцепившись пальцами в верхний край ботинка. Саймон ударил его по руке ножом. Брет вскрикнул, но ногу не отпустил. Выдернув правую руку из-под каблука Саймона, он ухватил его за щиколотку. Своим телом он закрывал от Саймона веревку, а чтобы расцечь ее позади себя, Саймону нужно было повернуться. Этого Брет ему не давал. Стоя на краю обрыва, человек чувствует себя очень неуверенно, если его держат за ногу.

— Пусти! — прошипел Саймон, размахивая ножом.

— Перестань резать мне руки, — задыхаясь, проговорил Брет, — а то я стащу тебя вниз.

— Пусти! Пусти! — совершенно потеряв голову, кричал Саймон, нанося Брету один удар за другим и не воспринимая его слов.

Брет отпустил край ботинка и освободившейся рукой схватил Саймона за кисть, когда тот в очередной раз попытался ударить его ножом. Теперь он правой рукой держал Саймона за щиколотку, а левой вцепился в кисть его правой руки.

Саймон дико закричал и попытался вырваться, но Брет держал его крепко. Он чувствовал себя более уверенно, опираясь ногами об узел на

веревке, тогда как Саймону ухватиться было не за что. Саймон пытался вырвать правую руку, и тут Брет, рванувшись вверх, отпустил его щиколотку и схватил за левую руку. Теперь он держал Саймона за обе руки, и тот стоял над ним, согнувшись над краем обрыва.

— Брось нож, — сказал Брет.

И тут дерн на краю обрыва пополз вперед. Для Брета это не представляло опасности — его только чуть отжало от стены. Но Саймон, который упирался в землю ногами, стараясь выдержать вес Брета, потерял равновесие.

Брет с ужасом увидел, что Саймон падает прямо на него. Удар выбил у него из-под ног узел, и он полетел вниз в темноту.

В голове у Брета взорвался ослепительный фейерверк, и сознание покинуло его.

ГЛАВА 30

Беатриса сидела в паршивой грязной закуской, перед ней в лужице выплеснувшейся на блюдце жижи стояла чашка кофе, и она в сотый раз за последние сорок восемь часов читала вывешенный на стене больницы призыв к водителям автомашин: «Больница! Просьба не подавать звуковых, сигналов!». Было только семь часов утра, но закусочная открывалась в шесть, и, пока она тут сидела, кто-нибудь обязательно завтракал за одним из столиков. Но Беатриса не замечала других посетителей. Она сидела перед чашкой остывшего кофе и глядела через дорогу на стену больницы. За эти два дня в закусочной привыкли к ее присутствию. Время от времени кто-нибудь из сестер или врачей ласково говорил ей: «Сходите лучше чего-нибудь поешьте». Тогда она переходила через дорогу, некоторое время сидела в закусочной перед чашкой кофе и потом возвращалась в больницу.

Ее жизнь теперь сводилась к этому маятниковому движению из больницы в закусочную и обратно. Она почти не помнила прошлого и была не в силах представить себе будущее. Осталось только настоящее — жуткое, тоскливое полусуществование. Прошлой ночью ей дали койку в комнате сестер, а предыдущую ночь она провела в приемной. Она постоянно слышала одни и те же две фразы: «Положение то же» и «Сходите лучше чего-нибудь поешьте». Они наводили на нее такую же тоску, как и призыв к водителям на стене больницы.

К Беатрисе подошла неряшливая официантка, забрала остывший кофе и поставила перед ней новую чашку.

— У вас кофе совсем остыл, — сказала она, — а вы даже глотка не отпили.

На блюдце в новой порции тоже была выплеснувшаяся лужица. Беатриса была благодарна неряшливой официантке, но ее коробило, что официантка наслаждается своей хотя бы косвенной причастностью к драматическим событиям, которые привели Беатрису в эту закусочную.

«Просьба не подавать звуковых сигналов...» Господи, сколько раз можно читать эту надпись! Надо смотреть на что-нибудь другое. Может быть, на клетчатую клеенку на столе. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Нет, считать квадратики — это тоже безумие.

Открылась дверь и вошел доктор Спенс. Его рыжие волосы были взъерошены, лицо покрыто щетиной.

— Кофе! — бросил он официантке и сел за столик Беатрисы.

— Ну как? — спросила она.

— Пока жив.

— В сознание не пришел?

— Нет. Но, вроде, есть некоторое улучшение. Стало больше шансов... что он придет в сознание. Но это не значит, что он обязательно... выживет.

— Понятно.

— Мы знаем, что у него трещина в черепе, но мы никак не можем определить, какие у него повреждения внутренних органов.

— Понятно.

— Вам надо поесть. Нельзя же жить на одном кофе!

— Да она и кофе не пила, — сказала неряшливая официантка, ставя чашку перед доктором. — Сидит и смотрит на чашку, больше ничего.

Беатрису охватило усталое раздражение — чего эта неряха лезет в ее дела!

— Давайте сходим в ресторан и пообедаем.

— Нет-нет, спасибо.

— До «Ангела» всего десять минут ходу, и там вы как следует отдохнете и...

— Нет-нет. Так далеко я не пойду. Я лучше выпью этот кофе. Он еще не остыл.

Доктор Спенс выпил свою чашку и расплатился с официанткой. Он посмотрел на Беатрису в нерешительности — ему не хотелось бросать ее в таком состоянии.

— Мне надо ехать обратно в Клер. Поверьте, я не оставил бы его, если бы не был уверен, что он в хороших руках. Здесь больше возможностей помочь ему, чем у меня.

— Вы и так сделали для нас очень много, — сказала Беатриса. — Я этого никогда не забуду.

Начав пить кофе, она уже не останавливалась, пока не выпила всю чашку. И не обратила внимания на звук отворяемой двери. Из больницы так скоро за ней не пришлют, а больше ее ничто не интересовало. И она очень удивилась, когда к ней за стол сел Джордж Пек.

— Спенс сказал мне, что вы здесь.

— Джордж! — воскликнула Беатриса. — Что вы делаете в Вестовере в такую рань?

— Я приехал сообщить вам утешительную весть: Саймон умер.

— Утешительную?

— Да.

Он вынул из кармана конверт, а из него какой-то продолговатый

предмет и положил его на стол перед Беатрисой. Это была сильно заржавевшая, но узнаваемая авторучка. Можно было разглядеть золотую спиральку на черном фоне.

Беатриса долго молча глядела на ручку, не беря ее в руки, потом подняла глаза на викария.

— Значит, они нашли...

— Да. Вы хотите, чтобы я вам про это рассказал здесь? Или пойдём в больницу?

— Какая разница, где сидеть. И тут, и там я просто жду и жду.

— Кофе? — спросила викария неряшливая официантка, появляясь возле столика.

— Спасибо, не надо.

— Ладно.

— А что же... что от него осталось? Что они там нашли?

— Кости, моя дорогая. Скелет. Под трехфунтовым слоем опавших листьев. И обрывки одежды.

— И ручку?

— Ручка лежала отдельно.

— То есть... ее... ее бросили вниз потом?

— Не обязательно... но вполне вероятно.

— Понятно.

— Не знаю, утешит ли это вас — по-моему, должно утешить, — но судебный врач считает, что мальчик уже был мертв, во всяком случае, без сознания, когда его...

— Сбросили в карьер, — закончила Беатриса.

— Да. У него был проломлен череп.

— Ясно. Да, меня это утешает. Он, наверно, ничего не успел понять. Прожил такой хороший день... и все.

— В одежде нашли кое-какие вещицы. По-видимому, то, что было у него в карманах. Это все осталось в полиции. Но ручку полковник Смолетт попросил показать вам, — викарий взял ручку и положил обратно в конверт, — опознаете вы ее или нет? А какие новости в больнице? Я видел, как уехал Спенс.

— Никаких. Он все еще не пришел в сознание.

— Я себя ужасно виню в происшедшем, — сказал викарий. — Если бы я вдумался в его доводы, ему не пришлось бы самому искать улики, лезть ночью в карьер.

— Джордж, надо узнать, кто он такой.

— Я так понимаю, что приют пытался это выяснить.

— Да, они наводили справки, как положено. Но, наверно, не очень старались. Надо начать все сначала.

— Исходя из предпосылки, что в нем течет кровь Эшби?

— Да. Такое сходство случайно возникнуть не может. Таких случайностей не бывает.

— Хорошо, дорогая, вы хотите, чтобы я поручил расследование частной фирме? Немедленно?

— Да. Немедленно. У нас, может быть, осталось совсем мало времени.

— Я поговорю с полковником Смолеттом. Он посоветует, к кому обратиться. Я уже с ним разговаривал о коронерском дознании.^[14] Он надеется, что вас, может быть, не вызовут в суд. Нэнси просила передать, что, если хотите, она приедет в Вестовер, чтобы быть рядом с вами. Или вам никого не хочется видеть?

— Милая Нэнси. Скажите ей, что одной это переносить легче. И что я ей очень благодарна. Пусть она лучше побольше времени проводит с Элеонорой. Нелл, наверно, невыносимо возиться с лошадьми, когда все так ужасно.

— А мне кажется, что животные и их повседневные нужды отвлекают ее от грустных мыслей.

— Вы ей рассказали? Вы обещали рассказать ей, что Брет — вовсе не Патрик.

— Да. Честно говоря, я боялся этого разговора. Это было одно из самых трудных поручений в моей жизни. Она едва оправилась от известия о смерти Саймона. Я боялся, что эта новость ее добьет. И знаете, что случилось?

— Что?

— Она меня поцеловала.

Открылась дверь, и вошла молодая хорошенькая практикантка из больницы, казавшаяся в своем белом халате, из-под которого выглядывало сиреневое платье в цветочек, гостем из иного мира. Она окинула взглядом кафе и подошла к Беатрисе.

— Скажите, пожалуйста, вы мисс Эшби?

— Да. А в чем дело? — спросила Беатриса, приподнимаясь на стуле.

— Мисс Беатриса Эшби? Вот и прекрасно. Ваш племянник пришел в себя, только он никого не узнает и не понимает, где находится. Но он все время зовет Беатрису, и мы решили, что это вы. Сестра послала меня за вами. Простите, что я не дала вам допить кофе, но...

— Да-да, — отозвалась Беатриса, которая уже открывала дверь.

— Если вы будете рядом, он, может быть, станет спокойнее, —

говорила практикантка, поспешая за Беатрисой. — Так часто случается, когда рядом находится близкий человек — даже если больной его и не узнает. Это очень странно. Он как будто кожей ощущает присутствие родного человека. Мне это часто приходилось видеть. Больной позовет: «Мери», или как там ее зовут. А Мери отвечает: «Да, дорогой, я здесь». И больной успокаивается. Но если кто-нибудь другой скажет: «Да, дорогой, я здесь», — в девяти случаях из десяти больной знает, что это неправда, и начинает метаться и нервничать. Это очень странно.

Самое странное во всем этом было то, что обычно молчаливый Брет не замолкал ни на минуту. Беатриса сидела рядом с ним весь день, всю ночь и еще один день и слушала этот беспорядочный поток слов. «Беатриса?» — время от времени спрашивал он — в точности, как рассказывала молоденькая практикантка. И она отвечала: «Да, дорогой, я здесь». И он, успокоенный, возвращался в мир своих видений.

Чаще всего он представлял себя в больнице после того, как сломал ногу. Он страшно боялся, что больше не сможет ездить верхом и непрерывно спрашивал: «Я ведь смогу ездить верхом? С ногой ведь ничего страшного не случилось? Мне ее не отрежут?»

— Нет-нет, — успокаивала его Беатриса. — Все будет в порядке.

Один раз он надолго затих, и потом вдруг спросил ее:

— Вы очень сердитесь на меня, Беатриса?

— Нет, я на тебя совсем не сержусь. Спи.

За стенами больницы жизнь шла своим чередом: в Саутгемптон прибывали корабли, проводились коронерские дознания, покойников предавали земле. Но для Беатрисы весь мир сжался до маленькой палаты, где лежал Брет, и койки, которую ей отвели в комнате сестер.

Утром в среду в больницу приехал Чарльз Эшби. Беатриса спустилась к нему в приемную. Чарльз обнял ее, как делал, когда она была еще девочкой, и ей сразу стало тепло и уютно.

— Милый дядя Чарльз! Как хорошо, что вы на пятнадцать лет моложе папы, а то вы не смогли бы поддержать нас всех в эту трудную минуту.

— Быть моложе брата на пятнадцать лет вообще прекрасно. Не приходится ходить в его обносках, — сказал Чарльз.

— Он спит, — сказала Беатриса, остановившись за дверью палаты. — Пожалуйста, громко не разговаривайте, хорошо?

Чарльз посмотрел на молодое лицо с расслабленной челюстью, темными кругами под глазами и щетиной на щеках и сказал:

— Уолтер.

— Его зовут Брет.

— Я знаю. Я просто хотел сказать, что он — вылитый Уолтер. Когда Уолтеру было столько же лет, сколько ему, он вот так выглядел утром с похмелья.

Беатриса взгляделась в лицо Брета.

— Сын Уолтера?

— Несомненно.

— Я как-то не вижу особого сходства. По мне, он похож только на самого себя.

— Ты никогда не видела Уолтера утром после выпивки. — Чарльз еще раз взгляделся в юношу. — Но у него более четкие черты лица. Очень хорошее лицо. — Он вышел вслед за Беатрисой в коридор. — Говорят, он вам всем понравился.

— Мы просто влюбились в него, — ответила Беатриса.

— Да, все это, конечно, ужасно грустно. А кто его натаскал, не знаешь?

— Кто-то в Америке.

— Да, Пек мне говорил. Но кто бы это мог быть? Кто из Клера уехал в Америку?

— Семья Уилеттов уехала в Канаду. У них были дочери. Это была женщина. Может быть, Уилетты потом переехали в Штаты.

— Никогда не поверю, что это была женщина.

— Мне тоже трудно в это поверить.

— Правда? Умница. Ты очень толковая женщина, Беа. И красивая. Ну и что же мы будем делать с этим парнем? Какое у него будущее?

— Пока неизвестно, есть ли у него вообще будущее.

ГЛАВА 31

Пока что только Джордж Пек, Беатриса, Чарльз, Элеонора и адвокатская фирма «Коссет, Тринг и Ноубл» знали, что Брет — не Патрик Эшби.

И полиция.

То есть полиция, как говорится, «на высочайшем уровне».

Полиции рассказали все, и теперь она занималась тем, чтобы наилучшим образом замять эту историю и при этом не нарушить законов, которые она обязана была поддерживать. Саймон Эшби умер... Зачем же тогда делать его преступление достоянием гласности? Если свидетели не будут говорить лишнего, можно и соблюсти ритуал законности, и не рассказывать ненужную правду: как если бы по земле прошли бороной, оставив в глубине невзорвавшиеся бомбы.

Коронерское дознание по поводу найденных в каменоломне костей закончилось решением, что их принадлежность установить невозможно. За последние годы в округе не происходило необъяснимых исчезновений. С другой стороны, на холме Десять буков часто останавливались табором цыгане, а они, как известно, не спешат заявить в полицию о несчастных случаях среди своих соплеменников. От одежды осталось только несколько неопознаваемых лоскутков, а предметы, найденные возле скелета: проржавевший кусок металла, который, возможно, когда-то был свистком, еще кусок металла, в котором можно было узнать перочинный нож, и несколько мелких монет, — никем опознаны не были.

— Джордж, — сказала Беатриса, — а что стало с авторучкой?

— Стилографом? Я его потерял.

— Джордж, что ты говоришь!

— Кому-то надо же было его потерять, дорогая. Полковник Смолетт этого сделать не мог — ему не позволяло чувство долга. Полицию останавливало чувство самоуважения и сознание долга перед обществом. А я уж как-нибудь вымолю прощение у господина Бога. Хотя никто мне не сказал «спасибо», по-моему, в полиции мне были очень благодарны.

Дознание по поводу смерти Саймона проходило недели через две: его отложили до тех пор, когда можно будет взять показания у Брета. Полицейский, который беседовал с ним, показал в суде, что мистер Эшби не помнит, как они упали в карьер или зачем они с братом отправились туда глубокой ночью. Кажется, они побились об заклад, вроде бы о том, есть ли

на дне карьера вода. Но поручиться, что это так, мистер Эшби не может — память ему отказывает. У него серьезная травма черепа и он все еще очень тяжело болен. Он только помнит, что Абель Таск говорил ему, что воды в карьере нет, а Саймон, наверно, сказал, что должна быть. Может быть, они побились об заклад и решили это выяснить.

Абель Таск подтвердил, что Патрик Эшби спрашивал его, есть ли на дне карьера вода — на дне старых карьеров обычно образуется большая лужа дождевой воды. Кстати, именно Абель Таск поднял в ту ночь тревогу. Он пас на холме овец и услышал, как ему показалось, крики о помощи со стороны каменоломни. Он бросился туда и нашел неповрежденную веревку. Тогда он спустился в деревню и из дома кузнеца позвонил в полицию.

В ответ на вопрос коронера Беатриса сказала, что, если бы она знала о предприятии братьев, она конечно постаралась бы его пресечь. Видимо, поэтому, заключил коронер, братья и решили никому ничего не говорить.

Присяжные вынесли приговор: смерть от несчастного случая. Коронер выразил соболезнование семье Эшби по случаю гибели многообещающего молодого человека.

Вопрос о Саймоне, таким образом, был закрыт. Для широкой публики осталось тайной, что в возрасте тринадцати лет он убил брата-близнеца, спокойно написал от его имени записку, бросил ручку в пропасть вслед за телом брата, вернулся в кузницу и спокойно пошел ужинать, когда кузнец прогнал его домой в шесть часов. Ночью верхом на своем пони он присоединился к поискам брата, перенес его куртку на вершину утеса и там ее оставил с запиской в кармане. И теперь все соседи оплакивали этого веселого и обаятельного юношу.

Но вопрос о Брете оставался открытым.

Не вопрос о том, кто он, но вопрос его будущего. Доктора решили, что, если уж он наперекор их прогнозам до сих пор не умер, то, видимо, останется жить. Но ему еще долгое время нужен будет заботливый уход, и он должен жить в спокойной обстановке — тогда он, возможно, полностью поправится.

— Тут к тебе приходил дядя Чарльз, — сказала ему Беатриса, когда он уже был в состоянии сосредоточиться на том, что ему говорят. — Он был поражен твоим сходством с Уолтером Эшби. Моим двоюродным братом.

— Да? — без интереса отозвался Брет. — Какое все это теперь имеет значение?

— Мы решили выяснить, кто твои родители.

— Полиция уже пыталась это сделать, — устало сказал он. — Много

лет тому назад.

— Да, но у них не было никаких исходных данных. Они узнали только, что какая-то молодая женщина приехала в Лондон с ребенком, а уехала без него. Поезд пришел из Бирмингема. Мы же начали с другого конца. С Уолтера. Мы решили выяснить, где был Уолтер примерно двадцать два года тому назад. Уолтер нигде подолгу не задерживался, но нам удалось узнать, что он два месяца смотрел за лошадьми, пока хозяин конюшни лежал в больнице на операции. Это было в Глостершире. В доме оставались экономка и молодая повариха. Она прекрасно готовила, но мечтала стать медицинской сестрой. Экономка хорошо к ней относилась — так же, как и хозяин, и когда они узнали, что она беременна, они оставили ее в доме, и рожала она в местном роддоме. Экономка считала, что отец ребенка — Уолтер, но девушка отказывалась назвать отца. Она не хотела выходить замуж, она хотела стать медсестрой. Она сказала хозяину, что едет с ребенком к своим родителям, где состоятся крестины, и обратно уже не вернулась. Но через несколько лет экономка получила от нее письмо, в котором девушка благодарила ее за доброе отношение и сообщала, что осуществила свою мечту и стала медсестрой. «Никто не знает, что у меня был ребенок, — писала она, — но он воспитывается в хорошем месте».

Беатриса посмотрела на Брета. Он лежал на спине и смотрел в потолок, но как будто слушал ее.

— Ее звали Мери Вудвард. Из нее получилась отличная медсестра, она ухаживала за больными даже лучше, чем готовила. Она погибла во время войны при налете, выводя больных из палат в убежище.

Брет долго молчал.

— Так вот от кого я унаследовал свои поварские таланты, — сказал он наконец, но в словах его как будто не было горечи.

— Уолтер был очень милый и добрый человек, — продолжала Беатриса. — У него был только один недостаток — он не умел пить, а выпить очень любил. Я уверена, что Уолтер не знал про беременность Мери. Он бы тут же примчался, чтобы на ней жениться. Она, наверное, не хотела, чтобы он узнал.

Беатриса опять поглядела на Брета. Может быть, она слишком рано все это рассказала? Ему, как будто, совсем не интересно. Надо было подождать, пока он окончательно поправится. Но все-таки она надеялась, что ему теперь станет легче жить.

— Боюсь, что прямых доказательств у нас нет. Но мы все уверены, что ты — сын Уолтера. Чарльз сказал: «Уолтер», как только тебя увидел. А мне кажется, что ты немного похож и на свою мать. Вот ее фотография. Она

тогда была на втором курсе медицинского училища при больнице Святого Луки.

Беатриса дала Брету фотографию и ушла из палаты.

Через две недели она сказала Элеоноре:

— Нелл, я собираюсь уехать от вас. Я взяла в аренду конный завод Тима Коннела в Килбарти,

— Как?

— Это будет не так скоро, когда Брет достаточно окрепнет, чтобы перенести дорогу.

— Ты забираешь с собой Брета? Тогда конечно! Это замечательная мысль, Беа. Сразу разрешится столько проблем. А деньги у тебя есть? Может быть, дать займы?

— Не надо, мне одолжит дядя Чарльз. Подумать только — Чарльз дает деньги на лошадей! А тебе придется платить огромный налог на наследство. Мистер Сэндел сообщил банку, что Лачет на самом деле был собственностью Саймона.

— А как нам сказать соседям про Брета? Про то, что он не Патрик?

— По-моему, они сами постепенно узнают. Так всегда бывает. Просто не надо никак этому препятствовать. То, что мы приняли его в лоно семьи и вовсе не собираемся привлекать его к суду, выбьет почву из-под ног самых заядлых сплетников. Ничего, Нелл, переживем. И он переживет.

— Конечно, переживет. Если кто-нибудь спросит меня о нем в лоб, я скажу этаким небрежным тоном, словно мы обсуждаем рецепты ватрушек: «Вы про моего троюродного брата? Да, он действительно какое-то время притворялся, что он Патрик. Но ведь и правда он очень похож на Патрика».

Элеонора помолчала, потом добавила:

— Но мне хотелось бы, чтобы все поскорей узнали, что он мне не брат. Сколько можно ждать, чтобы выйти за него замуж?

— Ты хочешь выйти за него замуж? — ошеломленно спросила Беатриса.

— Непременно.

Беатриса помолчала, потом решила, что лучше предоставить делу идти своим чередом.

— Не беспокойся. Все узнают очень скоро, — сказала она.

— Ну вот, — сказала она Брету на другой день. — Чарльз собирается поселиться в Лачете. А мне можно уехать и пожить немного своей собственной жизнью.

Брет отвел глаза от потолка и посмотрел на нее.

— Я собираюсь взять в аренду конный завод в Ольстере.

Брет стал перебирать пальцами край простыни.

— Вы уезжаете в Ольстер? — с несчастным видом спросил он.

— Только если ты согласишься поселиться там со мной. Я хочу сделать тебя управляющим завода.

По щекам Брета покатались слезы — он был еще слишком слаб, чтобы владеть собой.

— Беатриса, милая, — прошептал он.

— Значит, ты согласен?

notes

Примечания

1

Нонконформисты (англ.) — члены английских церковных организаций (пресвитериане, конгрегационалисты, методисты и др.), не признающие учения и обряды государственной англиканской церкви. — Примеч. пер.

Гроб (англ.). — Примеч. пер.

Мелюзга (англ.) — Примеч. пер.

Лайми (англ.) — кличка, которой американцы называют англичан. —
Примеч. пер.

Кью-гарденз — ботанический сад в Лондоне. — Примеч. пер.

Игра слов. Блум (англ.) — цветок. Глум (англ.) — уныние. — Примеч. пер.

Травести — букв. переодетый (фр.). Здесь: карикатура. — Примеч. пер.

Ирландский крестьянин (англ.). — Примеч. пер.

Мореная плашка (англ.). — Примеч. пер.

Савил-Роу — улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных. — Примеч. пер.

Король Англии Вильгельм II, прозванный Рыжим, сын Вильгельма-завоевателя, правил с 1087 по 1100 г. Погиб на охоте. — Примеч. пер.

Хани — букв. мёд (англ.). В переносном смысле — милочка, голубушка. — Примеч. пер.

Ссылка на библейскую притчу об Иосифе Прекрасном, которого возненавидели его братья, хотели убить и бросить в ров, но потом передумали и продали в рабство. — Примеч. пер.

Коронерское дознание — предварительное следствие, проводимое в случае внезапной или насильственной смерти специальным должностным лицом.